

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/ АВГУСТ 2020

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке – кадр из фильма «Потомок снежного барса». **Фото Александра Федорова.**

На остальных обложках он представляет фотографии подвижников кыргызского кино.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail: alekivanov38@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 3/2020

ПРОЗА

Вячеслав Александров. Две сестры – одна холера. <i>Рассказ</i>	4
Константин Караханиди. Мальчик, хочешь сниматься в кино? Поговори со мной. <i>Рассказы</i>	19
Юлия Кулешова. Не благими намерениями. <i>Рассказ</i>	41
Александр Зеличенко. Живу и помню. <i>Миниатюры</i>	60
Талип Ибраимов. Арман. <i>Рассказ</i>	77

ПОЭЗИЯ

Светлана Суслова. Однажды в мае. <i>Стихи</i>	89
Анэс Зарифьян. Песни о любви. <i>Стихи</i>	99
Евгений Колесников. Старый тутовник. <i>Стихи</i>	107
Кристина Убайдуллаева. Откровение. <i>Стихи</i>	114
Олег Астральный. Игра без правил. <i>Стихи</i>	119

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Труханов. Мой друг Борис Самохвалов – капиталист.	126
Анвар Амангулов. «Наглухо приварен к русскому языку.»	140
Виталий Нишанов. Друзья и дороги	152

ЛИТ. КУЛЬТ. ПАНОРАМА

Султан Раев. Чингиз Айтматов: «Любовь сотворила Вселенную. Вселенная вечна...»	171
Дария Буржубаева. Александр Крячун – хранитель памяти земли родной	185
Владимир Михайлов. Подвижники кыргызского кино	198
Кратко об авторах	218

ПРОЗА

Вячеслав
АЛЕКСАНДРОВ

ДВЕ СЕСТРЫ – ОДНА ХОЛЕРА

Рассказ

Младшую сестру звали Одессой. Да-да, та самая красавица Одесса, воспетая знаменитыми поэтами и писателями от Пушкина до Багрицкого и от Чехова до Жванецкого. Оперный театр и бронзовый Дюк де Ршилье, Потемкинская лестница и Морской порт, нещадное августовское солнце и бескрайнее синее Черное море! Романтика!

Моя давняя мечта побывать в Одессе вдруг стала халявной явью. Щедрым спонсором этого увлекательного двухлетнего путешествия выступил Первомайский военкомат города Фрунзе. В моем командировочном предписании значилось: «Младший лейтенант запаса В. В. Александров в связи с призывом в ряды Советской армии направляется в распоряжение Главного штаба Одесского военного округа».

– Та-а-а-к! – многозначительно протянул прокуренный хриплый бас, обладателем которого оказался помятого вида господин в генеральском мундире. По явному похмельному амбре в кабинете было ясно, что начальник отдела кадров округа вчера попал в крепкий алкогольный шторм и поэтому пребывал в пограничном состоянии. Перелистывая мое личное дело, ветеран кадровых закулисных баталий отпускал цветистые комментарии:

– Значца, военная кафедра Киргизского госуниверситета, младший лейтенант, командир мотострелкового взвода. Ванька-взводный, значца, ядрит твою за ногу! Сено-солома. Присылают тут всяких гражданских... Двухгодичников! Физический факультет? Физкультурник, что ли? Шутка. Физики-лирики, понимаешь... Лучше бы физкультурником был. И нам бы

сгодился, и тебе хорошо. На хрена нам твоя физика? Стрелять хоть умеешь? Служил, нет? Да, впрочем, один хрен. Главный армейский закон знаешь? Не можешь – научим, не хочешь – заставим!

Наша странная беседа носила характер монолога. Да генерал и не нуждался в моих ответах, поскольку старый служака знал все наперед.

– Повезло тебе, дураку. Служить будешь в Крыму. Кадровые офицеры, цвет армии, 25 лет по всем дырам Союза мотаются и хрен в Крым попадут. А тут студент, ядрена вошь, пороха не нюхал, и раз - в Крым... В Симферополе явишься в штаб корпуса. Там тебя определят в часть и выдадут форму. Затем на двухмесячные сборы молодых лейтенантов в город Николаев. Там из тебя человека сделают! Да, именно лейтенанта. Вместе с призывом на службу министр обороны пришил всем двухгодичникам очередное воинское звание – лейтенант. Поздравляю. «Спасибо» будешь своей бабе в спальне говорить, студент, а тут – «Служу Советскому Союзу!» Кругом! Шагом марш, пехота!

Вот таким экспресс-методом началась моя служба в Советской армии. И первым же шагом по ступеням армейской карьеры стало грубое нарушение приказа вышестоящего начальника. Шагом марш в Крым я не пошел. И даже не поехал на скором поезде в Симферополь. Напротив, мне показалось, что остаток дня, проведенный мной в Одессе, никак не повлияет на боеспособность нашей славной Советской армии. И с легким сердцем прогулочным шагом я отправился вслед за мечтой. Кто там сказал: «Увидеть Париж и умереть»? Он просто не бывал в Одессе. Увидеть Одессу и остаться там жить - это гораздо приятнее для души и полезнее для здоровья. Увидеть своими глазами знаменитый оперный театр, пройти по Дерибасовской, выпить бокал пива в знаменитом баре «Гамбринус», услышать несравненный говор одесских дворишков, окунуться в шумный мир «Привоза». Когда выпадет еще такой шанс?

Все это я увидел, услышал и - даже больше! - ощутил на собственном кармане. Пока я стоял разинув рот и восхищался памятником основателя города Иосифа де Рибаса, у меня стырили бумажник. К этому я, как начитанный интеллигент, был морально подготовлен «Одесскими рассказами» товарища Исаака Бабеля. И был приятно удивлен, что из бумажника изъяли только денежные знаки. Главные документы

– удостоверение офицера запаса и предписание в штаб Симферопольского корпуса - были на месте. Как говорят местные остроловы, «Господи, спасибо, что взял деньгами!»

Следующий день, 6 августа 1970 года, надолго запал в мою душу. Штаб Симферопольского пехотного корпуса встретил бомбой. И заключалась она всего в двух словах - в Одессе ХОЛЕРА! Штаб был похож на растревоженный улей, в который залез медведь. Боевой тревоги «В ружье!» никто не объявлял, но здесь в полный рост стоял аврал. Все куда-то бежали, хлопали двери, трезвонили телефоны, отдавались противоречащие команды. Это была не атомная война, не землетрясение, не приезд первого секретаря ЦК КПСС. На все эти случаи была четкая инструкция, по которой действия были расписаны с расчетом на последнего дебила. А вот про холеру там не было ни слова. Поэтому никто не знал, что это за хрень и что с ней делать.

Нас, двухгодовичников, в этом бедламе у дверей отдела кадров оказалось три человека. Одессит-историк Юра Поволоцкий, инженер-автомобилист Талгат Кокенов из Караганды и я, физик-экспериментатор из города Фрунзе. Своей яркой гражданской одежкой мы выделялись как пугало среди армейского огорода цвета хаки. Наконец о нас споткнулся хозяин волшебного кабинета майор Добрыйдень, от которого и зависла наша дальнейшая армейская судьба. Его украинская фамилия предполагала приятную беседу, но приговор был ослепителен, как вспышка молнии, и оглушителен, как удар грома.

– А вы какого хрена тут делаете? Холера! Знаете, что это такое? Я тоже не знаю. Черт бы ее побрал! Но что-то очень серьезное. Быстро ноги в руки, бегом марш на автовокзал и в Феодосию, в штаб дивизии. Там с вами разберутся. Сейчас не до вас. В Одессе началась паника. Приезжие толпами, как тараканы, разбегаются. Наши части оцепляют город. Чего глаза вытарасили? Дуйте, пока еще транспорт ходит, а то завтра и нас достанет! И никому ни слова про холеру. Категорически запрещено сеять панику!

Что такое холера, я имел весьма смутное представление. Какая еще холера? В двадцатом веке живем. Чума, оспа, испанка, холера – это все про Средние века. Однако интеллигент в третьем поколении Юра Поволоцкий слегка прояснил ситуацию:

– Из наших, одесситов, последний раз осенью 1830 года Пушкин сидел на карантине от холеры в Болдино. Так он вагон

гениальных стихов настрочил за два месяца этого заключения. Видать, страх перед холерой так благотворно действует на творческие способности! Десять лет в школе учить пришлось. А в Одессе за тринадцать месяцев вольготной жизни всего одну главу «Онегина» да эпиграмму на градоначальника графа Воронцова написал.

После оживленной дискуссии на нашем высоком студенческо-офицерском собрании было решено, что холера – это что-то вроде насморка. Только из другого места. Подумаешь, лишний раз в сортир сбегать, не проблема. А тут чуть не боевая тревога! Войска Одессу оцепляют... Чушь собачья.

Но в городе уже чувствовалось напряжение. Несмотря на официально-строгую секретность информации, местное сарафанное радио работало исправно. На автостанции народ уже шушукался: Одесса, холера, оцепление. Это «англичанка» гадит! С корабля воду заразили в порту. Так на «Привоже» говорили. А они там все точно знают!

Очередной кадровик в дивизионном штабе имел звание пониже, капитан по фамилии Холявко. Заметив наши удивленные глаза, Юра заметил:

– Это обычная украинская фамилия, говорит о наклонностях ее основателя. Так что будьте осторожны, если познакомитесь с господами Непейпиво или Перебейнос.

Но монолог капитана был аналогичен предыдущему, так же эмоционален и краток:

– Здесь, в Феодосии, вам делать не хрен. У нас своих проблем полно. Быстро собирайте свои манатки и пулей в Керчь. Слышали, Одессу вчера наглухо закрыли, а сегодня уже Симферополь оцепляют. Милиции не хватает, подняли по тревоге мотострелковый полк. Все дороги перекрывают. Холера какая-то летучая, Эль-Тор называется. То ли из Ирана, то ли из Пакистана. А может, и диверсия. За два дня четыреста километров от Одессы до Симферополя эта хрень доскакала. А здесь до Керчи еще сто, может, вы и успеете добраться. Я позвоню в полк, там его легко найдете. Он в аккурат у горы Митридат располагается. Каждая собака знает, не промахнетесь.

После этого конкретного целеуказания мы двинулись в овечью тысячелетиями столицу Боспорского царства, надеясь на благосклонность и покровительство всемогущего царя Митридата. Критичная информация нашего штатного историка гласила:

— Конечно, Керчь не Одесса. Не то, не то. Деревня! Нет такого шика и блеска, народ не такой сообразительный. Правда, старушке Керчи уже за 2600 лет перевалило — пенсионерка! А Екатерина Великая только в 1794 году подписала указ об основании Одессы. Всего 176 лет, девчонка несовершеннолетняя, красotka!

В этот раз в воинской части 61968 кабинет кадровика был наглухо заперт - было уже позднее время. Дежурный по полку капитан Закусило рукопожатием нас не удостоил. На расстоянии вытянутой руки рассмотрел нашу длинноволосую гражданскую шайку и объявил:

— Вообщем так! Вы прибыли из зараженной местности. Приказано разместить вас в изоляторе. Черт знает, может, вы эту холеру из Одессы с собой притащили. Завтра начмед полка вас осмотрит, и решим, что с вами делать.

Так как был выходной день, полковой врач уехал на рыбалку и изолятор был закрыт. Нас расквартировали в шикарном полковом клубе, еще сталинской постройки с колоннами. Кровати стояли прямо на сцене, откуда открывался прекрасный вид на зал в пятьсот мест с балконом. Мы даже почувствовали себя в роли эстрадных звезд. Не хватало только оркестра и публики в зале. Но за ними дело не стало.

С рассветом заиграла очень громкая музыка. Это была «Боевая тревога». Вначале взвыла сирена, установленная на крыше клуба над нашими головами, потом запел полковой горнист и по казармам загрохотали сапоги этой самой публики. Через десять минут мотострелковый полк выстроился на плацу.

Командир полка подполковник Бевз объявил:

— С этой минуты в Керчи объявляется чрезвычайное положение по поводу эпидемии холеры. Приказом командующего наш полк должен обеспечить полное оцепление города, чтобы ни одна мышь не проскочила. Ни в город, ни из города. План оцепления - у начальника штаба. Чтобы через полчаса, кроме комендантского взвода, в части никого не было. По машинам!

И через час действительно территория части оказалась пустой. О нашем же существовании «полкач» даже не подозревал. Ему не успели доложить о такой мелочи, как три двухгодичника. Только пара часовых из караульного взвода маячила на вышках, полковой пес Дембель в одиночестве печально сидел среди опустевшего плаца, и наша забытая военно-граж-

данская команда скучала в полковом клубе. Мы, выпускники ведущих вузов Союза, цвет интеллигенции, оказались не нужны Родине в трудную минуту. Даже стало как-то обидно и жутковато. Через два дня о нас случайно вспомнили. Выдали полевую офицерскую форму, поставили на довольствие в столовую и снова забыли.

Вот так побратались Одесса и Керчь. Вернее, посестрились. Как и в жизни, бывают кровные сестры по отцу, единоутробные по матери, а здесь случилось уникальное сводное родство по холере! Симферополь и Феодосию от этого родства Бог миловал.

Город оцепили войска, и множество людей оказались в мышеловке. На сто тридцать тысяч аборигенов упали тридцать тысяч отдыхающих. Что с ними делать – большой вопрос! Здесь и началась паника. Она выползала из всех щелей, мерзкая и липкая, цепляясь за ботинки, лезла прямо в душу. Земля наполнилась слухами. Их приносили в опустевшую часть вольнонаемные сотрудницы штаба – жены и боевые подруги офицеров. И вот здесь-то на полный экран живописались драматические картины холерной катастрофы в исполнении впечатлительных дам. Это были страсти-мордасти почище любых голливудских ужастиков:

– Вся Керчь содрогается от воя сирен «неотложной помощи», заболевшие люди валяются по всем придорожным канавам, морги переполнены, а трупы боятся хоронить и будут сжигать! В порт приходят иностранные корабли и специально заражают воду холерой. Целыми мешками! Даже тетя Песя, которая торгует самогонкой у Рыбного порта, покинула свой пост и ушла домой. Все... Это конец света!

Что погубило кошку? Правильно, любопытство. Вот и мы туда же. Подогретые невероятными слухами, мы, пользуясь нашим неопределенным бесконтрольным положением, отправились на разведку. Гражданская одежда и пролом в заборе во все времена армейской службы были залогом успешной самоволки. Инспекционная вылазка принесла неоднозначные плоды. Гора Митридат и развалины Пантикапея стояли на месте и для тысячелетних старожилов выглядели весьма прилично. Черное море по-прежнему имело прекрасный голубой оттенок. На приморском бульваре был обнаружен только один труп, лежавший в канаве. При попытке реанимировать его он стал возражать и потребовал налить еще. А вот на площади у горисполкома уже все было серьезно. Собралась толпа

из приезжих и отдыхающих. Человек пятьсот. Они требовали выпустить их из города по домам. А это была проблема. Выпустить тридцать тысяч приезжих на свободу разом было нереально. Тем более что среди них могли быть и носители холеры. Вот здесь и прозвучали два ключевых слова, которые определили нашу ближайшую судьбу: карантин и обсерватор. Весь город - на карантин, а кому надо уезжать – в обсерватор.

Обсерватор! Слово-то какое! Так и приходит на ум обсерватория, телескопы, звездное небо, поиски внеземного разума, романтика... Но эти слова были из другой песни, а нам пришлось быстро спуститься с небес на землю. Местные остроусловы скромно убрали в нем всего одну букву, но как изменился смысл! Вместо возвышенного и прекрасного оно стало грубым и утилитарным.

– Ну что, господа офицеры, добро пожаловать в «обсерватор»! – широким жестом пригласил нас войти в казарму полковой фельдшер старшина Николай Подопригора. – Вот здесь и будете куковать десять дней. А чтобы вам не было скучно, сейчас подвезут еще сто человек. Здесь, в соседней части, проходили военные сборы бывшие служаки. Их собрали сюда со всего округа. Теперь «партизанам» надо домой ехать. У них семьи, жены, дети. А тут холера! Они начали разбегаться, еле отловили. Сейчас под конвоем их везут сюда. После обеда начальник медслужбы части прочтет вам лекцию про холеру, одновременно подъедут медики из города и возьмут материал для анализа. Через десять дней «партизаны» - по домам, а вы - в Николаев, на сборы двухгодичников. Да вы, ребята, не дергайтесь. Это «старикам» домой надо скорее, а вам повезло. Солдат спит, а служба идет! – порадовал нас армейский эскауп.

А затем он решил нам сказать пару слов за холеру - попростому, без научных глупостей.

– Вибрион холерный попадает в желудок в основном с водой, от плохой пищи и грязных рук. А потом неудержимый понос. Штаны в руках будете держать и тетрациклин горстями глотать. За сутки тридцать литров жидкости можно потерять. И от обезвоживания дуба дать. Одно спасение от этой хрени – хлорка. Будете день и ночь хлоркой все драить. Руки, лицо и даже задницу!

Этой ободряющей информацией Коля восполнил пробел в нашем медицинском багаже и торжественно удалился как человек, довольный хорошо выполненной работой.

В переполненной казарме пламенная речь начальника медицинской службы майора Розмарицы о соблюдении строгого карантина произвела на контингент удручающее впечатление. «Партизанское» воинство отличалось крайней недисциплинированностью и больше походило на анархистскую банду батыи Махно из Гуляйполя. Описания медицинских и научных тонкостей протекания холеры прерывались двусмысленными вопросами, непристойными предложениями, грубым смехом и свистом. Публика прибыла сюда, в «обсерватор», в предчувствии веселого медицинского шоу, в котором главную роль исполнит доктор в пенсне и цилиндре, потом выступит кордебалет медсестер в белых халатах и нижнем белье, а все закончится самогонным братанием, и наступит хеппи-энд в виде поездки до дому-до хаты. Вместо этого ей предлагался строгий карантин с пребыванием в казарме, огороженной красной лентой, как при охоте на волков. Постоянное мытье рук и лица с хлоркой, глотание тетрациклиновых колес и жесткий сухой закон. Хлорированная же вода не просто насмешка, а издевательская подмена знаменитых крымских вин и уважаемого самогона из местечка Горностаевка.

Пока публика приходила в себя от антиалкогольного нокдауна от доктора Розмарицы, наш brave фельдшер Подопривора по одному выдергивал из казармы особо буйных представителей «партизанского» движения и направлял в канцелярию на забор материала для анализа. Там пациента и встречал настоящий медицинский кордебалет в лице холерной команды городской инфекционной больницы. Предводитель, медбрат двухметрового роста, слегка симпатичнее орангутанга, предлагал клиенту выбор – спустить штаны самостоятельно или это сделает он. Желающих воспользоваться его услугами не нашлось. Поэтому клиент снимал штаны сам, наклонялся и закреплялся в интересной позиции буквы Z. Потом появлялся другой медработник, вставлял в его зад стеклянную трубочку и делал забор материала, в просторечье – кала. Все бы ничего, да только из-за нехватки медперсонала к нам прислали семнадцатилетних девчонок – практиканток из медучилища. Настоящий медик - это по определению существо бесполое и циничное. Для него подобная процедура - что зубы почистить. Но это были вчерашние школьницы. Бедняжки смущались, краснели и бледнели, производя эту незатейливую операцию. Это было их боевое крещение холерой. Однако после этой интимной процедуры даже самые ярые анархисты выходили

умиротворенными и просветленными. Затем эти драгоценные пробы высевались в лаборатории, и через десять дней появлялся результат, а с ним и приговор.

Это был наш первый в жизни десятидневный карантин. Распорядок дня не отличался разнообразием. Народ в обсерваторе подобрался интересный - от бомжей до докторов наук и от заядлых картежников до мастеров спорта по шахматам. Баталии длились круглый день с перерывами на питание. На улице стояли длинные столы, разделенные пополам красной лентой. Дежурные по кухне приносили из полковой столовой бачки с едой, похожие на громадные хоккейные шайбы, и метали их по столу под лентой. Наш дежурный выступал в роли вратаря: ловил их и доставлял в казарму, где жаждущий и страждущий народ налетал на любимую гречневую кашу. Затем традиционный преферансный марафон до вечера, где «студенческое» офицерство достойно представлял Талгат Кокенов. Он даже сумел посадить на «паровоз» на мизере ялтинского картежного авторитета, чем завоевал всеобщее уважение «партизанской» вольницы.

Вечером – коллективный просмотр главной программы новостей «Время» от Центрального телевидения. Огромная страна выдавала на-гора тысячи тонн металла, сотни составов угля, тысячи тонн пшеницы. Геологи бурили скважины, полярики проводили караваны по Северному морскому пути, доярки повышали надои. Кругом кипела жизнь. И ни одного слова об Одессе и о Крыме, где вместо пяти миллионов отдыхающих в холерном плену Керчи томились в «обсерваторе» в ожидании приговора сто «партизан» и три начинающих офицера. По определению, в великой стране не должно было быть никаких эпидемий. Поэтому въезд в курортную зону был просто запрещен под видом желудочно-кишечных заболеваний.

А посему в качестве протеста в нашем обсерваторе было найдено холерное противоядие. Наш хитромудрый историк лейтенант Поволоцкий раскопал статью в медицинском справочнике из полковой библиотеки, в которой утверждалось, что еще во время Крымской войны 1853 года вторая эпидемия холеры унесла жизни 11 000 французских и 7 000 британских солдат. И основным лекарством от холеры в то время было сухое вино. Оно повышало кислотность в желудке и убивало вибрион. Статью эту, кроме него, никто не читал, но сомнение в ее истинности высказал только доктор Розмарица. Однако его слабый глас потонул в общем одобрении этого волшебного

эликсира. С этого дня народ значительно повеселел, а запах изысканных сухих крымских вин «Алиготе», «Мерло», «Коктебель» временами даже стал перебиваться суровым духом горностаевского самогона, который по крепости приближался к медицинскому спирту и поэтому был признан лекарством. К концу срока наш обсерватор стал больше походить на дружескую сходку Клуба английских джентльменов с казаками Запорожской сечи.

Наш дембель ожидался на десятый день заточения. С утра махновско-«партизанская» рота умывалась, брилась, гладила «гражданку» в предвкушении встречи с родными и близкими. Уже все обменялись адресами, и радостное настроение разлилось по казарме, как пенистые волны Черного моря накрывают прекрасные крымские пляжи.

Черную метку принес начмед Розмарица. Перед строем дембельского отряда он объявил приговор:

— К сожалению, в анализах одного из «сборников» обнаружен холерный вибрион. Этот человек уже отправлен в изолятор. За это время он мог заразить еще кого-нибудь из вас. Поэтому приказ военного коменданта: всем оставаться в обсерваторе на повторное обследование! Никаких возражений не принимается!

Небо упало на землю, и царь Митридат перевернулся в своем гробу! Свист, вой, топот, призывы разобрать оружие и разбежаться! Назревал вооруженный бунт. Это было страшно. Если сейчас народ побежит, да с оружием, его никто не остановит! Но наш доктор, несмотря на свою опереточную фамилию, был тертым калачом с хорошо поставленным командирским голосом:

— Прекратить бардак! В городе уже два смертельных случая. Двести обдристанных человек лежат в изоляторах. Известно, куда их повезут. Автобусом на вокзал или ногами вперед на кладбище. Если среди вас есть такие смелые, я устрою им бесплатную экскурсию в холерный барак! Себя не жалко — и черт с вами! А кто хочет рискнуть здоровьем своих близких, жен, детей и родителей, выйти из строя!

Таковых не нашлось. И вторая декада обсервации прошла по всем карантинным правилам под знаком тотального контроля и подозрительности. Все теперь было по-взрослому. Был заведен специальный дневник посещения туалета. На дверях его висел список постояльцев обсерватора, и каждый посетитель при входе ставил крестик у своей фамилии. По

нему можно было вычислить потенциального холероносителя. От постоянного мытья рук и лица хлорированной водой кожа начинала слезать струпьями. Вся военная форма стала двучетной. Задняя половина оставалась зеленой, а впереди, куда попадала хлорка, походила на подвенечное платье. Но в этот раз уже было не до шуток, и все приказания доктора выполнялись неукоснительно. Третьей обсервации мы бы уже не пережили. Тем более что полковой кагэбэшник-особист продемонстрировал контингенту обсерватора интересный документ:

А фамилия была простая – Л. И. Брежнев. Чекисты быстро вычислили писателя. Автором этого шедевра оказался школьник десятого класса Юрий Руднев. От скуки на карантине он решил пошутить и настучал на печатной машинке, как ему казалось, «веселую» листовку. От этой «шутки» у некоторых партийных работников и городских начальников без холеры случилась сильнейшая диарея. А дисциплина в нашем обсерваторе поднялась до уровня пансиона благородных девиц.

Через десять дней бравый фельдшер Подопригора заполнил наши холерные справки, утверждающие факт о том, что мы прошли десятидневную обсервацию и здоровы. Боевой доктор Розмарица с большим удовлетворением подписал их, поставил полковую печать и торжественно пожал нам руки. Под вооруженной охраной из солдат нашего же полка «партизанская» рота проехала на вокзал, села в вагоны и под конвоем отправилась на свободу. На кольцо оцепления солдаты охраны спешили, а поезд помчал нас подальше от холерных барачков и обсерваторов. Так думали мы. Но человек предполагает, а Господь располагает.

В Николаеве была тишь да гладь, да божья благодать. Ни карантин, ни блокпосты.

Командир части, где проходили сборы двухгодичники округа, обладал простой одесской фамилией – Кацман. Он встретил нас весьма благосклонно:

– Да, это хорошо, нам нужны такие высокообразованные кадры. На сборах мы подтянем вашу военную подготовку, а там глядишь, через два года и останетесь делать карьеру в армии. Вам прямая путь в академию! А почему вы так задержались? Ваши коллеги уже как две недели на полигоне постигают военную науку.

Однако после внимательного изучения наших индულген-

ций от майора Розмарицы благодушие полковника исчезло, как утренний туман.

— Так вы, ребята, из Керчи? А что, там действительно холера?

— Так точно, холера. Вот же справки, что мы здоровы...

— Это хорошо, хорошо... Не холера, конечно, а справки. Сейчас медика вызовем, он поговорит с вами. А то мы тут не в курсе. Слухи везде есть, а официальных бумаг нет.

Через пять минут тучный краснолицый начмед части капитан Хохуля уже здоровался с нами.

— Ну что ж, молодое пополнение - это хорошо. Гарные хлопцы, молодая кровь, так сказать. Откуда прибыли, товарищи офицеры?

— Да вот, ребята говорят, что из Керчи приехали, — настороженно произнес полковник. После этих слов медицинский капитан как-то резко схуднул, а лицо приобрело землистый оттенок.

— Откуда? Из Керчи? Да там же ХОЛЕРА, мать ее так! Там же карантин и оцепление. Как вы вообще сюда попали? Да это же диверсия! Вы соображаете, что всех позаражаете? — в справедливом гневе начмед даже не заметил, как заговорил стихами.

— Да мы карантин десятидневный прошли, у нас и справки готовы, что мы здоровы! — парировали мы.

Одним взглядом оценив наши справки, капитан вернулся к родному армейскому фольклору:

— Ваши справки можете взять в сортир и подтереть задницу! Я такую же вам за пять минут напишу. Шагом марш в обсерватор! — заорал он и срочно начал протирать руки своим платком, из чего стало ясно, что он и понятия не имеет о борьбе с холерным вибрионом. На что наш свободолюбивый сын казахских степей Талгат сделал выпад:

— Так вы, товарищ капитан, еще хлорки не нюхали, а уже нами командуете!

— Зато вы, холерная команда, тут у меня нанюхаетесь ее досыта за десять дней! — забил нам гол в девятку мстительный начмед.

Это был удар ниже пояса. Нокаут! Третий обсерватор - это уже перебор. Только-только мы вдохнули глоток свободы, выпили по кружке пива и опять в тюрьму? Такого подвоха не ожидал даже наш упертый одесский оптимист, печально заметивший:

– Бог троицу любит!

– Здесь я ничего сделать не могу, холера командует, – соболезнующе развел руками сердобольный «полкач».

Холерный обсерватор оказался портативным сооружением индивидуального применения. На полковном плацу, в углу под раскидистым платаном, была установлена обычная шатровая армейская палатка, обнесенная красной карантинной лентой. Три кровати, обеденный стол, умывальник с хлорированной водой и персональный сортир за углом. Часовой не понадобился, поскольку бежать было некуда, да и окна штаба полка выходили прямо на нашу эстраду. Перспектива десяти дней такого ареста под контролирующим взглядом «холерного капитана» Хохули наводила тоску и печаль.

Вечером ворота части распахнулись, и колонна боевой техники втянулась на плац. Из машин и бэтээров стала выпрыгивать обвешенная оружием, запыленная и грязная пехота. Такого «инкубатора» лейтенантов я больше не встречал нигде и никогда. Это и были сборы двухгодичников Одесского военного округа. Мужики с удивлением и интересом пялили глаза на импровизированный обсерватор и полуодетую публику, нагло и вольготно расположившуюся на учебном плацу. А мы, глядя на их усталые, грязные, потные лица, вдруг поняли, что обсерватор – это в нашем случае не так уж плохо. Сейчас брава пехота смое с себя грязь окопную, потом любовно почистит «Калаша», примет пищу, посчитает по головам наличие личного состава и – бай-бай. А завтра опять на полигон. Рытье окопов полного профиля, марш-броски с полной выкладкой, учебные стрельбы и строевая подготовка. А у нас курорт! Мы лежим на мягких кроватях, пузо чешем, нас кормят по часам, ни подъемов, ни отбоев, ни проверок. И все благодаря «холерному капитану», который так застрашал весь личный состав полка, что ни одна собака к нам не совалась.

А вечером обнаружилась и традиционная дырка в заборе – заманчивый путь к самоволке. После двадцатидневного обсерватора и двух проверок мы точно знали, что холера с нами рядом не лежала. Поэтому без всяких угрызений совести после отбоя отправились в самоволку в славный город Николаев.

В конце обсервации случились два приятных события. Сначала мы получили очередные справки, с болью в сердце подписанные бдительным холероборцем Хохулей, о том, что мы самые вибрионо-чистые военнослужащие на территории

города Николаева и в его окрестностях. А вечером в полковом клубе состоялась демонстрация нового худфильма. Песня из него «Ваше благородие, госпожа удача» проникла до глубины души, а сам фильм «Белое солнце пустыни» по нашему требованию показывали два раза в неделю.

В конце сентября закончились николаевские сборы. Двес-ти новоиспеченных лейтенантов разлетелись по частям Одес-ского военного округа. Закончилась к этому времени и холер-ная эпидемия в Керчи и Одессе. Так же быстро, как и возникла. А в народе стала популярной магнитофонная запись с песней Владимира Высоцкого на злобу дня:

Песня о холере

*Не покупают никакой еды –
Все экономят вынужденно деньги:
Холера косит стройные ряды,
Но люди вновь смыкаются в шеренги.*

*Убытки терпит целая страна,
Но вера есть, все зиждется на вере -
Объявлена народная война
Одной несчастной, бедненькой холере.*

А что же оказалось в «сухом остатке»? По рассекречен-ным официальным данным, холера свирепствовала в Одессе и Керчи с 3 августа по 18 сентября 1970 года. За эти полтора месяца прошли через обсерватор в Одессе 87 000 человек, в Керчи - 9 200. Заболевших, по разным оценкам, было от 305 до 221. Умер же реально от холеры 21 человек.

Не так уж много летальных исходов. И только потому, что в советское время очень быстро и жестко были проведены все карантинные мероприятия и ситуация была под контролем. Может быть, кое-где и были перегибы, но разве мы можем без них? Хуже всего, когда начинается паника. Вот уж в какой мя-сорубке ломаются человеческие судьбы. Что там говорить о финансовых и материальных затратах государства!

Вся эта крымская холерная эпопея происходила пятьде-сят лет тому назад. На дворе - май 2020 года. Уже давно есть мобильная связь, интернет, компьютерная томография, робо-ты... А за окном по опустевшим улицам Бишкека едет агитаци-

онная машина с матюгальником, из которого несется до боли знакомый текст:

– Внимание всем, всем, всем! Граждане! В нашем городе объявлено чрезвычайное положение в связи с эпидемией коронавируса! Поэтому запрещается...

И далее по знакомому тексту, в котором вместо холеры уже фигурирует новое действующее лицо – коронавирус.

– Хрен редьки не слаще, – сказал бы Юра Поволоцкий.

Уже по возвращении в Керчь он раскопал одно парадоксальное высказывание знаменитого земляка, одесского академика-вирусолога Н. Ф. Гамалея. Еще в 1908 году тот писал: «Гораздо правильнее называть холеру верховным санитарным инспектором с неограниченными полномочиями, все, что сделано городом для обеспечения здоровья обывателей, вызвано прямо или косвенно страхом перед холерой. Она самый справедливый и неподкупный судья городских властей».

Поменяйте холеру с коронавирусом и опять: «Все возвращается на круги своя!», только по спирали. По родству выходит, что при СССР бралась по холере Керчь с Одессой, а теперь все человечество родня по коронавирусу. И вся огромная планета Земля с ее океанами, континентами, атомной бомбой, космическими кораблями, передовой медициной и семью миллиардами человек оказалась такой маленькой и беззащитной перед невидимым убийцей?

Впрочем, все не так и плохо. Есть для борьбы старые проверенные персонажи: Карантин и Обсервация, и в помощь им новейшее изобретение – добровольная Самоизоляция. На какой период и сколько раз? Неважно. Как заметил бы по этому поводу приснопамятный начмед капитан Хохуля: «Карантин – лучшее изобретение человечества. Если думать мозгами, а не задницей, то скоро все образуется. Побольше оптимизма, товарищи!»

Прозаику, автору и другу «ЛК»

Константину Караханиди - 60 лет!

Его замечательные рассказы всегда находят душевный отклик у наших читателей.

Поздравляя юбиляра со славной датой, мы от всей души желаем ему крепкого здоровья, счастья и неуклонного творческого восхождения!

Редколлегия «ЛК»

Константин КАРАХАНИДИ

РАССКАЗЫ

МАЛЬЧИК, ХОЧЕШЬ СНИМАТЬСЯ В КИНО?

Мама очень хотела быть актрисой. Ей было все равно – театра или кино, лишь бы на людях петь, танцевать и говорить красивые слова. Бабушка с детства ее красиво одевала, и они закатывали концерты для соседей, а так как переезжали они очень часто, то в благодарных зрителях отбоя не было. В Грузии, где они жили, зрители были очень щедрыми на восхваление их талантов, и в знак благодарности они получали не только аплодисменты, но и много разных вкусностей. С едой в семье в те годы было трудно.

В молодости желание это у мамы не исчезло, а наоборот, усилилось, но родители были за то, чтобы она приобрела серьезную специальность, и мама с артистической легкостью стала врачом. Сняться в кино выпала удача мне, ее старшему сыну. И получилось это вот так.

Заканчивался учебный год в школе. Никаких сюрпризов ни мне, ни родителям, ни родному дневнику с оценками за год

приготовлено не было. Все было заранее оговорено, и действующие стороны примирились с текущим положением дел.

Судьба распорядилась так, что на школьной доске почета «Наши отличники» от семьи должен был висеть портрет одного члена семьи, и им был мой младший брат. Он был круглым отличником и благонадежным гражданином нашей страны, в отличие от меня, скрытого безобразника и нарушителя спокойствия. Было поразительно, насколько природа мудро разделила в нас стремление к учебе и получению знаний. Брат проявлял чудеса прилежности, и мама, проверяющая выполнение домашних заданий, постепенно свыклась с тем, что у него всегда все готово, а вот у старшего...

Учиться я не любил, а на советы папы «притворись, что тебе интересно, ведь ты умеешь это делать», я с фарисейской наивностью на лице говорил: «Обманывать учителей нехорошо». Поэтому все в нашей семье шло своим чередом. И было закономерно, что я каждый день своей школьной жизни мог любоваться физиономией младшего брата на почетном месте в вестибюле школы.

Я по этому поводу и не переживал. Приближались каникулы. Надо было немного потерпеть, а там – свобода, солнце, безудержное гуляние и воды родного Иссык-Куля. Озеро было мечтой, наградой и наказанием за весь год жизнедеятельности. Им манили и поощряли, грозили и карали. Предполагалось, что мы с друзьями на два потока отправимся в пионерский лагерь «Илим». Родителям тоже надо было дать хоть маленькую передышку.

На школьном дворе была знакомая суета. Совсем маленькие хаотично носились, играя в свои дурацкие, с моей точки зрения, игры. От них всегда было столько шума и суеты. На солнце блестели и пускали солнечных зайчиков их октябратские лучистые значки с кучерявым мальчиком в серединке. Мальчик выглядел слишком примерным и напоминал младенца на руках Девы Марии на бабушкиной иконе.

Старшаки кучковались по краям у пожарного выхода здания школы. Там удобно было курить, скрываясь от зорких глаз преподавателей и взрослых. Разговоры здесь шли серьезные и обстоятельные. Учеников средних классов, таких как я, можно было увидеть посередине. Нам очень было интересно посмотреть и послушать старших, но время еще не пришло.

Сегодня на ступеньках школьной лестницы с завучем по воспитательной работе стояли двое незнакомых мужчин и де-

вушка. Они что-то высматривали в кишасщем муравейнике, потом мужчина в черной шляпе тыкал пальцем – видно было, что он старший в этой компании, – и девушка стремительно бежала. Схватив мальчишку моих лет, вела его за собой, мужчина в шляпе немного разговаривал, внимательно рассматривал, а потом отпускал его и тыкал в следующего.

Мимо пробежал соседский мальчишка Мишка, черный от природы, с озорными глазенками и копной непослушных кудрей. Все в доме подозревали, что в Мишке, как и во всей их семье, есть чуть-чуть цыганской крови.

– Мишка, что случилось и по какому поводу шухер? – небрежно спросил я.

– За тобой пришли, говорят, что ищут пацана, объевшего кулинарию на углу. Ты бы лучше не появлялся здесь, – Мишка серьезно смотрел на меня.

– Мишка, мал еще шутить. Язык прищемлю. Ответь серьезно.

– Приехали люди и ищут ребят, кто может сниматься в кино, вот и цапают всех подряд.

– Опять врешь, ох, смотри!

– Нет, правда, если не веришь, спроси у Карима, своего одноклассника, его таскала эта девушка. Я хотел, но мне сказали, что маленький еще.

С Каримом мы учились и дружили с первого класса, хотя жили в разных концах микрорайона.

– Карим, что спрашивали?

– Да всякое. Какая семья, занимаюсь ли спортом, что делаю в свободное время, – скучным голосом перечислял мой дружок. – Сказали, что освободят от школы на неделю и будут кормить. – Эти две новости, одна лучше другой, заставили меня более серьезно посмотреть на происходящее.

За расспросами я не заметил, как ко мне подскочила эта вечно бегаящая девица и потащила за собой.

– Пухленький. И морда Smyшленная – сразу видно, что бедовый. Один из героев должен быть именно такой, – с ходу начал дядька в шляпе. – Ну как вам? – обратился он к остальным.

– Его надо будет снимать по частям, – задумчиво протянул неприятный мне парень из этой троицы. – Слишком он большой, целиком в кадр не влезет.

Для убедительности он выставил большой и указатель-

ный пальцы на правой и левой руках, делая вид, что изображает камеру.

— Нет, точно не влезет.

Все захихикали.

— А я, в общем-то, к вам в кино и не напрашивался, — обиделся я.

— А ты хочешь сниматься в кино?

— Можно попробовать.

Я из последних сил делал вид, что происходящее меня мало интересует. Неделя без школы и еда без ограничений делали меня смирным и ручным. Новость, что трех мальчишек будут снимать в кино, мгновенно облетела школу, и толпы учеников приходили посмотреть на счастливых.

Вечером домой заявила какая-то женщина и стала разговаривать с родителями.

— Мы снимаем небольшой документальный фильм о детях и для детей. Называется он «Вы в ответе за жизнь детей». Там по сюжету несколько мальчишек возраста вашего сына, весь день они предоставлены сами себе, вот и творят что хотят. Это очень важно — показать родителям, как опасно оставлять детей без присмотра. Они зажигают спички и в результате поджигают дом.

— Жалко, моего закадычного дружка Шаха не взяли, мы бы вдвоем им такое кино показали, — думал я про себя, так как вслух говорить это не стоило.

Дедушка при этих словах женщины как-то скривился, и было видно, что перспектива иметь в доме поджигателя ему не по душе. Когда-то, в юные годы, я дома точно так же баловался со спичками и устроил пожар. Главным пострадавшим был именно дедушка, вернее, его руки, которыми он тушил горящие занавески. Теперь я точно знал, что основным виновником был именно он, так как не уследил за несмышленым внуком. Незнакомая тетка все правильно объяснила.

— А как быть с учебой? — забеспокоилась мама. — Конец года как-никак, оценки за четверть и за год.

— Мы договорились с руководством школы — все в курсе дела. Тем более мы детей будем кормить, и в конце они получат зарплату.

— А зарплату будете начислять по весу или как? — поинтересовался папа. — А то смотрите, наш, когда голоден, маму родную готов продать. Это только с виду он такой тихий и приличный.

Папа явно намекал на недавний случай, когда мы с моим другом Шахом проели домашнюю копилку. В семье считалось хорошим тоном пройти по моей толстоватой фигуре.

— Ничего, — думал я, — вот стану известным артистом, получу много денег. Посмотрим, кто кому корочку хлеба принесет.

— А вы думаете, у него что-нибудь получится? — неожиданно спросила мама у женщины. Сомнения продолжали мучить ее. Она не могла даже представить, что артистическими талантами природа могла наградить ее сына.

— У него, несомненно, есть талант. Так говорит режиссер Стас Давыдов, а наш молодой оператор считает его очень фотогеничным.

Тетка врала. Я ведь знал, как они отзывались обо мне, особенно этот молодой. Но, по всей видимости, помощник режиссера боялась, что родители откажут и не дадут разрешения на мое участие в съемках и опять начнется нервотрепка с поиском и беготней по школам.

— Вы не пожалеете, он вас еще прославит, — в порыве она не замечала, как папа ехидно поглядывает на нее.

Мама очень хотела, чтобы слова этой женщины хоть на чуть-чуть были похожи на правду и ее мечта о кино сбылась если не с ней, то с кем-то из семьи. И я видел, как она мучительно старается принять решение, так как от папы никакой помощи ждать не приходилось.

Мама была творческой натурой, полной фантазий и идей. Она всячески старалась сделать что-то полезное.

— Я поработаю с ним, порепетирую роль, — сказала мама задумчиво. Ее задумчивый взгляд и эта несколько отстраненная интонация насторожили меня и дедушку. Зная маму и ее подход к делу, которое она собиралась претворить в жизнь, мы понимали, что нас ожидают нелегкие дни. Папа был спокоен, потому что знал способ, как увильнуть. В самый критичный момент в подобных ситуациях папа хватал портфель и с криком «Мне на работу срочно» исчезал из поля зрения семьи. Брат был мал, и потому для него все это было игрой. Дедушка, переживший Великую Октябрьскую революцию, репрессии и выселение, был научен горьким опытом, и у него выработался страх на опасности. Правда, он доверял маме безгранично. То, что он был всегда ухожен, чисто одет и с сытым выражением лица, так нравившимся местным старушкам, было маминой заслугой, и он это ценил. Эти же старушки долгое время счи-

тали, что именно мама — это его любящая дочка, а узнав, что она только невестка, зауважали ее еще больше.

Недавно семья посетила местный очаг культуры нашего микрорайона в виде летнего кинотеатра под открытым небом, в народе именуемый бочкой. С виду кинотеатр действительно напоминал бочку и снаружи, и внутри. Он был деревянным, круглой формы и набит до отказа зрителями, как селедкой. Наша семья с удовольствием просмотрела исторический фильм «Спартак». Что-то подсказывало бабушке, что его может ждать участь старого раба-гладиатора. Я тоже был настороже.

Но все миновало как-то само собой. Мама закрутилась в семейных мелочах, и до репетиций дело никак не доходило. Артистическую науку было доверено познавать мне самому.

Неделя пролетела незаметно. Мы действительно хулиганили и безобразничали от души. А взрослые нас только подзадоривали. Последний день съемок проходил на бульваре Дзержинского. Снимали кадры, как старый дворник собирал прошлогоднюю листву и мусор в кучи, мы же их разбрасывали и убегали от разъяренного пожилого человека.

Приближался финал, нам выдали факелы, якобы сделанные своими руками, и спички. Где-то обреченно ждал дом, который мы должны были уничтожить. Травмировать детскую восприимчивую психику взрослые не хотели, и горящего дома мы не увидели.

Фильм прошел мимо нашего семейства, но его посмотрели многие наши соседи, одноклассники и друзья. Временная слава прошла по нам троим своим волшебным крылом. Правда, отец моего друга Шаха, с которым мы постоянно вляпывались в какие-то авантюрные истории, сказал, что «он так и знал про мои хулиганские наклонности и надо запретить сыну встречаться со мной». Человеком он был консервативным и на силу кино, в отличие от бабушки Ленина, не возлагал особых надежд.

Как-то вечером приехала женщина-бухгалтер из киносемьи и выдала маме деньги по ведомости, как зарплату артиста К. Сумма была приличная, и семья долго размышляла, как ее потратить. Мне купили куртку, которая долго и верно служила, закончив свой век на даче. Семья получила хороший обед.

— Ладно, пусть покушают, я не забывающий, но если еще хоть раз... — успокаивал я самого себя.

Сюрприз мы приготовили и бабушке Феодоре, на руках

которой я вырос. Мама нашла чудесную вазу чешского производства, разукрашенную цветными вставками. В солнечные дни она играла всеми цветами радуги и веселила глаз. Бабушка с гордостью показывала ее всем как результат ее педагогической деятельности. Ваза эта жива и по сей день стоит у меня дома.

Артистом я не стал, но оставлять в покое родителей тоже не собирался. Но это уже совершенно другие истории.

ПОВОРОТ СО МНОЙ

Старший брат успел только на похороны. Документы, бумаги, виза на въезд, билеты, суета. В аэропорту встречал Младший. Он был мощнее, на полголовы выше и шире в плечах. Они стояли обнявшись и плакали. Два уже немолодых, взрослых человека плакали, не стыдясь своих слез. Прилетевший и встречающий народ обтекал их, радуясь встрече, целуясь, восторженно похлопывая и обнимаясь, стараясь не выражать откровенно своего любопытства.

— Мама очень ждала тебя, — немного успокоившись, сказал Младший.

— Я знаю. Где она?

— Здесь, дома, не разрешают держать. Привезут в понедельник попрощаться с соседями. Я нашел русского священника, почитает молитву, а потом — на кладбище. Я все подготовил.

Старший сидел в комнате мамы. Все было как и год назад, когда он выбрал щелочку в майских праздниках и прилетел на недельку. Многочисленная родня удивлялась, что он, сделав тысячекилометровый бросок, прилетел всего на несколько дней. Всю неделю они провели вместе с мамой в нескончаемых разговорах и воспоминаниях. Мама быстро уставала, просила прощения и засыпала.

Сегодня комната была пуста, и только при легком дуновении ветерка из балконной двери ощущался легкий запах болезни и измученного тела. Шумела оживленная афинская улица, через каждые полчаса били колокола на башне церкви святого Николая, яркое солнце начинало разогревать только-только остывающую к утру землю столицы древней Эллады.

Большая широкая кровать, многочисленные иконы, занимавшие весь правый угол, и столик, стоявший рядом с из-

головьем. На почетном месте висела старая икона Николая Чудотворца. Мама особенного благоволила к этому святому, говорила, что он всегда помогает ей. В семейных преданиях было смутное упоминание о далеком предке по материнской линии, который служил в церкви в Византии, и икона принадлежала ему. В истории семьи несколько раз были моменты, когда приходилось, захватив самое необходимое, бросать насиженные и обжитые места и брать с собой в дорогу самое необходимое. Иконы всегда были. Во время переселения в Среднюю Азию бабушка Феодора забрала с собой самое ценное – двух своих дочек, швейную машинку «Зингер», верно кормившую всю семью долгие годы, и иконы.

Потом была сложная цепочка жизненных событий, и икона оказалась в нашей семье. Знакомая с детства доска иконы была прожжена посередине. В один из церковных праздников свеча, поставленная перед иконой, по недогляду наклонилась от жара и прожгла фигуру святого Николая, который продолжал смотреть благосклонно на мир и людей. Мама очень переживала и постоянно просила у Николая Чудотворца прощения. Уже здесь, в Греции, икона была уложена в красивый резной подвесной ящик.

На другой стене висели две фотографии, где старший и младший сыновья были примерно одного детского возраста у мамы на руках. Она очень четко расставляла приоритеты своей жизни. Вера в душе, а дети рядом, с левой стороны, под сердцем, постоянно на глазах.

– Мама на портретах совершенно разная, – размышлял Старший, разглядывая свои и брата детские портреты, – со мной она какая-то спокойная и умиротворенная, да я и сам здесь похож на Сусика. Худенький, кучерявенький, с заметной легкой косинкой в глазах, в шапочке с тесемочками. Братишка совсем другой. Лобастый, с крепкими кулаками, даже кудряшки у него какие-то более задиристые, дерзкие. И мама совсем другая – огненная, решительная.

На противоположной стене – фотографии внуков и внучек в красивых рамках. Вот они все вместе сидят на диване, весело смеются, и она купается в их детском восторге. Тихо звенит медальончиками семейное дерево. Мама сделала его на память. Две ветви их с отцом потомства – старшая и младшая. Оба сына были с женами и детьми – двумя мальчиками и двумя девочками. У каждого свой овальный пятак.

В приоткрытую дверь встроенного шкафа были видны вещи мамы, которые еще не успели убрать. Выглядывал рукав кофты с оленями, которая ему очень нравилась и запомнилась в последний приезд. Она была теплого коричневого цвета, олени весело бежали по краю рукавов, по подолу, и от этого почему-то сразу становилось уютно на душе.

— Можно было бы взять на память, — он подошел и схватил рукав кофты. Запах еще не выветрился и заставлял вспоминать события прошлой весны снова и снова. Каждое утро на даче брата они вставали с мамой и шли на утреннюю прогулку к морю.

— Мы будем много гулять с тобой, пойдем до моря и обратно, — бодрилась мама, но уже на следующей минуте глаза ее искали знакомый камень у дороги, очень удобный и теплый от солнца для сидения и отдыха.

— Я передохну немного, и пойдем, — они играли в игру и понимали, что дальше никуда не пойдут, а постараются медленно вернуться домой. Старший шел, поддерживая ее под руку, и собирал глазами теплых коричневых оленей.

— Жизнь пролетела так быстро, — в один из дней, устроившись поудобнее на камне, начала мама, — и очень обидно, что сейчас, когда я имею возможность увидеть так много интересного и красивого, у меня нет сил долго передвигаться. Святые места, море, солнце, люди — это все, о чем я мечтала.

— Человек, как часы, заведен на определенный срок. И каждый волен этот срок использовать по-своему. Я много об этом думал, — Старший говорил о том, что волновало его многие годы. — Одни живут тихой размеренной жизнью, без потрясений, чувств, с четко распланированным жизненным ходом. Все по графику, по пунктам. Другие несутся, живут как в последний день, взваливают на себя проблемы не только свои, но и близких, а порой и незнакомых людей. А колесики и винтики часов-то крутятся. Тебе не кажется, что это несправедливо?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты глубоко верующий человек, всю жизнь стремилась делать добро и действительно сделала много: лечила детей, тянула семью, обихаживала стариков, работала до посинения. Другие ни во что не верили, жили для себя, никого не любили. И вот результат: они имеют все, а ты мучаешься. Где же божья милость?

Это был давний спор между ними, когда сын был убежденным атеистом, а мама – впитавшей в себя христианские постулаты православной верующей.

– Ты неправ. Я получила многое. Мои родители были святыми людьми, они пережили очень много горя, но остались людьми. Ты отлично знаешь, как они бежали от резни из Трабзона, да и последующие годы жизни были не легче. Наша семья, которую всегда считали примерной. Я всю жизнь занималась любимым делом, лечила детей, хотя мечтала быть артисткой. Но самое главное – Бог продлевает мне жизнь. Я живу дольше, чем мои сестры, при нашей семейной болезни. Ты поймешь это, но позже. Вера всегда помогала мне, и Бог оберегал меня.

Когда нашу семью выслали в Казахстан, родители жили в маленьком поселке в степи, а мы с твоей тетей и моей старшей сестрой Женей учились за 400 километров. Мне было лет четырнадцать, а Жене – пятнадцать. Помню, иногда сидим голодные, денег нет, а посылка из дома запаздывает, тогда мы начинали петь и веселиться. В животе бурчит от голода, а мы поем. Но в поселке жили хорошо. Украинцы, которых тоже переселили, сразу стали разводить свиней, в реке было много рыбы, а у нас были индюки. Нет, жили неплохо.

Однажды возвращаюсь вечером домой, народу на улице мало, и вдруг подходит парень, схватил за руку и говорит: «Если не поцелуешь, убью, и не кричи». Я маленькая, еще ничего не знаю. Для меня поцелуй – это что-то необыкновенное и многозначачее, а тут совершенно незнакомый человек. От страха боюсь пошевелиться, плачу.

– Вы понимаете, как я могу вас поцеловать, вы совершенно незнакомый человек, пожалуйста, отпустите меня. Мне нельзя. Голос дрожит. Ну все такое. Это сейчас смешно, а тогда... – мама замолкает.

– Что было дальше?

– Он не отпускает. Я трясусь. А можно вы меня в руку поцелуете? – он посмотрел, расхохотался и говорит: «Ладно. Давай руку». Поцеловал и отпустил. Прибежала домой. У меня истерика. Хозяйка дома, где мы жили, испугалась, я ей все рассказала, она давится от смеха.

В другой раз с сестрой едем домой и застряли на сердине дороги в незнакомом селе, машин попутных нет. Уже темнеет, мы стоим. Проходит один пожилой мужчина, спрашивает, кто и что мы, рассказали о себе, о родителях. Он как

побежал по селу и кричит: «Люди, люди, здесь греческие дети в беде. Собрались люди, устроили на ночлег, умыли, накормили, утром посадили на проходившую машину, собрали денег и отправили домой. Люди были добрее и сочувствовали чужой боли. Но без Бога здесь не обошлось».

На втором курсе мединститута решила поехать на практику на целину.

– Почему на целину? – удивился Старший.

– Ну, училась-то в Алма-Ате, а тогда целина была всюду: и в кино, и в газетах, и по радио. Взяла направление и поехала. Приезжаю в город, название не помню, прихожу в здравотдел и говорю: «Приехала к вам, отправляйте меня на целину». Руководителем там была женщина, пожилая еврейка, посмотрела она на меня, молодую дурочку, и так устало говорит: «Девочка, родненькая, какая тебе целина? Оставайся здесь». И потом все время практики за мной смотрела и помогала. Бог в людях, которые меня окружали, и во мне. Вот такая история.

Маленькая полочка с любимыми книгами, которые она привезла с собой с далекой родины на новую историческую: «Восточная лирика», «Мудрые мысли», Асадов и Шефнер. Маленькая зеленая книжка Шефнера всегда была у нее под рукой, и она часто читала своим подругам.

*Умирает владелец, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человеческой беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках не бьются
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.*

*Может быть, для вещей и не стоит излишне стараться,
Так покорно другим подставляют себя зеркала,
И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
И не дрогнут, не скрипнут граненые ноги стола.*

*Оттого, что тебя почему-то не станет на свете,
Электрический счетчик не завертится наоборот,
Не умрет телефон, не засветится пленка в кассете,
Холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдет.*

*Будь владыкою их, не отдай им себя на закланье,
Будь всегда справедливым, бесстрастным хозяином их,
Тот, кто жил для вещей, все теряет с последним
дыханьем,*

*Тот, кто жил для людей, после смерти живет средь
живых.*

В молодости он выучил и читал это стихотворение своей будущей жене, хотел произвести впечатление. Сейчас же слова поэта были только лишним подтверждением суровой жизненной правды.

В соседней комнате Младший тихо играл на гитаре и что-то напевал. В детстве Старший помнил, как строго в семье запрещали после похорон деда смотреть телевизор или слушать радио, ходить в кино или слишком бурно выражать свои эмоции до истечения сорока дней. Ему было лет десять, и в эти дни, как назло, показывали самые интересные детские фильмы. Он страдал и запомнил это на всю жизнь.

*Братишка лежал на кровати:
Давно ли песни ты мне пела,
Над колыбелью наклонясь.
Но время птицей пролетело,
И в детство нить оборвалась.*

*Поговори со мною, мама,
О чем-нибудь поговори,
До звездной полночи до самой,
Мне снова детство подари.*

Кровать была большая семейная, и Старший прилегал рядом.

— Мне все время кажется, что она рядом. Ты ходил по комнате, стучал дверцами шкафа, скрипел паркетом, а я прислушивался. В последнее время у нее сбились внутренние часы, и она путала периоды смены дня и ночи. Ночью проснется и ворочается, а я-то все слышу. Приду, она лежит и на меня смотрит.

— Мама, ты чего-нибудь хочешь? — говорю.

— Нет.

— Может, поесть, принесу или сварю. Кашку сделаю.

— Кашку? Пожалуй, можно.

— Сварю, принесу и кормлю с ложки. Ночь, утром на работу, а мне такое удовольствие.

Голос Младшего начинает подрагивать.

— Она столько клубники за последние месяцы съела, благо здесь она круглый год.

— У вас она невкусная, ни запаха, ни сладости, трава-травой, — привычно начал вредничать Старший.

— Зато круглый год. Последние дни она была без сознания. А тут звонит один старый знакомый, который сейчас живет в Америке, расспрашивает, как дела, какие новости. Рассказываю про маму, а он и говорит: «Пригласи священника, пусть почитает молитвы, хуже точно не будет». Приходит священник, начинает читать, она открывает глаза и внимательно слушает его. Он читает, она слушает, и тут начинает бить колокол. Я вижу, она уходит, и на одиннадцатом ударе ее не стало. Мы в шоке, священник говорит, что у него никогда такого не было и мама богоугодный человек. Утром заходим в ее комнату, а икона святой Софии и дочерей ее Веры, Надежды и Любви лежит на полу перевернутая. Все вещи на своих местах, а икона на полу.

Старший скептически улыбается.

— Ты никогда ни во что не верил, — вдруг вскипел Младший. — Ты только улыбался и иронизировал. Всю жизнь был как будто вне семьи. Рядом стоял. Тебя никогда не было дома. То ты учился, то женился, обзавелся собственной квартирой. А я всю жизнь был рядом с родителями, даже квартиру купил у соседей прямо над родительской. Сначала они смотрели за мной, потом я за ними. Мне нужен был старший брат, а тебя вечно не было. Ты не допускал меня к себе, держал на расстоянии. Мама всегда удивлялась, что у нас не было никаких совместных дел. Другие братья делали совместный бизнес, зарабатывали деньги, что-то обсуждали и строили планы. Мы же были каждый сам по себе.

Старший молчал и слушал, понимая, что это не минутный порыв, а долго накапливающиеся недоумение и обида. Он чувствовал это последние годы, ощущая тонкую пленку недоговоренности и недосказанности, существовавшую между ними. И от того, как он поведет сейчас разговор, зависели их будущие отношения.

— Ты знаешь, — осторожно начал он. — Шесть лет разницы в возрасте — это очень много, особенно в детстве и молодости. С годами возрастной разлет стирается, пропадает или становится не так заметен, ну сам посуди. Ты родился, пачкал пеленки, а я собирался идти в школу. Я оканчивал школу, шел поступать в вуз, ты слушал «Пионерскую зорьку», читал журнал «Юный натуралист» и рисовал стенгазеты. Я получил диплом, готовился стать преподавателем вуза, пил, гулял,

безобразничал, а ты завершал школьную эпопею. Мы постоянно не совпадали. Я понимал, что тебе были интересны мои компании, приключения, девицы, пение под гитару, но не мог же я тебя пустить во все это.

Сделав небольшую паузу, как бы отделяя один акт спектакля от другого, Старший продолжал:

— По поводу общих денежных дел у меня тоже есть свое понимание и объяснение. Скажи, я должен тебе хоть копейку? Нет. У нас нет претензий друг к другу. Поверь, за годы моей бурной перестроечной жизни я насмотрелся, что делают деньги с людьми. Рушились семьи, самые родные люди не могли пережить испытание деньгами. Их могло быть много или совсем не быть, и это было причиной страшных жизненных драм. Я знаю тебя, ты хороший врач, хирург, человек с огромным чувством совести, и бизнесом тебе заниматься было нельзя. Хозяин магазина, который я арендовал, старый битый жизнью армянин, всегда говорил: «В денежных делах папа-мама нет». И я ему поверил.

Я знаю, что во многом виноват, что пропустил так много важного, был порой невнимательным. Но знаешь, я и наказан за это. Ведь с папой и мамой я не успел попрощаться. Ты был рядом и откачивал отца, делая ему искусственное дыхание. Ты был до последней минуты с мамой...

— Она постоянно просила меня: «Не уходи, я боюсь только одного, что больше никогда не увижу тебя»...

— Вот видишь, к папе я опоздал на час, а к маме — на день. Наверное, ты прав, во всем есть какие-то знаки, только надо к ним присматриваться и прислушиваться. Давай отложим разговор до завтра. Поедем за город вдвоем, как договаривались, и пару дней побудем вместе, без никого.

На следующее утро они собрались и уехали в пригород Афин, в тихое курортное местечко под названием «Бани Прекрасной Елены».

— У вас здесь, куда ни плюнь, везде легендарное мифическое прошлое, — еще не проснувшись, ворчал Старший.

— Ну что ты хочешь, это же Греция, — Младший вел машину и сосредоточенно смотрел на дорогу. — Сейчас будем проезжать знаменитый Коринфский канал, остановимся. Он соединяет два моря — Эгейское и Ионическое. На одном конце вода синего цвета, а на другом — зеленого, интересно наблюдать, как соединяются воды.

Несмотря на утро, на смотровой площадке было много

туристов, рассматривающих с высоты семидесяти метров маленькие кораблики, проплывающие по каналу.

— Это только с высоты они кажутся маленькими, а так это довольно большие суда, которые перевозят разные грузы и людей, — голосом гида рассказывал Младший. — Туристы со всего мира приезжают посмотреть.

Туристов действительно было много. Самыми живыми и любопытными были китайцы и японцы, которые много фотографировали и громко говорили.

— Поедем, голова болит, шумно, да я и высоты боюсь, — попросил Старший.

Выбранная гостиница была маленькой и уютной, окна номера выходили прямо на пляж, и море вело неспешный разговор с солнцем, деревьями и людьми на расстоянии вытянутой руки.

— Единственная прелесть гальки на пляже в том, что она так умиротворяюще шуршит, камушки трутся друг о дружку, и ты, невольно попадая в ритм набегающих волн, засыпаешь, — говорил Старший. — Я всю ночь не спал, ворочался. У каждого своя правда, ты это прекрасно знаешь, — продолжал он, — выбираются факты и события, соответствующие своей точке зрения. Все, что ты сказал вчера, правда, твоя правда. Я отделился и зажил своей семьей — это правда. Росли двое мальчишек, и надо было их кормить, одевать, воспитывать, но это как у всех, как и у тебя с твоими девочками. Только бабушек и дедушек у нас не было. Ты с утра пораньше ходил на молочную кухню за детским питанием с маленькими бутылочками? И не дай бог опоздать добежать на другой конец района. Ты полоскал в холодной воде по 50-60 марлевых треугольников-подгузников, которые сегодня называются памперсами? В ледяной воде, и чтобы каждый шов был промыт, а руки ломит. Ты гулял с двумя маленькими негодями, когда жене надо дать элементарно поспать? Один ползает под ногами, старается засунуть в рот побольше всякой гадости, а младший аккуратно тебя опрыскивает и унавоживает? Ночи без сна, а утром две работы. Это со стороны кажется, что вся моя жизнь — сплошной праздник и веселье. Меня пару раз чуть не убили, случай помог. А когда были события 2005 года и эта революция? Мы потеряли второй арендованный магазин с товаром, взятый под реализацию, витринами, холодильниками и другим оборудованием. Попали на большие деньги. А на другой день соседские дети угощали моих сыновей колой и

шоколадом с ценниками из нашего магазина. Тебя же не было рядом. Вторая революция прошла относительно безболезненно, никто ничего не отнимал, только была масса желающих поизгаляться и попугать.

Старший говорил и опять возвращался к событиям, которые хотел бы забыть. Надо было успокоиться, взять себя в руки. Да, они приехали выяснить отношения, но не расходиться и не развязывать родственные узы навсегда.

— Ладно, проехали, — примирительно взглянул он на Младшего.

— Я с утра стоял на улице, прилетела птичка, села напротив и долго смотрела на меня. Это мама приходила. Можешь смеяться.

— А мне черепашка маленькая попалась. Мама каждому из нас приходит в разных возрастных периодах, — Старший упорно переводил разговор в шутивную плоскость.

— Кстати, почему ты решил, что я никогда не был с тобой рядом? В детстве смотрел за тобой, водил в садик только я. Утром зимой темно и холодно, а мы тащимся по микрорайону, сначала надо тебя завести в садик, потом вернуться в школу. Ты маленький, плотненький, затынут в свою куртку на подстежке, щеки красные, движешься медленно, все тебе интересно. Тычок — и движение пошло. Сначала прошу, потом силой воздействую.

— Ты меня сковородкой так бабахнул, чуть не убил, бедная бабушка почти с ума сошла.

— Так ты ж за мной с топориком для мяса гонялся. Всю дверь изрубил, пока я прятался.

Братья, забыв обо всем, начали азартно вспоминать детские битвы и шалости.

— Сколько мы мамино хрусталь побили, все эти вазы, салатницы разбабахали, когда хоккейными клюшками дрались, — Младший весело улыбался.

— Когда ты начал работать в 3-й детской поликлинике на Ахунбаева, а я преподавал в Пединституте русского языка и литературы, они, кстати, находились рядом, если помнишь, со мной часто здоровались молодые мамы, рассказывали о недугах своих детишек, просили совета и консультаций. Среди них были довольно интересные женщины.

Глаза Старшего весело заискрились.

— А твои студентки часто здоровались со мной. Глазки

блещат, улыбаются, весело хохочут. Ты там, наверное, достаточно пошалил. Недаром мама беспокоилась за тебя.

Старший довольно хмыкнул.

— Казалось, мама всегда была рядом, ни одного дела без нее обойтись не могло. Она тащила нас всех, решая все наши проблемы. Последний раз она вспоминала, как в детстве на Новый год опоздала на утренник. Прибегают они с бабушкой, костюм медвежонка дошивали, все дети в зале, веселье начинается, а я сижу один и чуть не плачу. Одели они меня, и я побежал на елку. Рассказывает, плачет и просит прощения. Столько лет прошло, она помнила.

— Ты, если посмотреть на фотографии, всю жизнь медвежонком проходил на новогодних вечерах, — засмеялся Младший.

— Да, только размер и цвет костюмов менялся. В один год мама сделала огромную конфету «Мишка на Севере», и я щеголял с ней по школе. Потом ее кто-то спер.

— Она не могла жить без эффектов, — Младший поудобнее расположился в кресле на балконе. — Как праздник или день рождения, так обязательно что-нибудь придумает: то корзину пирожных в виде лесной поляны с грибами, то шашлыки с огнями. Потом родители моих одноклассников донимали ее расспросами, что она там такое придумала.

— Ты часто маму вспоминаешь, а я по отцу скучаю. Отец был больше наблюдателем и в жизни, и в семье. Знающие люди говорили, что у него в жизни были две большие любви — работа и мама. Когда надо было решать семейные проблемы, он всегда хватался за портфель и с криком «Мне надо на работу, срочно» сбежал из дому даже в выходные и праздничные дни. Мама концентрировалась, брала руководство в свои руки и решала все проблемы. Но однажды папа преподал мне такой урок отцовской любви, который я запомню на всю жизнь.

Сидеть на балконе было очень приятно, приближался вечер. Ветерок подносил запахи незнакомых средиземноморских растений и разогретого моря. На пляже под балконом гомонили отдыхающие. Старший настроился на долгий рассказ, а поскольку это дело он любил, Младший понял, что надо набраться терпения.

— В начале 1990-х годов, когда все вдруг массово начали заниматься бизнесом и страна понеслась скачками в капитализм, я тоже решил не отставать. Ты помнишь, свой первый

«супермаркет» два на два метра я открыл на Моссовете на остановке возле «Аптеки»? Это был, как в народе называется, «комок» – коммерческий киоск.

Место на его установку пробил студент-заочник Юра, у которого было мелко посеченное лицо и среднего размера шрам от уха до левого угла рта. Он воевал в Афганистане и как ветеран получил документы на установку и разрешение на торговлю, но заниматься этим не хотел и уступил нам с коллегой. Киоск купили по случаю у одного мастерового старичка. Он был новый, хорошо сделанный, но нестандартный, что имело впоследствии много хороших и отрицательных сторон.

Накупив необходимый стандарт продуктов и напитков на оптовке, создав ассортимент, мы стали торговать.

Моссовет тех лет сильно отличается от современного делового центра нашей столицы. Еще не было отделений банков, обменов, больших магазинов известных брендов. Моссовет только готовил себя. Он был похож на загадочный Бермудский треугольник, в котором пропадали десятки человеческих жизней. Не думай, что я говорю фигурально.

Около бывшего магазина «Ак-Чардак», потом «Золото», «Каухар» засели скупщики золота и ювелирных изделий. Ближе к улице Токтогула – валютчики, а у дверей 240-й аптеки обосновались лекарственники и мы со своим торговым домом. Мы были как священный пупок у Будды, на который надо было смотреть и медитировать. К вечеру эти концы треугольника стягивались к пупку и начиналось обсуждение удачных и не очень сделок, новости, приплывшие со всего города, слухи и сплетни. Наша аптека была одной из самых старых и больших в городе. Торговцы лекарствами делились на оптовиков, преимущественно мужчин, и розничных торговек-женщин. Работали семьями либо группами, объединенными дружбой или землячеством. Бои за клиента часто перерастали в побоища клан на клан.

К открытию аптеки кланы, как на поле битвы, подтягивались мелкими отрядами, занимая выгодные высоты и составляя в укромных местах резервные отряды из стариков и детей с огромными баулами лекарств, еды и остального барахла. Потом шел долгий процесс наведения макияжа, причепуривания и мелкого переругивания для разминки языка и горла. С появлением первых клиентов все оживало и начиналось брожение, движение и жизнь входили в свою колею.

И вот в один прекрасный день, вернее сказать, к концу

рабочего дня, я в окошко своего «супермаркета» на остановке увидел папу собственной персоной. В костюме-тройке, который ему только что достала мама, при галстукe и со своим профессорским портфелем, с которым он не расставался. В свои шестьдесят лет он сохранил мужскую статью и густую черную с проседью шевелюру. Папа стоял и озирался по сторонам. Я понял, что он ищет меня, но решил подождать.

Лекарственницы не могли его не заметить и, приняв за «жирного» клиента, нуждающегося в лекарствах, мгновенно окружили.

— Мужчина, что вы ищете? Какое лекарство вам нужно? У нас дешевле, чем в аптеке. Если здесь нет, мы подскажем, где есть, — галдели наседающие на папу женщины.

Они прижимались к нему боками, грудями и спиной, оттирали товарок, хватали за руки, гладили и всячески привлекали внимание. Папа не был обделен женским вниманием никогда, но такого напора женского адреналина явно не ожидал. Я видел только шевелящиеся его губы, он повторял одну фразу. Потом я допытался, что он просил у жриц лекарственного фронта: «Я ищу сына». По лицу и раздувающимся ноздрям крупного орлиного носа папы я понимал, что он на грани и в ход могут пойти его портфель и ненормативная лексика. Папу надо было спасать, и я выбрался из засады.

— Папа, что случилось? Почему ты здесь? Что-то с мамой?

Я оттирал и отдира́л от отца назойливых продавщиц. До них постепенно доходило, что это не клиент, а мой родитель.

— Мог бы сразу сказать, что твой отец, а то мы тут полчаса бьемся за клиента, — ворчали они.

— Они что, сумасшедшие?

— Почему сумасшедшие? — смеялся я. — Просто увидели красивого мужчину.

Папа смущенно улыбнулся.

— Бешеные какие-то.

— Дома все нормально? — освободив отца от последней лекарственницы, полюбопытствовал я. — Ты что, после работы?

— Ты не приезжал домой две недели, только по телефону звонишь. Я соскучился, вот и приехал посмотреть на тебя.

Мне было стыдно.

— Ты приехал после работы только для того, чтобы посмотреть на меня? — не поверил я.

– Слушай, у меня только один старший и один младший сын, я не могу ими разбрасываться. Пойми, у тебя все еще впереди, а у меня все уже позади. Когда меня не будет, ты еще вспомнишь мои слова и все это почувствуешь. У тебя все впереди.

Папа не обращал внимания ни на шум транспорта, ни на движение народа, толкущегося рядом. Для него существовал только я, и говорил он только мне.

И ты знаешь, он оказался прав. Стремительно приближающийся к его возрасту, я переживаю те же чувства по отношению к своим сыновьям. Почему все мудрое мы понимаем так поздно?

Старший замолчал, как будто делал небольшой передых и собирался с силами.

– Но самое интересное случилось потом. Моему Лешке было лет восемь. Худенький, тоненький, он постоянно находился в движении и порыве что-то делать, куда-то бежать или замутить какую-либо каверзу. В один прекрасный день под давлением отцовского долга я поставил его перед собой и приготовился к долгому нравоучительному разговору. Мы оба понимали, что разговор этот должен состояться.

Сначала я перечислил его прегрешения за последнее время, стараясь не пропустить наиболее значительные. Чтобы процесс шел быстрее и организованнее, Лешка был готов мне подсказывать пропущенные мною шалости. Все шло по накатанной. Я сыпал примерами образцовых детей из семей родственников и соседей, которые хорошо учились, уважали родителей, занимались спортом и готовы были защищать Родину. Галерея примерных детей росла. Лешка скучал.

Но неожиданно я перешел к теме, не запланированной нашими предыдущими встречами. Я начал рассказывать о людях, являющихся нашими предками и, соответственно, предками этого маленького безобразника. Родовая память моя оживляла людей, действительно достойно проживших свой жизненный срок.

Сынишка перестал елозить на месте и присмирел.

– Ты позоришь всех. Позоришь память своих предков.

Я сам начал заводиться. Лешка стоял и чуть не плакал в открытую. Слезы скапливались в уголках глаз и маленькими бусинками начинали свое движение по маленькому личику.

– Скажи, за что я должен тебя любить? Ты позоришь всех

нас. Кто с таким сыном будет нас уважать? Я не хочу тебя любить.

– Ты должен меня любить, – дрожащим голосом закричал он. – Ты должен меня любить только за то, что я твой сын!

Голос его дрожал, как и он сам. Маленький, щупленький, он победил меня со всей моей житейской мудростью, опытом, образованием и гонором взрослого человека. Откуда он мог знать про наш разговор с отцом и вернуть мне его слова спустя много лет?

– Папа и маму несколько раз спасал. Он к ней во сне приходил, успокаивал, утешал. Последний раз, рассказываю только с ее слов, она во сне начала задыхаться. Сердце останавливалось, не хватало воздуха, и в последний момент пришел папа, перевернул ее, и она задышала, укрыл ее потеплее и сказал: «Бедная моя».

– Странно, почему не любимая, а бедная? Ведь он так любил ее. Нет, я не иронизирую, верю, что все так и было, – подняв руки, запричитал Старший, предотвращая реакцию брата. – Послезавтра проведем девять дней, и я уеду. Я уже попросил Христину поменять билет. У вас работа, дети заняты, да и у меня забот полон рот дома.

Прошло девять дней, и вот снова они стояли в аэропорту. Встречающие, улетающие, объятия, поцелуи, сутолока.

– На сорок дней я поставлю памятник, здесь так положено, ты не беспокойся. Наверное, это будет гранит, мрамор быстро крошится, я пришлю варианты.

– Мы так много с тобой говорили, сколько не общались за всю предыдущую жизнь. Мы не должны терять друг друга.

– Слушай, если у вас там опять что-нибудь заварится, бросайте все и приезжайте. Твои дети – это мои дети.

– Спасибо, но я останусь там, где родился и прошла вся наша жизнь. Да и за могилами наших стариков и детей кто будет смотреть? Деньги на памятник я пришлю.

Старший из братьев на минуту задумался и продолжил.

– Помнишь, на коринфском перешейке над каналом мы смотрели, как соединяются воды двух морей разного цвета? Тогда у меня промелькнула мысль, но вся эта сутолока, множество туристов, жара, и я ее не ухватил, а она ведь была очень важной для нас. Мы с тобой как воды двух морей разного цвета, не похоже ни по характеру, ни по взглядам на жизнь. Каждый из нас выбрал тот путь, который ему удобен, и мы идем по нему как можем. Многие, кто нас видел, гово-

рят, что мы очень похожи внешне, хотя я так не считаю, а уж о характерах и говорить не приходится. Но в то же время, и это парадоксально, как и те два течения, одно голубое, а другое зеленое, приобретая силу и энергию друг друга, мы становимся единым целым. Мы семья и наследники всех наших предков. Ты можешь, конечно, сказать, что я опять, как всегда, фантазирую, играю словами и придумал на ходу красивую метафору жизни...

Младший прервал его.

– Там, в аэропорту, когда я увидел тебя в первый день, я подумал: «Вот старший брат прилетел, и мне будет легче».

Они обнялись, попрощались. Родители, как и в детстве, помирили их.

Юлия КУЛЕШОВА

НЕ БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Рассказ

Хоть бы сдох поскорее. Иначе уже никак, не вывозит, зло думал Максат, пиная бордюры у школы. Бордюры были сколотыми, носок кеда – стоптанным, настроение – убитым. Собственные мысли давно не пугали, лишь зудели и раздражали. Он не хотел быть таким, не хотел думать так, не хотел желать этого своему отцу, но мысли не спрашивали разрешения – они просто появлялись, сначала неясными очертаниями, смутными образами, от которых сжимало горло и холодели пальцы, немел язык и щипало в глазах, потом осторожно проползали ядовитыми отростками – сочными, яркими, жалящими, и вот уже облакались в слова – простые и от того страшные.

Это в первый раз стремно думать о таком. Да и во второй, чего уж там, стремно. Раз на десятый Максат не только думал, но и сказал, глядя в запитое обвисшее лицо: “Хочу, чтобы ты сдох”. Лицо ничего не ответило. Лицо сопело в асфальт и пускало слюни. Лицо было в таких же бороздах и трещинах, что и дорожка, на которой оно лежало. И такое же серое и грязное. Максату было противно стоять рядом, не то что касаться. Но по лестнице из двора вышли любопытные соседи, посмотрели сочувственно, и Максат ощутил нарастающую ненависть к тому, кто почему-то был его отцом.

Как так вообще получилось? Почему это его отец? За что так не повезло? За плохие мысли? Почему это его отец? За что так не повезло? За плохие мысли? Ну так плохие мысли появились позже, появились как раз из-за него самого, а в детстве никаких плохих мыслей не было, в детстве он радовался, когда отец приходил домой пьяным. Мама плакала и ругалась, а он веселился, потому что трезвый папа – злой папа, пьяный папа

– добрый папа. Пьяный папа подкидывал его под потолок, и мама замирала в дверях, одной рукой ухватившись за халат на груди, другой – за дверной косяк; пьяный папа вставал на четвереньки, сажал маленького Максата на спину и рысачил по квартире, как личный пони. Папа трезвый кричал на маму, рычал на Максата и лупил по стенам, а пару раз зарядил и Максату, когда тот просто крался на кухню, чтобы попить воды.

Потом папа и пьяным перестал быть добрым. Они ругались с мамой, бросались в друг друга обидными словами – чаще он, чем она, она больше всхлипывала и уговаривала, получая в ответ “ты не понимаешь”. В родительской спальне что-то грохотало, стучало, мама вскрикивала, Максат, запертый в своей комнате, стучал в дверь и просил выпустить, рвался на помощь. Устав, затихал, обкладывался игрушками и крушил маленькими машинками другие – те, что побольше, шмыгал носом, дергал губой, морщился и отдираал у больших машин колеса, вдавливал их потной ладошкой в ковер и – улыбался, глядя на изувеченные джипы и тракторы. Вот они были грозными и непобедимыми, а теперь лежат днищем вверх, поверженные маленькой синей гоночной машинкой. Вот вам, вот вам, получайте, сдохните, сдохните!

Таким, сосредоточенно пыхтевшим над автомобильными битвами, его и находила мама – уже умытая, старательно причесанная, с налившейся бордовым нижней губой и грустными глазами. “Как ты?” – спрашивала и тянулась к волосам, он отклонялся и с громким “пуу” крушил уже раскуроченную машину. “Играешь? – дрожала неуверенной улыбкой мама, – вот и хорошо, вот и молодец. Ты – мое счастье, балам”. А если я твоё счастье, зачем ты живешь с папой, почему мы не уйдем от него, думал Максат, откладывал игрушку, оплетал маму руками и ногами, утыкался в нее, такую теплую и родную, и позволял себя гладить по спине, старался не слушать и не слышать, как за стенкой храпит папа, старался представить, что папы нет, есть только он, Максат, и мама. И никого больше. Потому что никого им не надо. Хорошо бы вот так съесть пятилепесточный цветок сирени, загадать желание, и оно бы сбылось. Или ночью проследить, как звезда заваливается за крышу соседнего дома и тоже загадать. И ждать, когда сбудется.

Но все это вранье про падающие звезды и пятилепесточки. Первое не звезды совсем, а второе – вообще мутация, и в целом это чушь полная – чушь полная верить в такое и

надеяться на то, что подействует, понял Максат позже, когда немного подрос и перестал крушить игрушки. Он просто вдевал наушники, включал музыку погромче и, отбивая пяткой ритм, занимался своими делами – решал уравнения, разбирался в метафорах и метонимиях, пестиках и тычинках. А еще рисовал всякое в скетчбуке – такое, что и не покажешь никому, потому что самому жутко.

В пятом классе он ударил девочку на уроке математики. Она сидела за первой партой, он – за второй. Она повернулась и сказала тихо:

– А я видела твоего отца пьяным.

Он не ответил, продолжив списывать примеры с доски. Девочка поерзала, качнулась на стуле ближе.

– Твой отец валялся в арыке. Сначала обнимался с бомжами, а потом валялся в арыке.

Он стиснул крепче ручку, пальцы съехали к самому кончику, тройка в примере наклонилась не в ту сторону и, кажется, двоилась. Да и не только она – цифры расплывались, прыгали и вытягивались. Поморгал, фокусируясь. Учительница что-то вещала у доски, но слова доходили через раз, проваливаясь по пути в невидимые ямы. Девочка оперлась ладошкой о его парту и придвинулась, прищурилась нехорошо, втянула слюну и все же капнула ядом.

– И как твоя мать с ним живет? Тоже бухает? Или он дерет ее хорошо?

Как это произошло, он не понял. Вот вроде сидел и смотрел, как под стержнем растекается чернильное пятно, и вот уже алое пятно растекается по щеке одноклассницы, жар – по его ладони, под потолком жужжит муха, все усталились на него, а он сверху вниз на сжавшуюся на стуле девочку, в глазах которой испуг, и, показалось ему или нет, как будто чуть-чуть довольства.

Учительница опомнилась первой – наорала, выставила из класса, пригрозила вызвать родителей, да так и не вызвала. Он до конца урока колупал засохшую краску на подоконнике и сгорал от ненависти к себе. Девочек бить нельзя. Мама всегда так говорила. Он и не собирался. Точно не собирался. Но вот это произошло. Ударил девочку. Залепил ей пощечину. И пусть она тысячу раз была неправа, пусть наказан вроде как за дело, но разве его это оправдывает? Нет, сказал себе. Потому что девочек бить нельзя. А папа бьет. Маму. Нельзя быть таким, как папа. Никогда. И если нельзя исправить свое

лицо, то можно хотя бы противиться этому внутренне. И скрутить огромную дулю всей родне, которая на каждом празднике щипает его маслянистыми пальцами за щеки и тянет приторно: “Аиии, Эльдарчик, как Максатик на тебя похож. Копия ты, ничего от Малики”. Правда, когда он укусил одну из теток, та, баюкая руку, прошипела, злобно глядя на маму: “А характером в тебя, невестка”. Мама тогда попросила прощения у тетки, грозно посмотрела на Максата и заперла его в комнате, а вечером долго объясняла, что так нельзя – ни со старшими, ни с младшими, ни с кем. Говорила, что если хочется кусать кого-то, то надо досчитать до десяти. Не поможет – до тридцати. И не кусать. Быть вежливым и воспитанным. Ты же хороший, балам, ласково заправляла ему за уши отросшие пряди, а он думал, что все они врут – мама не такая, как он, мама никого не кусает, мама терпит и отвечает улыбкой на плохие слова. И очень жаль, что мама не такая. А раз так, то он будет кусать за нее всех. Будет улыбаться и кусать. И рвать, если придется. Но ни за что не расстраивать маму. И не быть таким, как тот, кто живет с ними.

В шестом классе он спросил маму, почему они не уйдут. Мама сказала, что он ничего не понимает. Что если она уйдёт, то ее осудят все родственники и знакомые, а его отнимут. Сказала, что не может оставить его ни с отцом, ни без отца. “Так нельзя, балам. Нельзя мальчику расти без отца. Это неправильно”.

– А правильно то, что он тебя бьет?

– Это не то, ты не понимаешь. Он не бьет. Это так... это не то, что ты думаешь. Не то, чем кажется. Помнишь, я говорила тебе, что нельзя кусаться? Ну вот, я кусаю, я обижаю твоего папу, и его это злит. Папа неплохой, он просто... ну вот такой, вспыльчивый. Он же любит нас, балам.

Странная это любовь, думал Максат. Как можно бить того, кого любишь? Как можно любить так, что это скорее на пытку похоже, а не на что-то приятное и хорошее, чем, по идее, должна быть любовь. А если оно так и бывает – тяжело, удушающе и больно, то, может, лучше и не любить? Никого и никогда. Только маму. Хотя это тоже больно. Потому что сделать ничего не можешь, разве что музыку громче и чувствовать себя при этом последней тварью – дрожащей, слабой, беспомощной, способной лишь на то, чтобы рисовать всякое черное и бесформенное, схематичное. Наделить это опреде-

ленными чертами, сделать четче и понятнее... Нет. И на это не хватает смелости.

Как-то к ним среди ночи постучалась соседка с двумя дочками — старшая, лет пяти, цеплялась за юбку, младшая спала на руках. Приютите, попросила. Переждать надо, уточнила позже. Им постелили в зале, Максата отправили в комнату, но он прополз по-пластунски и приник ухом к щели между полом и дверью. Кулипа-эже всхлипывала тоненько и говорила, что Жениша уволили, он пришел домой пьяным, схватил нож и начал всех гонять. Мама отвечала, что надо вызывать милицию. Кулипа-эже сморкалась и сообщала, что в прошлый раз, когда она так и сделала, милиция закрыла Жениша на трое суток, а потом выпустила, и он стал еще злее. Надо уходить, увещевала мама. Куда с детьми, спрашивала Кулипа-эже, и они молчали. Сама почему не уйдешь, подавала голос Кулипа-эже. Мама вздыхала, скрипела стулом и говорила, что ей повезло, Эльдар не такой, Эльдар заботится о них, он хороший и не бьет вовсе, а так, иногда, редко совсем. Ну да, ну да, соглашалась Кулипа-эже, и Максат под дверью повторял это “ну да, ну да”, вкладывая в него другой смысл. Ну да, отец не бил маму так, как Жениш-байке Кулипу-эже, он ходил и нудел, расточал гадости, которые и слушать стыдно, мама не выдерживала, отвечала, пожар разгорался, усиливался, вскоре звучал только голос отца, громыхал и истерил, плевался ругательствами до тех пор, пока мама опять не возражала что-нибудь в свою защиту, и тогда взрывалась пощечина, мама вскрикивала, папа ушатывался курить на балкон и, вернувшись, заваливался спать. Ходить можно было только на цыпочках и ни в коем случае не включать не то что телевизор, но даже свет, потому что отец мог проснуться и от щелчка.

В седьмом классе Максат еще верил в пятилепесточки и написал письмо тому, кого называл отцом. Так, мол, и так сказал: делай выбор — или бутылка, или я. Отец продержался неделю, а потом выбрал. Не его. И Максат почему-то не удивился. Когда писал письмо, капал слезами, когда получил ответ — только уголком губ дернул.

В девятом классе он сломал наружную щеколду на двери в свою комнату и прибил щеколду внутреннюю. Вот так. Теперь никто не сможет его закрыть, зато он закрыться сможет. Тем же вечером отец попробовал наехать на мать, но Максат загородил ее своим плечом. Отец покричал, побрызгал слюной и ушел на кухню, где еще долго бухтел, гремел шкафчи-

ками, звенел посудой и снова бухтел. Мама мягко отодвинула Максата и сказала едва слышно, что зря он это, не стоило. “Не хочу, чтобы и тебе досталось”, – погладила его по плечу и принялась наводить порядок в спальне. Потом они вместе отмывали уделанную кухню – еда была повсюду.

Те дни и ночи, когда отец уходил на смену, Максату нравились больше всего. Зато время простоя машины на ремонте ненавидели всей семьей – отец со скандалами, мама – с заплаканными глазами, Максат – с очередными почеркушками в скетчбуке: в отдельных из них уже можно было признать мужской силуэт с ножами в спине – под черными линиями натекала красная паста, да так много, что бумага истончалась до дыр.

Мама брала аванс на работе, отдавала отцу, тот чинил машину и снова таксовал, и снова сутки его не было, на третьи он выходил на смену, а вторые проводил в пьяном веселье, угощал окрестных бомжей на часть от выручки, вытирал собой арыки возле дома и пару раз надул на лестничной площадке в их подъезде, да так и заснул в своей же луже. Оттирать ее потом пришлось Максату. Сначала думал так и оставить, но решил, что мама расстроится, да и не хватало еще, чтобы кто-нибудь из соседей увидел – выговаривать потом будут маме же и коситься на Максата, вздыхать сочувственно, и эта показная жалость вызывала большее отвращение, чем холодная, мокрая и вонючая одежда отца. С трудом подавив рвотный позыв, ухватил крепче за подмышки и потащил по ступенькам вверх – всего десять, которые обычно преодолевал одним махом, теперь казались бесконечностью. Тогда-то, добравшись наконец до двери и посмотрев вниз, в лестничный пролет, подумал впервые: что, если перегнуть отца через перила и... ну вот как будто это он сам так – не рассчитал, склонился сильнее, мутило, может, подышать хотел или еще чего, а потом под действием тяжести взял и рухнул вниз на ступени, и голова как перезревший арбуз, и мозги как блевотина на стенах.

Подошел к перилам, нагнулся сам, взгляделся в серую лестницу, в темный провал с переплетениями, в кусок светлого прямоугольника от подъездной двери и, оглохнув от разошедшегося сердца, вынес вердикт: нет, узко, не упадет, застрянет, ломает себе что-нибудь, будет потом в памперсы ходить и гундеть, мать сидеть возле него, страдать и подтирать слюни, вкладывая все сбережения и всю зарплату уже не

в машину, которую они наверняка продадут, чтобы оплатить те же памперсы, а в этот овощ. И смысл тогда?

Подумал так и похолодел. Рубашка и школьная форма противно липли там, где пропитались мокрым и вонючим. Сжал ладонями горящие щеки, вдавил в челюсть, задышал часто ртом и осел на площадку, схватился за прутья на перилах и зарыдал в голос.

Отец рядом завозился, промычал что-то. Наверху повернулся ключ. Максат утер слезы, хлюпнул носом, вскинул голову, вдохнул-выдохнул, поднялся, открыл дверь и единым рывком перекинул отца через порог, а потом затащил его в родительскую спальню. Сполоснул руки, высморкался, присосался к крану, наглотался ледяной воды... Вернулся в подъезд, взяв с собой тряпку и ведро с водой, собрал все, что оставило там тело, и вылил это пенящееся мутно-желтое в унитаз. Вот если бы так можно было смыть все – не только мысли, но и всю прошлую жизнь. Собрал бы гадость в ведро, выжал до последней капли и спустил в унитаз, а завтра – новая чистая жизнь без всего этого. Но хрен там.

Все дети похожи на родителей, яблочко от яблони, любила приговаривать класснуха. Особенно несло ее на часе про ЗОЖ. Страшала последствиями ранней половой жизни, подростковой беременности и картинками алкоголизма и наркомании. На алкоголизме остановилась подробнее. Пунктик у нее был, что ли, травма личная, подумал Максат, открыл скетчбук, загородился от соседа локтем и зачиркал ломаные и издерганные синусоиды. Казалось, все смотрят на него и все знают, думают так громко, что это не стерки скрипят, а мозги, не бумага шуршит, а слова копятся ворохом на кончиках языков, толпятся, насакивают друг на друга, переругиваются и вот-вот сорвутся, понесутся к нему с торжествующим “знаем, а мы все знаем”.

Не могут они ничего знать, заштриховал Максат прямоугольник, вывернутый на косо́й прямой. Он перевелся в эту школу месяц назад – в другом районе, за несколько кварталов от дома, от тех, кто мог бы знать. И никому, понятное дело, не рассказывал. Да и что рассказывать? Всем привет, я – Максат, а мой папа – алкаш. Отличное знакомство. То, что надо для жизни в новой школе.

Дети алкоголиков нередко сами становятся алкоголиками, потому что среда делает нас теми, кто мы есть, подытожила класснуха тираду “о пагубном воздействии зеленого змия” (как

значилось на доске). Максат выпрямился, закрыл скетчбук и посмотрел на свои пальцы, покрытые трупными пятнами чернил. Сжал в колодцы, разжал в бумагу и снова сжал. На парту лег тест. На определение профориентации, сказала класснуха. А чего только “проф”, съязвил кто-то. Класснуха пригрозила вызовом родителей и разговором с ними по душам. Съязвивший кхекнул. Максат перевернул тест и на обратной стороне написал: “Вы ничего не знаете. Никто не знает и знать не может наверняка. Мой отец – слабак. Но я никогда не буду таким”. Перечитал. Занес ручку, чтобы зачеркнуть, прикрыл веки, подышал до десяти, как учила мама, отложил ручку, расправил лист, вернулся к тесту, но смысл вопросов ускользал. Он читал раз за разом, а в голове звенело “среда делает нас теми, кто мы есть”, “кто мы есть”, “делает нас”, “нас”. С другой стороны, чего париться, размышлять над вариантами, если все предопределено – умные взрослые все посчитали, расписали и назначили? И тесты эти как пятилепесточники сирени – для успокоения разве что или вовсе галочки ради. Может, и вектор какой задать, и не факт, что верный. Прошел не в том настроении, расплылись буквы, забил двери в будущее, ответил от фонаря, и всё – живи теперь с тем, что натура ты творческая или еще какая, не суть важно вообще, потому что “среда делает нас теми, кто мы есть”. Вот и все, вот и не стоит пыжиться. Да? Нет. Чуть было не скомкал лист, но подошла класснуха, и он нехотя передал ей пустоту в квадратах. Усмехнулся. Нечаянно ответил честно, хотя и не собирался.

Класснуха потом вызвала к себе в подсобку. Вскипятила чайник, заботливо справилась, какой ему – черный или зеленый. Покаяние вздохнула, что черного нет, только зеленый. Максат сказал, что ему всё равно, говорите, зачем вызывали, и я пошел. Она смотрела жалостливо, изображала печальную скобку, елозила пальцами по обратной стороне его теста, то открывая, то закрывая крупное “слабак”, и Максат понял – еще немного, и его стошнит прямо здесь. Лучше бы и дальше молчал, чем терпеть эту вечную жалость во взгляде. Сколько она у них будет? До самого выпуска? И до самого выпуска будет глядеть в его сторону эдак понимающе. Может, виновато даже. На хрен бы оно не сдалось. Будто он ущербный.

Она просила прощения, объясняла, что это не она придумала, что вот так в интернете пишут, а так-то, конечно, человек сам кузнец своего счастья и будущее Максата зависит только от него самого. Предложила походить к школьному психологу,

Максат подумал “делать больше нечего”, ответил “окей”, подхватил рюкзак и пошел домой. А дома долго возился с дверью, пытаясь ее открыть — она упиралась во что-то, и Максат догадывался во что. Не в кого, а во что. Это просто не могло быть кем-то. Существительное мужского рода, неодушевленное. Ну или пассивный залог, возмнивший себя активным. Тот еще кожаный мешок, под завязку наполненный дурной кровью, гнилыми костями и дерьмом.

В подъезде пахло горелым, и Максат изо всех сил надеялся, что это не у них. Он отошел, подпрыгнул и пнул дверь. Мешок застонал и пробубнил что-то. Максат протиснулся, защелкнул замки и принялся. Гарью несло с кухни — их кухни. Перемахнул через мешок, окунулся в серую вонь. На плите варилась кастрюля. Или запекалась, судя по почерневшему днищу. На столе грустно прижимались друг к другу потекшие пельмени, валялись и на полу. Максат выключил огонь и уже привычно отправился за веником и совком. И толку мама, уставшая после работы, весь вечер лепила их? Вот он ее труд — слипшиеся комки теста и фарша. То, что на столе, еще можно отварить и пожарить, залить кетчупом с майонезом, и будет норм. Пельмени по-дунгански. Но то, что на полу, — выбросить однозначно; в комьях мусора, в луковой шелухе и чешуйках — вот и селедка со вспоротым брюхом на краю раковины глядит мертвыми глазами в водосток. Ползла, да не доползла? Со вспоротым брюхом и немудрено. А этот, интересно, смог бы? Как далеко прополз бы? Сколько бы из него вытекло, пока бы не... Живучий ведь, здоровье на зависть многим. Ни цирроза, ни обморожений, зубы — и те крепкие. Может, стоило хоть раз на улице оставить, не тащить домой, и пусть бы оно само как-нибудь свершилось? Так какого он каждый раз распинывает его, поднимает, сгорает под взглядами соседей, чтоб им всем, и все равно несет, придавленный пьяной тяжестью рук, подстраиваясь под заплетающиеся, все равно что волочащиеся ноги, принимает помощь от услужливых собутыльников, а один раз от какого-то сердобольного байкеши.

— Плохо твоему папке, — посетовал байкеша. Это мне и маме плохо, подумал Максат, но ничего не ответил, только зубы стиснул. Байкеша кряхтел и перетягивал вес на себя. Поблагодарить бы, да рот страшно открыть — сорвутся всхлипы, подстегнут слезы, и те побегут радостно. И байкеша потечет жалостливо, к волосам еще потянется или по плечу хлопнет — только хуже сделает, потому что тогда Максат может начать

жалеть самого себя, а ему это не надо. Ему вообще ничего не надо. Взялся тащить – тащи молча и не жалуйся, молчи.

– Проблемы на работе? – байкеша не унимался. Вот же тупой. Они подперли ношу к двери, Максат полез за ключами, а байкеша все ждал чего-то. Чего тебе? Душу излить? А не подавишься? Не захлебнешься такими-то помоями? Шел бы ты, дядя, и не оглядывался.

– Спасибо, – буркнул Максат и завалился с телом в квартиру, захлопнув дверь байкешиным добрым делам – пусть галочку себе поставит напротив пункта “доставил алкаша до дома”, сразу после “перевел бабку через дорогу”. Профпригодный доброделатель.

Пельмени жареные с яйцом оказались очень даже ничего. Вообще тема. И ладно, что слипшиеся. С яйцом так и надо. Помыл посуду, отскреб сковородку, посмотрел на банку с хлором. Все равно следы останутся. Посветят ультрафиолетом или какой другой специальной дрянью и увидят – где тащил, куда тащил. В одном сериале показывали. Насыпал чистящего средства на плиту, затер пригоревшее. Повезло, значит, что вода выпарилась, что не успел еще пельмени бросить, а то так бы пена поднялась, залила плиту, огонь погас, газ продолжал выходить, и... и остались бы они без дома. Зашибись, перспектива. Он тер и тер темный струп возле газового рожка, пальцы сцепило от подсохшего «Комета», пора бы смочить, да и струп уже отошел, распался на размягчившиеся ткани, а в голове возникали картинки выгоревшей квартиры, на пороге которой пожарные нашли обугленное тело – то, что когда-то было человеком, то, что давно перестало быть человеком. И мама бы плакала, и они бы искали, куда бы пристроиться, где теперь жить, и на какие жить, а еще надо было бы отдать долги, потому что похороны – это всегда дорого. Это как той, только наоборот. Посмертный той. А может, и не пришлось бы отдавать долги. Может, они бы все трое взлетели на воздух, оказались бы спаяны и в смерти.

Максат выдохнул, сполоснул тряпку, вытер начисто плиту. Вымыл руки, вышел в прихожую, занес ногу для пинка и опустил. Сполз по двери в зал и приложился затылком о нее. Боль отдалась в глаза, но внутри было пусто. Как та кастрюля, которая выгорела. Его тошнило. Тошнило злостью и ненавистью к себе, и это было непонятно. Себя-то за что? За мысли? Так он же не виноват.

– Я не виноват, слышишь? – прошипел Максат мешку. – Это все ты. Это ты делаешь меня таким. Ты! Ненавижу тебя, ненавижу! Когда ты уже сдохнешь наконец?! Когда?! Когда?! Я не хочу, не хочу, не могу больше, не могу...

Слезы все же прорвались, хлынули, и теперь он плакал навзрыд, с подвываниями. Мужчины не плачут, не должны, нелзя. Но никто ведь не увидит, и поэтому можно. Он один, совсем один. И может рыдать сколько влезет. Точнее, сколько выльется.

Мешок заворочался. Максат быстро размазал слезы и сопли, подхватился, забежал в ванную, наскоро умылся и шмыгнул в свою комнату. Расчехлил рюкзак, выудил учебники и погрузился в составление уравнений окислительно-восстановительных реакций. Учиться ему нравилось – это отвлекало, позволяло переключить мозг и забыться.

Вот только у мешка были другие планы. Или не планы. Просто мешку внезапно захотелось общения, он и приперся в комнату к Максату. Зря забыл закрыть дверь, теперь выслушивать про то, как и кого мешок возил, кто что говорил, какие все вокруг мурашки и только он один нормальный. Еще мешок любил рассказывать про то, как спился кто-то из его прошлых знакомых – рассказывал и глупо подхихикивал: “А я-то, Максатик, еще ого-го, я молодец. Я же не пью. Я так, выпиваю иногда. Но не пью”. Сегодня его заботило другое.

– Я не понял, а мать где? – вылупил мутные глаза.

– В смысле? На работе же. До конца рабочего дня еще часа три, – ответил Максат и вернулся к уравнениям. И то, что еще минуту назад было понятным, теперь не складывалось. В груди зудело нарастающим раздражением.

– Она мне изменяет. Она точно кого-то нашла. Она бросит нас.

– Не нас, а тебя, – на автомате сказал Максат и прикусил язык. Но было уже поздно. Мешок наливался кровью и готовился забултыхать дерьмом. И это не вода в кастрюле, такое не скоро выпарится, если вообще выпарится, но то, что завоняет всех вокруг, – это верняк.

– Ты его знаешь?

– Что? Да о чем ты? Никого я не знаю. Да и нет никого. Откуда у нее кто-то, когда она все силы тратит на тебя? И вообще, иди проспись.

– Ты как с отцом разговариваешь?

– О как, ты вспомнил, что ты отец. Ну надо же. Я сейчас от радости обделаюсь.

– Максат!

– Да, я в курсе, что меня так зовут. Сказал бы, приятно, что ты еще в состоянии вспомнить мое имя, но правда в том, что мне все равно.

– Ты был таким хорошим мальчиком, а вырос...

– Ну хоть у кого-то о ком-то сохранились хорошие воспоминания. Я таким похвастать не могу. Спасибо.

– Помнишь, как я сажал тебя на багажник велосипеда и мы ехали собирать тутовник? Я кричал “ножки, подними ножки выше”, а ты смеялся и держался за меня крепко-крепко.

– Угу. А потом мы ехали к мосту и ты просил посмотреть, виден ли там красный флажок. И если я отвечал “да”, ты крутил педали сильнее, потому что красный флажок сообщал, что, да, пиво в наличии. Ты напивался в сопли и засыпал там, добрые дяди звонили маме, а как-то я шел домой один. И еще у нас украли велосипед. Супервоспоминания. Все? Наговорился? Можно мне теперь за уроки?

– Так, значит, она мне изменяет?

– Ой, свали, а? Просто свали уже. Свали из этой жизни, из нашей жизни наконец?! Очень прошу тебя, сдохни! Сдохни! – выкрикнул в лицо и сам ужаснулся. Никогда прежде он не произносил это в открытую, глаза в глаза, и вот переступил еще одну черту. Мешок подпер плечом дверь, повозил ладонью по сальным всклокоченным волосам и спросил с надрывом в голосе:

– Ты... ты этого хочешь? Ты же мой сын... и ты хочешь этого?

– Да! Я хочу этого! Сделаешь это ради меня? Сделаешь? Ну пожалуйста? Сделай, а?

– Ладно, – тряхнул театрально головой, – ладно. Если ты так хочешь. Что ж. Я сделаю это. Я умру, а мать найдет тебе нового отца. Я умру, уйду. Этого ты хочешь?

– Да! Сколько раз тебе еще повторить? Я хочу, чтобы ты сдох. И чем раньше, тем лучше.

– Хорошо. Я пошел.

– Да вали уже, сделай милость.

И он пошел. А Максат двинул следом. В детстве отец часто играл в такую игру – говорил, что скоро умрет, и что мама найдет нового папу, а Максат отвечал, что не надо нового папу, что папа не умрет, папа будет жить долго. Нет, уговари-

вал отец, никто не может жить долго, а тот, кого не любят, тем более не сможет, поэтому “папе придется умереть, но ты не плачь, у тебя же будет другой папа”. Максат спорил, убеждал, что очень-очень любит, просил не умирать и все же плакал. Ну что ты, глупый, довольно рокотал отец и вытирал большими пальцами слезы, щипал за щеки и смеялся. Максат плакал, а он смеялся. Хорошая игра, отличная. И вот теперь им предстояло попробовать другую игру. В том, что она окажется продолжением той старой, Максат и не сомневался, хотя и робело надеждой, что все же нет, не игра. Надеждой вперемешку со страхом и странным возбуждением, и неясно – чего больше.

Отец уже вышел на балкон, а Максат топтался на пороге зала. Прислонился к косяку. Землетрясение как будто. Посмотрел на неподвижную люстру, прислушался к себе. Нет. Это не дом трясет, это его трясет. И ощутимо. Сердце колотится так, что отдается в ушах и кончиках пальцев. Неужели сейчас... сейчас все случится? И больше не будет мучений, не будет жалостливых взглядов, не будет маминых слез и синяков? Вот так вот просто и – все?

Максат отцепил себя от двери, ступил в зал и приблизился к балконным окнам. Отец стоял к нему спиной и выдыхал сизый дым. Стоял, чуть свесившись вниз и повернувшись в ту сторону, откуда обычно возвращалась с работы мама. Стоял и не торопился выполнять сказанное.

Он ведь и не собирался, так? Это снова была игра. Тогда играл на страхах, а теперь на желаниях. Обманывал всегда. Но что, если взять управление игрой в свои руки? Подойти сейчас, схватить за ноги и перекинуть быстро – вряд ли этот успеет сориентироваться и дать отпор?

Вот он открывает тихо дверь, не скрипнул даже – мама недавно смазывала петли. Крадется со спины, почти запечатав дыхание. Примеряется к щиколоткам – получится ли? Хватит ли сил? Не упустит ли раньше времени? Надо же, чтобы наверняка, а не испуг один. Косится осторожно во двор – никого, в окна дома напротив – так и не увидеть, но вроде и не светится нигде любопытным овалом. Всего-то и надо – решиться, не оттягивать, пока появится кто или пока сам не обернется, докурив.

Он резко подскакивает, сжимает пальцами щиколотки, вздергивает и перебрасывает через перила. Отец хрипит – успел ухватиться за перила и пытается подтянуться, смотрит удивленно, неверяще. Максату очень хочется ударить по ру-

кам, чтобы не мог больше цепляться, но бить нельзя – следы останутся, и он отгибает пальцы, отрывает от неровной поверхности. Максатик, что же ты, сипит отец. Максату некогда отвечать – он занят, он разжимает сильные пальцы, толкает их, высунув от усердия кончик языка и пробуя ядовитый воздух. И вот последний палец поддается, отец падает на землю, пропарывая бока ветками, выплевывает кровь, и она тонкой струйкой вытекает из уголка его рта. Он лежит на бурой земле, глядит на Максата мертвыми рыбьими глазами и пенится мутным, жёлто-грязным.

– Так с кем она мне изменяет? – новый старый вопрос прерывает его видение. Максат вытолкнул воздух, облизнул пересохшие губы и выплюнул:

– Пошел ты...

В дверях уже дополнил:

– И с кем. У нее никого нет. И если ты попробуешь ее хоть пальцем тронуть, я тебя убью.

Тем же вечером отец ударил маму. И Максата, когда тот пытался ее закрыть. Если подумать, вяло размышлял после Максат, промакивая разбитые губы ваткой с перекисью, то все же они похожи. Оба не умеют сдерживать обещания.

Варила ли мама с вечера большую кастрюлю супа, лепила ли четыре круга мант, тушила ли казан мяса с картошкой, Максат мог вернуться со школы и потратить первые два часа на отмывание стен, плиты, пола, а иногда и потолка, потом быстро сварганить себе макароны с яйцом или же обойтись бич-пакетом. Ну потому что яйца тоже имели свойство оказываться на потолке или размазанными по ковру – внезапно в прихожей. Их мама старалась спрятать, о тайнике сообщала Максату смской – яичницу он любил, но готовка была тем еще рискованым предприятием. Можно было разбить яйца так тихо, как никто и никогда, можно было прикрыть дверь на кухню, ухитриться выстроить огонь так, чтобы масло не шкворчало, но этот выползал из спальни, ведомый каким-то звериным чутьем, возникал на пороге и маячил неприкаянно. И ладно бы только маячил, но ведь опять тянуло на поговорить. Максат смотрел в тарелку, вытирал мякишем остатки яичной массы и сосредоточенно жевал.

– А мне, значит, зажала. От меня, значит, спрятала, – тянул обиженно, едва продрав заплывшие глаза.

И куда в тебя столько лезет, думал Максат, потягивая остывший чай. Бочка бездонная, голем глиномесный. О, мо-

жет, и правда это с ними голем живет? Пришел, когда они все спали, пробрался и съел настоящего папу, принял его облик и теперь жрет и жрет, жрет и жрет, а когда жрать будет нечего или наскучит питаться мучениями, сожрет и маму, и его. Будет откусывать по кусочку, как Максат в детстве шоколадных дед морозов и зайцев – сначала шапку или уши, потом одну лапу, вторую лапу, ноги, а голову в последнюю очередь. И когда съест полностью, лопнет языком глазное яблоко о небо, тогда Максат с мамой сами станут големами и будут мучить других людей, приходить под их окна и двери, проситься на порог, высматривать, чем бы и кем бы поживиться, и так до тех пор, пока не найдется отважный герой, который разобьет их глиняные головы. Вот тогда они обретут наконец покой. Хорошо бы такой герой нашелся до того. Но герои – те же пятилепесточники сирени. Если только самому стать героем.

Максат посмотрел на голову этого, бухтевшего что-то. Жаль, что не голем. А так бы зарядить с разворота или обеими руками сдавить голову, оттянуть к себе, впечатать в стену и глядеть, как осыпается осколками, как отслаивается плохо нарисованный карий глаз, как крошатся губы и отваливаются плечи, и вот он уже весь – куча мусора. Максат привычно поднимется из-за стола, возьмет в туалете веник и совок, сметет в ведро серо-желтую пыль, завяжет пакет, отнесет на мусорку и не закинет, как обычно, с метров трех, представляя вместо бака баскетбольное кольцо, а втиснет между другими пакетами, вдавит поглубже, набросает сверху еще мусора, чтобы совсем уж, чтобы не выбрался ни за что, чтобы так и уехал на городскую свалку и развеялся там над кучами, впитался в каждую из них, остался там навсегда.

Но этот не голем. Этот реальный из плоти, костей и дерьма. С этим так не получится. Поэтому будет жрать и жрать, пока не выест чайной ложкой весь мозг, не намотает, как лагман на вилку, все нервы. Еще и добавки попросит. А нету, скажет Максат, и этот ударит, и ему будет можно. Он не сын, он отец. Так бывает. Отцы бьют детей, отцы бьют матерей. Сыну бить отца нельзя. Нельзя поднимать руку на того, кто создал тебя, кто дал жизнь, пусть сам же и превратил ее в мутную вязкую жижу из ненависти и боли.

– Чего молчишь? – спросил этот.

– Не хочу говорить. Чего непонятного? – ответил Максат, встал у раковины, капнул на губку посудного средства, вспенил, отложил тарелку, сомкнул пальцы и медленно провел

указательными и средними по большому – в получившемся кольце колыхался радужный пузырь. Если же соединить кончики пальцев и аккуратно развести их, то выплывает целый континент с перетекающими друг в друга разноцветными реками.

– Я не так тебя воспитывал, – рявкнул над ухом. Континент погиб.

– Ты меня вообще не воспитывал. Твой любимый ребенок – водка, а пиво – жена. Или муж. Средний род. Муж, выходит.

– Маленьким ты был таким хорошим...

– Ой, ну начинается. Отстань, а?

– Это все ее влияние. Это она настраивает против меня. Ты мой сын, ты должен быть на моей стороне, ты должен...

– Ничего я тебе не должен! Ты деградируешь! Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ты даже обещание не в состоянии исполнить! Обещал выпилиться, и что? И где? Почему ты еще здесь? Почему дышишь? Почему приходишь сюда? Почему мучаешь нас?

– Это все она! Она! Ты не можешь так думать, не можешь так говорить, я же твой отец...

– Сдохни. Просто сдохни, – сказал Максат и ушел к себе в комнату, клацнул щеколдой, выставил музыку на максимальную громкость и все равно слышал, как этот ломился в дверь и угрожал выбить. Не выбил. Затих через час-полтора. Максат выписал формулы на ускорение свободного падения тел, прочитал тему раз-другой, но так ничего и не запомнил. Выключил музыку, взгляделся в текст. “Идеальное свободное падение возможно лишь в вакууме, где нет силы сопротивления воздуха, и независимо от массы, плотности и формы все тела падают одинаково быстро”. Идеальное свободное падение. Только в вакууме. А они не в вакууме, потому и падают так неидеально. Утягиваются под воздействием других объектов. Обмотанные толстой веревкой по рукам и ногам. А шея в петле. Дернешься, и шею сдавит сильнее – не продохнуть. Не дернешься – уйдешь на дно, растворишься в общей статистике, и какая-нибудь класснуха объявит патетично у доски: “Среда делает нас теми, кто мы есть”.

А если ускорить это свободное падение, но задать иной вектор? Тогда он войдет в другую статистику, станет хуже. И мама будет плакать, а соседи и родственники шептаться, но зато голем будет повержен, они – свободны, пусть и относительно. Относительно голема – уже ведь хорошо. И никто

больше не ударит маму. Никогда. Потому что любому отгрызет руку по самый локоть. Потому что только в первый раз будет страшно. Или нет?

Максат глотнул воздуха и закашлялся. Не хватило, не туда пошло, заблудилось. Сдавило в груди и кольнуло. Он всхлипнул и стек на пол, свернулся, подтянув колени к носу. Знобило. Колыхались пенной грязной водой мутные мысли, зудели комариными расчесами, убалтывали. Нет, отвечал им. Нельзя. Не так. Я не хочу. Не хочу быть таким. Потерпеть. До выпуска потерпеть, поступить в российский вуз и уехать. И все. И больше никогда. А мама? Как же мама? Как же она с этим одна здесь? Одна. Пока смерть не разлучит. Чья?

Он заскулил и тут же прикусил щеку. Прислушался. Тихо. Посмотрел на часы – скоро придет мама. Может, повезет, и этот будет спать до утра, а утром уйдет на смену? Хмыкнул. Ага, как же, размечтался. Найдет, к чему прицепиться. Хотя бы не к засохшим цветам на балконе.

Поднял себя, сгонял на кухню, набрал воды в баклашку от ополаскивателя, вышел на балкон – этого там не оказалось. Вздохнул бы с облегчением, но игла так и сидела в груди, и дом соседний нависал окнами, придавленный свинцовым небом, все не решившимся – рыдать или не рыдать, обрушиваться или не обрушиваться. Максат полил цветы, оставил баклашку и вернулся в комнату, проверил щеколду – порядок. Бухнулся на кровать, завернулся в одеяло и заснул. Сквозь сон ответил маме, что все нормально, уроки сделал, пообедал, нет, ничего не беспокоит.

Беспокоит. Мысли беспокоят. Плохие мысли. Пристали грязными листьями к подошвам кед, проникли в дом, налипли на стены и множатся-множатся, расползаются, заполняют собою все. Как бы избавиться от них, содрать со старыми обоями и сжечь? Но едкий дым отравит, едкий дым сообщит всем, едкий дым не спрятать. Нельзя сжигать, пусть и хочется очень. Но как же тогда? Как?

Максат метался по кровати и хрипел. Раскрывался, когда жар выжигал изнутри, и дрожал, когда игла, засевшая в груди, разрасталась, и вот уже сотни, тысячи иголок прошивали тело холодом, и колючими кусками льда раздирало горло. А издали через завесу метели доносились крики, что-то гремело и взрывалось, и звенело, разлетаясь. Он хотел встать и посмотреть, но глубже проваливался в горячий снег, и горячее

жгло веки, текло по щекам, пока пустота с раскатами грома не обрушилась черными квадратами.

По подоконнику кто-то ходил. Громко и часто. Стучался настойчиво в окно. В детстве Максат воображал, что это огромный монстр в чернильном балахоне, под которым только тьма, и эта тьма подмигивала с той стороны оранжевыми глазами: блик-блик, блик-блик. Просилась внутрь, когтями-ветками отстукивая по стеклу. Максат знал, что нет там никого, это не тьма в балахоне, а дождь и ветки. Знал и проскальзывал в родительскую спальню, устраивался между мамой и папой и старался не смотреть в темный угол – вдруг вспыхнут там оранжевые глаза и ему придется защищать маму, а тьма сильная и опасная.

Вот и сейчас темноту разбавляла только настольная лампа. Максат поднялся. Выходить из комнаты не хотелось. Но надо было попить и не только. Зря так рано лег. Как бы не встретить кого.

Не встретил. Щелкали часы, отбивая время. Темный коридор упирался в кухню, перерезаемый распахнутой дверью туалета. Там горел свет. Максат замер, прерывисто втянул воздух. Чего он, в самом деле? Может, там и нет этого. Этот, наверное, свет забыл погасить и дверь закрыть, этот спит. Должен спать. Пожалуйста, пусть спит.

Максат прошел по коридору, выглянул из-за двери на кухню и попятился. Ноги в стоптанных тапках. В одном тапке. Второй под столом – рядом с рукой. Верх в черноте. Не видно. Отрублен тьмой. Послышался стон. Не отрублен. Максат перешагнул ноги, дотянулся до выключателя, нашарил дрожащими пальцами, потянул вниз. Зажмурился. Посмотрел вниз и снова зажмурился, помотал головой, ущипнул себя за бедро. Не снится. Совсем нет. Этот лежит, скрючившись, прижал кулак к груди, выкатил белки глаз и стонет задушенно. Вот так. Вот так вот просто? Кто-то засмеялся. Максат вздрогнул и оглянулся – никого, так же темен коридор. Но кто-то же смеялся. Он. Это он сам. Понял, ощутив свое лицо – губы растянуты от уха до уха. И подтряхивает. От смеха и слез. Размывают, искажают.

Так не годится. Он смахнул их, растер. Присел на корточки возле тела. Протянул руку и отдернул. Встал, покачнувшись. Выключил свет, зашел в туалет, сделал свои дела, помыл руки и пошел спать. Просто. Вот так просто. И не надо ничего делать. Делать ничего не надо, и все будет само собой. И он ни при чем. Как будто. Не виноват. Это не он, оно само. И

будет хорошо. Будет замечательно. Он же этого и хотел, нет?
Выудил из кармана джинсов телефон. Три двадцать три.
Смахнул ухмыляющийся череп. Вдавил цифры. Гудок. Щелк.
— Алло, скорая?

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

ЖИВУ И ПОМНЮ

Миниатюры

Разглядев во мне тягу к перу еще в юности, когда сам я об этом и не помышлял, отец – милиционер, журналист и писатель – все твердил: «Веди дневник, пригодится!» Не слушался, не вел. И сейчас из застрявших в голове наиболее ярких впечатлений вперемешку с рассказами близких, друзей пытаюсь составить «дневник по памяти»... Это помимо того, что в книжки мои легло.

В 1959-м в Союзе свирепствовал полиомиелит. Эпидемия пришла и в город Фрунзе. Импортной американской сыворотки катастрофически не хватало, но с рук, втридорога, ее можно было достать. Семья продала серебряные фамильные ложки, купила вакцину. Меня привили. Через три дня двухлетний ребенок бросился к вернувшемуся с работы отцу и вдруг на ровном месте подвернул ножку (верный признак начинающейся страшной болезни). Переполох, паника...

В «инфекционке» «обрадовали» – не первый случай, когда прививка дает толчок заболеванию. Можно представить чувства близких: получается, «своими руками» вкололи инфекцию! Полтора месяца взаперти под строгим врачебным надзором. Отец однажды дотянулся до зарешеченного окна, куда в тот момент посмотрел и я. «Сашенька, тебе показалось...» – «Нет, тетя мордовка, я видел папу!» (Почему называл санитарку мордовкой? Слышал, как говорили другие и принимал национальность за имя собственное?) Болезнь, слава богу, пощадила, прошла стороной.

Повзрослев, взял за правило: лекарства либо официально, либо никак.

Дом деда по отцовской линии стоял на улице Пушкина, у самого пересечения с Карпинкой. Вокруг – махали лакцев, ингушей, за забором жил отбывший срок бывший полицей. И все мирно соседствовали. Однажды, совсем маленьким, наблюдал «баранью экзекуцию» – в кыргызской семье по соседству разделявали барашка.

Кровь спустили в алюминиевый тазик и поставили его перед здоровенным дворовым волкодавом. Тот алчно, вздохнул, лакал и раздувался. Потом болел две недели.

Думаю, это было первое мое знакомство с кыргызской культурой быта вблизи. Ведь правильное, по жиликам и устанам, разделявание бараньей туши – непростое ремесло.

С кузенком, что на полгода старше, как-то зимой устроили мы чехарду у единственной в округе колонки. Мороз стоял крепкий, а мы, играя в «героя Карбышева», обливали друг дружку водой до сосулек. Чихать и кашлять Генка начал уже на полдороги к дому, меня ж температура догнала ночью. «Кто из вас выживет, того я сам убью», – сказал дед.

К счастью, оба выжили. Кузен сейчас проживает в Торонто.

Одно время жили в саманной пристройке на улице Куйбышева, сейчас там отель «Достук». Как-то пришли родительские друзья, засиделись, а к вечеру заглянули родственники. «Все, уходите, другие гости пришли», – заявил я, трехлетний пацан.

Родители только засмеялись. А мне стало стыдно. Правда, через несколько лет.

Году эдак в 1960-м наше семейство переехало в большой светлый дом по Мичурина, 20. Там был глубокий погреб, куда я не преминул свалиться. Чудом не поранился и, чтобы потерявшие дар речи взрослые не ругались, возопил снизу:

«Водопроводчики виноваты!» – намек на то, что менявшие в это время трубы рабочие не закрыли подпол.

Тактика на опережение и в дальнейшем не раз помогала уйти от наказания.

В доме стояла печь-«голландка», в ней на «чуде» (так назывался противень причудливой формы) пекли пироги. Раз бабушка Муся выставила один такой пышущий жаром на стол, и я, любивший всюду совать пальцы, немедленно сунул указательный в раскаленное повидло. Перст разбух до размеров небольшого баклажана – не замолкавшего ни на секунду ребенка всю ночь по очереди качали на руках.

Происшествие это, впрочем, ничему меня не научило и не исправило: уже взрослым, обучаясь в школе милиции, я оттапал фалангу на хлебрезке.

Однажды услышал такую историю: на складе обнаружили недостачу восьмисот бутылок водки. Причем сама пустая посуда была на месте, содержимое же «испарилось». Завскладом, ничтоже сумняшеся, заявил, что алкоголь выпили... крысы. Комиссия, естественно, засомневалась, устроили засаду. На третью ночь в склад действительно пробрались серые воры и ловко так (водку тогда запечатывали сургучом) принялись обгрызать горлышко.

Потом один из хищников сунул в бутылку хвост, а второй... обсосал его. Меняясь и опростав таким образом три пол-литровки, ватага разудалых грызунов удалилась восвояси...

Вот интересно, спасло ли это завскладом от наказания?

В 1961-м батю на службе выделили однокомнатную «хрущобу» на улице Каменной, 105, возле старого аэропорта. Радости было! А где-то через год ломали мы с отцом печку – газ нам провели, титан поставили. С тех пор, года три, каждую пятницу устраивался «банный день». Съезжались родственники. Мы с батей дровишки из подвала натаскивали, готовились. И каждый раз он мне ножичек деревянный выстрогивал.

Жаль, растерял их все, ножи те ручной работы.

Мне – семь, младшенький только родился. С хлебом – напряг, в очередь шли рано-рано, давали по буханке в руки. Откуда-то отец принес длинную лапшу.

Ну, мама, замотанная маленьким и работой в школе, поймала момент и давай готовить... спагетти (название это откуда-то примерно тогда к нам и пришло, а так – лапша и лапша). И однажды, сговорившись, устроили мы с отцом «митинг»: «Спагетти, спагетти, не надо нам спагетти... Лагман, лагман, даешь ты нам лагман!» Мама даже как-то растерялась, а потом сготовила эту вкуснятину.

Пальчики оближешь...

С тех пор 50 лет прошло, а смотри-ка, помню и вкус ощущаю.

В «хрущевке» нас и так трое, а тут приехал еще мужик какой-то. Как мне объяснили – папин брат, в институт поступать будет. Весь день сидел он на балконе, читал что-то да вокруг поглядывал. Вдруг пропал, а в доме появились модные тогда чугунные часы с дарственной надписью. «Сдавшись» лет через пятнадцать, отец рассказал, что был то контрразведчик и наблюдал он за чьими-то окнами в доме напротив. Тогда там вроде даже шпиона поймали.

К 8 Марта купили маме шикарный букет. Спросил отца: «Как называются цветы?» – «Астры». Пришли домой, и я с порога маме: «Мама, мы купили тебе Фидель Кастры!» Назревал Карибский кризис, вокруг только и разговоров, что об Острове Свободы и Ф. Кастро.

«Куба, любовь моя», что всякий раз поем со старыми друзьями в минуты редких теперь застолий, запала в душу еще с тех пор.

Помню кадры хроники времен Великой китайской революции: огромные грузовики, доверху набитые... мертвыми воробьями. Так китайцы боролись за урожай. Они решили, что птицы расплодилось и поедает зерно, и их, с криками и улюлюканьем, до изнеможения гоняли шестами с привязанными на концах тряпками. Уставшие люди менялись, воробьям же

не давали сесть, и в конце концов птицы падали замертво от усталости. Но вскоре на смену пернатым расхитителям пришли саранча, гусеницы и прочие насекомые, наносившие зерновым гораздо больший вред. Ведь именно их тоже поедали те самые воробы, которых не стало.

«Культурная революция» не только людей, но и пернатых не щадила.

«Надо было адрес оставить!» – шутила мама, когда, запыхавшись, я прибегал с улицы и заявлял, что зверски голоден.

Эээ-эх, сколько их, тех адресов, у нас, пацанвы, было!

Очевидно, чтобы «стимулировать» мою любовь к школе, во втором классе мама рассказала мне жуткую историю: «Закончилось сочинение, и, собрав тетрадки, училка понесла их домой, чтобы проверить. Жила она в соседней деревне, зима, темень, холод, а тут еще и метель поднялась. Еле идет, бедняга, вдруг – волчий вой, все ближе... Та – бежать, зверье чередой – за ней. Догоняют!

Чтобы спастись, учительница стала жечь тетрадки. Пока горит, хищники – в круг, ждут, она же несколько метров пробежать успевает. Все ближе дом, но вот тетрадки закончились: в тот день прогулял урок Вовочка, и, чтобы спастись, ей как раз его сочинения не достало. Растерзали женщину волки».

Мама умолчала, как потом в школе обошлись с Вовочкой. Но я все понял. Хотя, по правде говоря, и потом всякое с уроками случалось.

Точно помню, что «Тайну Черного озера» смотрел в театре... 21 раз.

Разбитного чертенка играла моя любимая тетушка Лиля Кузнецова, злодейку ведьму – великая Гурьева. Раз после спектакля бабушка, отдавшая русскому драмтеатру без малого сорок лет, за руку повела меня за кулисы. А там – ведьма, руки тянет да злым бутафорским глазом блестит: «Ой, Сашенька, как же ты вырос...»

От моего испуганного визга разлетелось все воронье в Дубовом парке.

Из рассказа бабушки Марии Александровны Кузнецовой: «В начале семидесятых наш театр процветал, в Союзе о нем знали, считался ведущим: четыре народных артиста играли: К. Гурьева, В. Казаков, Г. Каркоцкий и Л. Ясиновский.

При полном аншлаге, помню, шли выездные спектакли нашего театра в Алма-Ате. И в тот вечер пришлось дополнительные зрительские скамьи ставить. За пятнадцать минут до начала спектакля «Кремлевские куранты» вдруг начальство нагрянуло – тогдашний министр культуры Киргизии Кулипа Кондучалова и с ней высокая шишка из ЦК КПК. Находясь в казахстанской столице в командировке, решили дамы вечерок культурно скоротать. Поболтав накоротке, министр и говорит: «Ну, Маруся, пошли смотреть «Время». А я: «Ой, миленькие, куда же я вас посажу?!» Не поверили высокие гости, пока своими глазами переполненный зал не увидели. Пришлось в ложу пару стульев впихивать. «Вот как работать надо, – похвалила Кондучалова, – к ней министр пожаловал, а его и посадить негде...»

Она же, бабушка: «Готовились к выездному спектаклю в клубе кара-балтинского сахзавода. Все билеты проданы. И вдруг звонит заведующий: «Авария, отопление лопнуло. Придется переносить спектакль». Главный режиссер Марк Маламуд решает ехать – зрители, мол, надышат, авось не замерзнем. За кулисами же просим затопить буржуйку да заварить чаю побольше.

Из города Фрунзе выезжаем пораньше, прихватив на всякий пожарный 20 тулупов, реквизит знаменитого когда-то «Побега» – пьесы о том, как из сибирской ссылки бежал Сталин. Короче, в теплой шапке, пальто и поддевке Маламуд руководил расстановкой декораций. Заслышав театральный автобус с актерами, он снял верхнюю одежду, спрятал ее, закатав рукава рубашки, уселся на стул посреди сцены, невозмутимо командуя рабочими. Увидев такое, артисты перестали возмущаться, демонстрировать пар изо рта и принялись переодеваться. Наградой главрежу был полный аншлаг».

Находчивый...

Бабушка была младше деда на 17 лет. Прожили они 60

лет душа в душу. «Муж меня ни разу даже душой не назвал, — рассказывала она мне как-то. — Когда родила старшую дочь, Соню, твою будущую маму, приехала в гости бабушкина сестра из Ленинграда Евгения, тетя Женя. Однажды поставили варить обед на примусе, заболтались, ну мама твоя, ей три года было, подошла к примусу, потянулась подкачать его и опрокинула кипящую кастрюлю на себя. Ошпарилась страшно. Шрам остался надолго. Дед примчался — лица на нем нет.

Видит — жива, только и спросил: «Сколько вас еще выписать надо, чтобы за одним ребенком приглядывать?»

Семейная легенда гласит: когда началась война, дед Абрам работал главным механиком Меджибожской МТС Летичевского района Хмельницкой области.

Немец прет... тут вызывает директор: «Абрам, чуе мое сердце — не скоро его остановят... бери полторку, горючки побольше, грузи своих и моих... Вези в тыл, подальше от войны. Оставь там, а сам — в военкомат... Вот тебе командировочные... Директор — коммунист со стажем — погиб, не оставив пост, а две семьи спас. Не вылезая из-за баранки два дня, дед добрался до села Шишаки Полтавской области, оставил семью, а сам отправился на фронт. Это было 7 июля 1941 года. На той же своей полторке всю войну возил снаряды на передовую, медали привез... А баба Муся с двумя детьми, семи и четырех лет, когда немец, форсировав Днепр, попер на Левобережье, убедила председателя колхоза выдать ей лошадей с телегой, погрузила скудный скарб, дочь и сына и отправилась подальше от надвигавшейся войны. Остановились в Воронеже, так как была зима и нечем было кормить лошадей. Там бабушка сдала лошадей под расписку коменданту. Их посадили на поезд и отправили в Саратовскую область, село Комсомольское, где жили всю войну. Бабушка работала дояркой, а затем заведующей молочно-товарной фермой.

Не раз раненый, умер дед уже за девяносто, так и унес в могилу осколок в ногу. С детьми, оказавшись в эвакуации, бабка работала заведующей фермой.

«Война закончилась, муж телеграмму дает — встречай, мол, еду. Для такого дела председатель колхоза свою бричку дал — станция за 12 километров. Вот и поезд, герой рукой

машет. Обнялись, поцеловались – поехали. Я чисто автоматически – вожи в руки, привыкла за пять лет все сама да сама. А он мягко так их у меня высвободил и говорит: «Муся, я уже здесь, все...»

Тронулись! И так у меня вдруг внутри легко стало, как больше никогда в жизни не чувствовала».

В 1968-м на фестиваль «Весна Ала-Тоо», после долгой разлуки с городом, приехал великий танцор Махмуд Эсамбаев. И сразу – в театр, где начинал. Здание к тому времени отстроили новое, но сцену не тронули. Узнав ее «шестым чувством», танцор пал ниц и долго целовал шершавые доски. Играл ли? Не знаю, да и неважно это. На встречу с «самим» пришли все, кто знал его еще по пятидесятым, включая соседей по двору. Одну вручившую ему цветы тетеньку Махмуд Алисултанович свел со сцены прямо по сброшенному с плеч на ступени алому плащу тореадора, вызвав бурю оваций. Боже, как он танцевал! А позже собрал театральных, что работали при нем, поил коньяком, расспрашивал, плакал и целовался. «Ну почему вы не сообщили мне о смерти Бюбюсары (Бюбюсара Бейшеналиева, прима-балерина Киргизского оперного, известная далеко за пределами республики, народная артистка СССР)», – искренне горевал маэстро.

До третьего класса учился я в 47-й школе вместе с Сашей Ронкиным, сыном уже тогда известного поэта. Они дружили с Эммануилом Прагом – хорошим актером, сатириком-задирой. Однажды сидели у Ронкиных дома, а тут – Праг. «Живьем» я раньше видел его только пиратом в спектакле «Великий волшебник». При знакомстве взял да и ляпнул: «На сцене вы красивее...»

Всех рассмешил.

После четвертого класса батя взял меня с собой в отпуск. Мы тогда на Черном море в Ялте отдыхали. Загорали на пляже в Массандре, он журил меня, чтобы не заплывал далеко, и готовил на обед «гигантские» овощные салаты со сметаной, которые мы уплетали за обе щеки, не отрываясь от моря. А когда полуденная жара валила с ног, уходили в турпоход по

Крым. Заработали значки «Турист СССР». Потом пол-Украины мы с отцом объездили, а в Харькове нарвались на платную (редкость по эссэсэровским временам) косметическую клинику. На руках у меня 17 бородавок было. По рублю за каждую заплатили.

Батя, наивный, решил, что ультразвуком или мазями там какими врачевать будут... Вышел я из кабинета, меня два амбала – руки в ремни и ну паяльной лампой, обычной самой... Пикнуть не успел, но с тех пор многие десятилетия при слове «Харьков» мясо паленое чуял.

Мы в 47-й школе еще перьевыми ручками писали, чернильницы с собой в мешочке носили. Почерк был ужасный. Как-то мама, сама педагог и школьный учитель, дала мне авторучку. У моей училки чуть шок не случился, отобрала.

Матушка в школу сходила, договорились они как-то. А вскоре я шариковую ручку первым в класс принес. Но было это уже в новой школе – «Бандитской 14-й». Что прямо напротив СИЗО.

Та школа в «Жилгородке» жизни научила. И дружбе. Полвека скоро с одноклассниками общаемся.

В 1964-м родился младшенький, Димка. «Расширились», получив двухкомнатную квартиру на Юбилейной. Самого магазина, давшего потом имя району, тогда еще не было. Дворовые жили привычной пацанячьей жизнью – дрались, влюблялись, покуривали втихаря. Но был один 13-летний скрипач, что с нами не жался. Со стороны мамы и бабушки над ним была гиперопека.

Поговаривали о большом таланте паренька, и, странное дело, мы никогда его не задирали, относились с почтением. Однажды, отыграв концерт, они с мамой под ручку возвращались домой. У подъезда стоял «ЗИЛ», были тогда такие, со стрелой-крюком. И именно когда они проходили, стрела вдруг сорвалась и ...

Музыкант скончался на месте. Окрестные старушки болтали, что на небесах в тот вечер давался бал, внезапно заболел скрипач, понадобилась талантливая и, главное, безгрешная замена...

«Наш-то, со смычком, в раю уже. Не бойтесь, ему там хорошо будет веки вечные...»

Вот, думаю, впервые тогда смерть увидев, о Боге задумался.

В детстве, хорошо помню, это было семейной традицией. В квартире на Юбилейной, независимо от занятости, по воскресеньям собирались всей семьей на кухоньке. Мама делала фарш, катала тесто, а мы с батей лепили, лепили...

Братишка маленький тут же – на подхвате. Болтали, обсуждали что-то, открыв рот, отцовы рассказы – а он их без счета знал – слушали... Ну а потом, естественно, вместе лакомились. Вкуснее тех пельменей домашних ничего не едал.

До сих пор пельмени люблю. Но сохранить ту традицию в своей семье не сумел.

Родители отдыхали на курорте в Туапсе, мы с Димухой жили рядом, в поселке. Стена у квартирной хозяйки, бабы Дмитриевны, была завешена чьими-то фотографиями в летней военной форме. То был Владимир Коккинаки – летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза, еще в 1939-м совершивший беспосадочный перелет в Америку. Оказалось, наша Дмитриевна – одноклассница знаменитости. «Легче птицы Коккинаки над землею пролетел», – с удовольствием напевала она популярный в годы их молодости шлягер. «Ох, и любил Вовка похулиганить. Как-то писали диктант, на утро учитель зачитывает «произведение» будущего героя: «Петухи забастовали, куры яйца не несут».

Чкалов, Коккинаки, папанинцы... Интересно, помнит ли их нынешняя молодежь?

Перешел в пятый класс, «сослали» на все лето в пионерлагерь на Иссык-Куль. Там была такая обязанность – дежурный по пляжу. Меня назначили, я, довольный, наплавался, накупался, пока никого нет, и... заснул... Прямо под солнцем послеобеденным, а пекло знатно... Никто меня не хватился, так и провалялся на песочке часа три с половиной. Первой степени ожог получил.

Так до костра на закрытие сезона пионерского в санча-

сти провалялся. Мало что больно, так еще взрослые во всем меня, пацана безответного, обвинили. Когда облез, все тело веснушками покрылось... так по сей день...

В 1970-х годах ввели новые правительственные награды – медали «100 лет со дня рождения В. И. Ленина». Получить их было престижно. Собрались у нас на семейном торжестве, и мамин дядька, Самуил Александрович Кацев, небрежно так это – плащ вон, а под ним – награда. Все смотрят восхищенно, а тут и отец с медалью на лацкане. Обмывали тогда это дело крепко.

В 10-м классе нас водили во фрунзенский планетарий на уроки астрономии - тогда мы эту науку тоже в школе осваивали. Однажды, после прекрасной лекции в Звездном зале, невидимый лектор попросил задавать вопросы. Народ просил показать Кассиопею, Тау Кита, Андромеду... Чтобы повыежиться, я, помню, спросил: «А Земля где?» «Под ногами», – был ответ.

Осадили. И правильно: не умничай...

А знаете, как я милиционером стал? Конечно же, семейные традиции и все такое... Но до самого последнего момента никак определиться не мог, куда после школы документы подавать: в военно-морское или в Высшую школу МВД? И вот однажды в телепрограмме вижу: в одно и то же время по разным каналам два фильма запланировали: «Я – следователь» с Вахтангом Кикабидзе в главной роли и «Океан» с Оляничковым и моей любимой красавицей Белохвостиковой. И решил я выбор судьбе предоставить. Закончилась программа «Время». Все вышли из комнаты на минуту перед кино... Ну, я подошел к «Горизонту», закрыл глаза и крутанул ручку переключателя каналов...

Догадываетесь, куда попал?!

В начале 70-х годов прошлого века в городе Фрунзе цыпленок-табак был не популярен... Зато в Караганде, куда мы группой приехали поступать в Высшую школу МВД СССР, это

было главным блюдом во всех ресторанах и кафе. И вот заходим вшестером в кабинку фабрики-кухни, официант приносит заказанное лакомство, а к нему, кроме специй, – кесе с теплой водичкой и плавающей долькой лимона. Что с этим делать? Все почему-то на меня смотрят. Недолго думая, выпиваю. Типа аперитив. Надо было видеть лицо официанта. Только потом узнал, что содержимое предназначалось для ополаскивания рук и подавали его дважды – перед цыпленком и в конце трапезы.

Как-то на стрельбище в милицейской «Вышке» была моя очередь дежурить «на цели». Это когда ты идешь к мишеням и, чтобы все не бегали, после стрельбы сообщаем по радиии, кто сколько выбил. Ну, например, «первая мишень – три девятки и восемь. Кучно» и т. д. У мишеней специально блиндаж вырыли, в котором от пуль во время стрельбы прятаться надлежало, а вылезать только когда радио объявит, что группа стрельбу окончила. В моем же случае блиндаж после дождей так залило, что он в настоящее болото превратился. Что делать? Прилег рядом, на травку. А тут капитан наш решил пулемет опробовать. Пули клал очередями длиннющими, чуть пилотку не сбил (он-то в полной уверенности, что я в блиндаже курю), до радиии дотянуться не мог...

Чуть не обделался.

Почти сорок пять лет назад в морозец под минус 40 да с ветерком, нас, слушателей школы милиции в Караганде, подняли ночью по тревоге.

Стоим, в шинельки на рыбьем меху кутаемся. Курсовой, сильно подшофе, оглядел строй и говорит: «Завтра тут многие историю КПСС сдают. Главное в этом предмете – не забыть, что Троцкий – это проститутка».

Подсказал, блин...

Зеленый рынок на месте нынешней площади Победы. На задворках стояла сбита из выкрашенной в синий цвет фанеры кибитка, а в ней НАСТОЯЩИЙ китаец продавал ашлянфу и по великому благу из алюминиевых бочек разливал настоящее чимкентское пиво (напиток этот пенный был тогда в беше-

ном дефиците, а уж «Чимкент»!). В понедельник раненько туда сползались опера со всего города. Информацией поделиться, услышать чего и, что греха таить, банально опохмелиться. Поскольку больше в городе сделать это так рано было негде, на Зеленом сыскное начальство самого высокого ранга попадалось. Его пропускали без очереди, все остальные толклись, ждали «отстоя пива». Порция ярчайшего ашлянфу, одно пиво вдогонку. Глаза открывались. А вторую кружку (больше не давали, не хватало всем страждущим) – глотками меленькими. Ух, кайф! Как-то один из оперов Свердловского РОВД пошутил: «Давайте пятиминутку прямо здесь проводить, все равно в большинстве у китайца встречаемся, чего в отдел тащить-ся...»

Оперов тех седовласых, сколько живу, помнить буду. И жизни, и отношениям, и мастерству оперативному научили...

Это было в Таласе, в самом начале 1980-х годов. Случили вместе в тамошней милиции, в областном УВД. Область только-только создавалась, бытовых проблем – масса. Перебивались... Вдруг одного из троицы забирают в обком партии, инструктором. Тогда это было все равно что Б-га за бороду схватить. И все.

Все. Не то чтобы общаться, «обкомовский» даже здороваться перестал. Через какое-то время мы с покойным теперь Бактыбеком Рыскуловым, обладавшим огромным чувством юмора и неизменным оптимизмом, были приглашены на совещание в обком. Пришли чуть раньше, вдруг видим – по коридору идет заведующий отделом (бо-о-о-льшая по тем временам шишка) в окружении двух своих подчиненных-инструкторов, один из которых – «наш». «Ну вот, сейчас отворачиваться начнет иль не узнает», – пробурчал я. «Сейчас проучим», – с этими словами Бактыбек шагнул навстречу, за руку поздоровался с шефом (был знаком через своих знаменитых родителей-актеров), а потом повернулся к нашему «другу», назвал того по имени и говорит: «Ой-ей-ей, да разве ж можно так бухать? Смотри, аж лицо заплыло, наверное, даже в зеркале целиком не помещается, опухло. Это ж вам не милиция, ОБКОМ! Не позорьте нас, пожалуйста...» Немая сцена. С тех пор тот инструктор с другого конца улицы узнавал и бежал здороваться...

А что?! Не зазнавайся.

Вскоре я в том же Таласе возглавил городскую милицию. По слухам, был самым молодым начальником отдела внутренних дел в огромном СССР! Водителем был старшина Джантай – уважаемый аксакал.

Парадную форму надевал он дважды в год: на День Победы и в День милиции. И тогда все, и даже офицеры, невольно отдавали деду честь – боевые награды обязывали. Всю войну прослужил Джантай пулеметчиком. «Стрелял фашиста, но больше «Максима» на закорках таскал», – скромничал он.

Каждый год в канун Дня Победы наряду со своими воевавшими родными я нашего горотделовского старшину Джантая поминаю.

Моего первенца, Макса, привезли в Талас восьмимесячным. Развлечений для ребенка здесь было мало, и главное – скотский базар по воскресеньям, куда, как в зверинец, мы ходили. Годика два ему было, он уже знал, как всякая живность там называлась. Тут новость – индюшат принесли. «Это кто?» – спрашивает. Я, умник, – пингвинята, мол. Вернулись, тот радостно так: «Мама, там пингвинов маленьких с гор принесли...»

Сыну сейчас под сорок и нет-нет да про детство рассказать просит. Таласскую свою эпопею, затаив дыхание, слушает.

В 1988 году впервые попал за границу. Средиземноморский круиз, семь стран. В Неаполе при заходе солнца оказались на набережной среди гуляющей толпы. Вдруг – ни с чем не сравнимый запах хорошего кофе и пиццы. А нам на все про все 57 долларов обменяли, и те уже закончились. И тут мой друг снимает золотой перстень, протягивает уличному торговцу бижутерией. Тот взвесил на ладони, одарил наших дам шикарными серьгами да еще и сдачу выдал. Как раз хватило по чашечке кофе и хорошему куску настоящей итальянской пиццы.

В 1988-м! Под небом Неаполя! Считаю?

Однажды, в начале 1990-х годов, сопровождал на планы в Токтогуле группу скандинавских журналистов – снимали, как мы с наркопосевами боремся. Все было классно, даже засада удалась. Довольный, норвежец достал свой спутниковый телефон (по тем временам я видел первый раз), набрал Осло и мило поговорил с офисом. Победно так оглядел нас: «Норвежский». Тут наш опер: «А можно я домой в Джалал-Абад позвоню? Жену не предупредил, волнуется...» Гость – да, конечно. Час набирали. Потом спустились, пробовали еще, но даже в 17 километрах от города связаться не могли.

Не шарят викинги в наших реалиях.

В начале 1990-х годов, вскоре после получения независимости, делегация МВД Кыргызстана посетила Китайскую Народную Республику. Прием коллеги оказали великолепный, и по возвращении министр докладывал на коллегии о результатах. Закончив официальную часть, Абдыбек Асанкулович Суталинов рассказал о понравившемся ему китайском ноу-хау: «У них в полиции звания «полковник» и «старший полковник» есть. Может, и нам ввести, а то слишком много генералов развелось?» Тут начальник Управления уголовного розыска полковник милиции Омурбек Кутуев: «Товарищ министр! Чем старшего полковника, давайте лучше младшего генерала ведем...»

Зал взорвался смехом.

Январь 1998-го, с 11-летней дочкой летим в Таиланд. В Бишкеке – минус 17, снега полно. В Паттайе – +38. Самолет тогда ждал всю неделю, чартер, в нем оставили всю надоевшую верхнюю одежду. Шикарная встреча, устройство, роскошный ужин... Океанский бриз – обожаю... На следующее утро – поездка в Национальный парк, «все включено»... Милые аттракционы, слоны, крокодилы, мартишки, петушиные бои, «однорукие бандиты»... Обедаем, и вдруг таец-экскурсовод, воодушевленный неподдельными восторгами нашей группы, заговорщицки переходит на шепот: «Здесь еще один аттракцион есть, ну просто отпад. Но, извините, в основную корзину не входит... Дорого... зато...» Видим – не разводит, явно потрафить понравившимся экскурсантам хочет... «Сколь-

ко?» «Ой, 20 долларов со взрослого, детям – 10 баксов...» «А что там?» «Огромный фрижетер (холодильник), теплую одежду и обувь дают... и – в snow balls (снежки) целый час играешь». Долго хохотали...

Однажды утром на Иссык-Куле шли на завтрак, и дочь, ей годика три всего тогда было, раздавила улитку... А я, дурной такой, возьми да расскажи типа: «А вдруг к нам прилетят с другой планеты великаны?! Мы ж для них как эта улитка для нас... Раздавят и не заметят даже...» Нет, ребенок не заплакал. Но три дня молчком ходил и место то третьей дорогой обходил. А спустя много лет, уже взрослой, как-то к слову пришлось, она и говорит: «А знаешь, во мне эти слова твои тогда мир перевернули. Поняла, что любое зло, которое намеренно причиняешь, вернуться может...»

Поразило такое наблюдение: в середине 1980-х годов в Покровке на Иссык-Куле, уезжая домой после очередной командировки, купил маленькому своему первенцу детские носочки. Когда вручил жене, та прижала их к лицу и расплакалась. Через много лет на Памире покупал маленькие чорабы из ячьей шерсти – родился племянник. И уже немолодая азиатка-продавец, прежде чем подать мне покупку, интуитивно прижала их к лицу и расплакалась.

Женщины...

В юности любили мы крепко выпить. А если кто из компании отказывался, отставали только после того, как трезвенник долго декларировал: «Я – индюк, красные сопли, пить не буду...» Много лет назад поведал я сей прикол жене. И никогда его не вспоминал. Но приказ о назначении в миротворческую миссию ООН в Косово по традиции обмыл здорово. Возвращаемся вдвоем, я что-то раздухарился: «Слушай, я же теперь настоящий «Серый гусь!» (так еще со времен войны в Анголе в 1960-х годах называли наемников). Глянув грустно, моя Ирка парировала: «Да никакой ты не гусь. Ты – индюк, красные сопли...»

В Косово раз застрял в горном патруле. Знаменитая «Тойота» заглохла на повороте, прямо на серпантине, высоко-высоко. Открыл капот – компьютер...

Закрыл, давай мучить рацию... Восемь часов ко мне здоревенный трак поднимался. Немец – военный механик – распознав «русского», поморщился: мол, что вы можете?! Полез в капот, копался долго-предолго – без толку. Все, давай грузить. А это значит с погрузкой и прочим еще часов десять вниз на громадном прицепе с грузом. Тут пацан, водила бундесверовский: «Можно я гляну?» – «Валяй!» Завел в три минуты! Механик тот, «охфицер», долго руку жал, да и я тоже. В это время немец мне и шепнул на хорошем русском: я – из Казахстана.

Ребенком еще отец с собой на комбайн брал. Он там и не такое выделявал...

Наши, советские...

Там же, в Косово, совершенно фантастически нашлась утерянная мною накануне барсетка с большими деньгами и важными документами... И мой коллега, британец из штурмовой бригады по борьбе с терроризмом, прокомментировал это так: «Алекс, как ты знаешь, вокруг нас много экстрасенсов. Есть люди, обладающие телекинезом и прочее. А есть просто удачливые. Удачливость – то же биополе, только мы пока не можем его «пощупать». Судя по рассказу, оно у тебя мощное...»

И когда мы добровольцами отправились на войну в Македонию, попросился со мной в один патруль.

Ирина, супруга, меня на войне навещала дважды. В первый раз уже и билеты взяла, тут обострение ситуации, визиты запретили. Сдала, успокоилось, вновь купила, опять отбой. Вот звонит, я и говорю: «Все, вылетай. Вчера швед жену на бронетранспортере встречал, если что, и я так сделаю». Моя умница в ответ: «Ты люк там замеряй. Я женщина крупная. Шведке расти и расти...»

Талип ИБРАИМОВ

*Нурипе, моему
ангелу-хранителю*

АРМАН

Рассказ

Кубат не рассчитывал на долгую жизнь, понимая, что пребывает в преклонном возрасте и смерть может явиться, не предупреждая. Дети жили своей жизнью, и его мудрость была не востребована — это уязвляло, но примиряло то, что не сидят на его шее и не ввергают в тупик своими финансовыми проблемами. Жена почти не обращала на него внимания, всё её время отнимали внуки и внучки, их болезни и заботы. Иногда приводила их домой, и он вынужден был терпеть их претензии, капризы, да ещё быть ласковым, терпеливым, что выматывало и удавалось с трудом. Всё ему представлялось, что время уходит впустую, что они отрывают его от чего-то важного, хотя он уже давно был на пенсии и особой нужды в его услугах общество не испытывало. Он это знал, но не научился смиряться. Каждое утро он просыпался с чувством, что его ждёт срочная работа — это нетерпение впиталось в его сознание, и бессильны были ему противостоять как годы на пенсии, так и усилия самовнушения. Потом, естественно, наступало разочарование, со временем оно теряло остроту, становясь обыденным мимолётным ощущением, которое позволяло подтрунивать над собой. Наскоро позавтракав, он шёл в парк. Там бежали, упражнялись люди самых разных возрастов. Так сложилось, что в жизни у него всегда было в обрез со временем и он не мог позволить себе зарядок и прочих оздоровительных удовольствий, то после выхода на пенсию решил начать утренние пробежки. Но, понаблюдав, какой силой, напором энергии дышат бег, движения молодых и какими жалкими подобиями выглядит то же самое у людей его возраста, он отказался от

своей затеи. Район, где он жил, некогда был самым элитным в городе, так что в парке по утрам сходились бывшие министры, генералы, академики и прочие, одним словом, избранная публика. Они кучковались по два, три, четыре человека в зависимости от интересов и вместительности скамейки и вели беседы, диспуты на актуальные политические темы или слушали рассказ кого-нибудь одного о славном прошлом. Кубата знали, и везде он был своим, но вскоре он отпал от всех, предпочитая хождение. Это было не проявлением гордыни или чувства какого-то превосходства над другими, просто в его жизни не было выдающихся поступков на благо родины, не мог похвастать и обилием любовных связей, да и особого взгляда на политику не имел, которым мог бы образумить человечество, поэтому он считал сотрясанием воздуха все эти горячие перепалки, вулканические страсти, которые вдруг проявляли люди давно уже не у дел. Другое дело, одиночество среди деревьев, когда идёшь и наслаждаешься россыпью солнечных пятен на зелёной траве, упругой поступью пробежавшей мимо девушки, и чувствуешь себя свободным от необходимости поддакивать, возражать, прилагать усилия, чтобы не выпасть из пределов разговоров, которые ему неинтересны.

В один из дней, когда он шагал по аллее, привычно рассеивая внимание между воспоминаниями и обзором, путь ему преградил рослый русоволосый мужчина.

– Здравствуйте, – поздоровался он, глядя Кубату в глаза.

– Здравствуй, – остановился Кубат.

– Вы меня узнаёте?

– Женья?

– Да... Мама уезжает в Россию, – многозначительно сказал Женья.

Кубат молчал, ожидая наполнения информации.

– Она уезжает навсегда, – сказал Женья, – хочет проститься с вами и приглашает вас к себе.

– Время? Куда?

– Сегодня. К двенадцати дня... Адрес прежний... Если хотите, через пару часов я подъеду к парку и отвезу вас...

– Как ты меня нашёл?

– У меня тут офис неподалёку. Я почти каждое утро вижу вас.

– Понятно.

– Так мне подъехать?

– Я сам.

— До свидания! — сказал мужчина и стал уходить, через несколько шагов оглянулся. — Мама очень просила вас прийти.

Резко отвернувшись, он быстро двинулся прочь и скоро скрылся из виду. Кубат неверными шагами двинулся к скамейке. Он не мог предположить, что прошлое, которое он забыл, может, если о нём напомнили, вызвать слабость и бешеное сердцебиение. Люда. Его мука и неизбежное чувство вины перед ней, с которыми, как он уверил себя, расстался благополучно, но стоило увидеть её сына, как они хлынули с прежней щемящей силой, а осознание того, что Люда уезжает навсегда, вдруг выстрелило такой нестерпимой болью, что он застонал. Он испугался, что его хватит инфаркт, инсульт или что-нибудь подобное и он не увидит больше её. Но сердце у него было ещё крепкое, а опыт жизни научил справляться со сбоями в чувствах, мыслях. Через некоторое время с холодной отстранённостью подумал: он все эти годы спокойно терпел её отсутствие в поле своей жизни, потому что знал — если захочет, может увидеть её в любой час, стоит только сесть на троллейбус, проехать несколько остановок, сойти на улице Шевченко, пройти немного на север и решиться нажать кнопку звонка у зелёных ворот в обрамлении деревьев. Правда, в последние годы он ни разу не захотел, хотя эти ворота, цветник во дворе часто снились ему, становясь наваждением, преследовали его, отнимая время и нервы, необходимые для здоровья и полезных дел. Благодарение Всевышнему, жизнь закалила его в борьбе с самим собой, и он привык жить без неё. Но не повезло: появился Женя. Тот самый Женя, которого он знал пятилетним, шестилетним, семилетним, одним словом, во все его возрасты, вплоть до двадцати пяти лет, вплоть до того душного летнего вечера в уголке летнего ресторана. Он тогда с удовольствием, радуясь за его самодостаточность, принял приглашение Жени, прошёл вместе с ним в дальний угол ресторана, и, наблюдая за людьми, дождался, пока официант принесёт заказ, разольёт коньяк в рюмки. Женя нервничал и явно не по причине нерасторопности обслуживания. Кубат подумал, что у него, по всей вероятности, деликатная просьба, и поэтому, излучая доброжелательность, не торопил события.

— Какое-нибудь великое событие? — спросил улыбаясь Кубат.

– Можно и так сказать, – Женя отвёл взгляд и, встряхнув головой, продолжил: – Сколько помню, вы всю жизнь меня вот с таких лет чем-то угощали, что-то дарили, в люди вывели, так сказать. Могу же я хоть раз в жизни вас угостить? За вас! Дай вам Бог долгой жизни и крепкого здоровья.

Они выпили.

– Спасибо, – сказал Кубат и, предчувствуя недоброе, насторожился.

– Извините, Кубат Сатарович, вам сколько лет?

– Шестьдесят восемь.

– А моей маме – сорок три. Двадцать пять разница... Хорошо устроились, Кубат Сатарович!

Женя в упор глянул на Кубата. Кубат спокойно выдержал этот взгляд. Он не ожидал такого разговора, но раз так повернулось, надо быть готовым к любым каверзам, а для начала перехватить инициативу.

– Ты прав, я отлично устроился. А тебе было плохо? – холодно спросил Кубат.

Женя побледнел и опустил голову.

– Мне тоже было хорошо, – поднял взгляд Женя. – Я даже не знаю, хватит ли мне жизни, чтобы вас отблагодарить.

– Давай закончим на этом, – встал Кубат. – Это была бы самая лучшая твоя благодарность.

– Нет, нет! – вскочил Женя, – Садитесь, пожалуйста... Я не хотел вас обижать. Я сказал глупость, простите меня, пожалуйста... Честное слово, не буду больше...

Это детское «не буду больше» тронуло Кубата, и он, встреножив бешенство, сел, строго и вопросительно глядя на Женю. Женя разлил коньяк и мялся, видимо, подбирая слова.

– Давай теперь выпьем за тебя. За твои успехи, – сказал Кубат, поднимая рюмку.

Женя выпил и сидел отрешённо, словно забыв о присутствии Кубата. Кубат молчал, он решил: как бы ни повернулся разговор, выдержать всё, чтобы внести ясность в отношения, которые неожиданно оказались под угрозой, хотя всегда казались неизбежными.

– Я знаю вас лет с пяти-шести. Я любил вас, ждал каждого вашего прихода, ждал, как Бога, – начал Женя, не глядя на Кубата. – Потому что вы устраивали праздники... Сначала я думал, что вы мой папа, который по каким-то важным причинам не может жить с нами, потом, что вы мой дедушка... А ещё

потом я узнал, что у вас семья, взрослые дочери, а моя мама – ваша любовница... Вот так я и прожил всю мою жизнь: я, мама и её любовник. Изредка появляющийся на горизонте...

– Ты хочешь, чтобы я не появлялся?

– Да.

– Хорошо, – сказал Кубат. – Я могу идти?

– Нет, нет! Посидите ещё немного, пожалуйста!.. Не человечески у меня получилось...

Женя вопрошающе глянул на Кубата. Кубат пожал плечами, он был растерян и лихорадочно искал в потрясённых основах души опору, чтобы унять дрожь в пальцах и вести себя достойно.

– Я не хотел вас обижать... Я знаю, что всё, чего достигла мама, только благодаря вам...

– Допустим, что благодаря себе.

– Извините, кто бы позволил подняться бедной девчонке без крыши над головой с ребёнком на руках, будь она трижды гениальная?!

Женя запнулся, стыдливым жестом смахивая нечаянно выступившие слёзы, и эти слёзы стали для Кубата ориентиром, направившим не к хитроумным поворотам мысли и к неуязвимым установкам воли, а к искренности, уже давно выпавшей у него из употребления, и дорогу к которой он сейчас должен был нащупать.

– Я – негодяй, – сказал Кубат, упреждая перечисление собственных благодеяний. – Я больше не побеспокою ни Люду, ни тебя...

Голос его задрожал, и Кубат неприятно удивился себе: не хотел он выглядеть ничтожным стариком, вымогающим жалость.

– Нет, нет! Вы – добрый, замечательный человек! Дело даже не в вас... Я не для того вас позвал, чтобы обличать. Но так получилось. Дело в том, что у моей мамы должна же быть в конце концов нормальная семья?

Кубат опустил голову: он не был готов к тому, что мог сейчас предложить Женя, по крайней мере, немедленно.

– Маме сделал предложение один человек...

– Она всегда была свободной, – сказал Кубат и почувствовал предательское облегчение.

– Она боится вас. Боится вас огорчить. Вы же для неё вроде идола, кумира...

– Ты преувеличиваешь...

— Вы действуете на неё как удав на кролика. Извините. Она не простит никогда, если узнает, что я пришёл к вам с этим разговором.

— Ты прав. Так что не вини себя. Прости, сынок, я пойду. Я устал.

Никогда в жизни не было у него такого мучительного передвижения по улицам города, как тогда, как будто шёл не он, а памятник, небрежным жестом столкнутый с пьедестала, тяжёлый и неповоротливый среди легковесной толпы. И если он не попал под машину или не упал, столкнувшись с кем-то, то только благодаря инстинкту, который он взрастил в себе: независимо от того, что происходило в голове и грудной клетке, другая часть сознания свободно и расчётливо ориентировалась в обстоятельствах, которые предлагал окружающий мир.

Он привык к своему положению, и у него не было случая сомневаться в своих человеческих качествах, тем более что факты и личной, и служебной жизни не давали поводов к этому, а если и случались кое-какие щепетильные моменты, то их разрешение подтверждало его безупречность. Обжитая высота репутации не снисходила до дотошного разбора этих моментов, спеша к эпитетам, лестным для него. Разговор с Женей разрушил его представление о себе, он, точно рентген, высветил каждую его реакцию, каждый извив мысли, и снимок вырисовывался неприглядный. Он был не тем, кем себя считал и, быть может, считали другие. Он предстал ничтожеством, и то, что это узнал только он сам, не утешало: для него всегда было решающим собственное мнение. Просто поразительно, каким он стал невыносимо надменным, когда Женя спросил: «Хорошо устроились, Кубат Сатарович?» и, торопясь наказать за дерзость, отпарировал: «А тебе было плохо?», не отдавая себе отчёта в том, насколько непорядочен этот вопрос. Мало этого, даже почувствовал торжество от перехваченной инициативы, немедленно убитое монологом Жени, начавшимся с признания: «Я знаю вас лет с пяти-шести. Я любил вас, ждал каждого вашего прихода, ждал, как Бога», который обжёг его жаром неподдельного чувства, сбросил с высот уязвлённого самолюбия и невообразимым образом заставил глянуть на прошлое глазами Жени, а может быть, и Люды. Глазами наложников, у которых он отобрал почти на двадцать лет право на жизнь, свободную от его похоти.

Нет, это была любовь, не похоть. А впрочем, где та шкала,

по которой это можно определить? И если это была любовь, то почему после вопроса Жени: «Должна же быть у моей мамы нормальная семья?» он перепугался, что ему предложат жениться на Люде, а потом почувствовал небывалое облегчение, когда оказалось, что она выходит замуж за кого-то. Ведь если бы была любовь, то он, услышав, что Люда выходит замуж, должен был умереть от горя, по крайней мере, закричать, забиться в истерику и броситься к ней и сделать всё возможное, чтобы этого не случилось, чтобы она осталась с ним. А он почувствовал облегчение, похожее на радость. Возможный решительный выбор, который он по малодушию вообразил, неожиданно открыл, насколько ему дороги жена, дочери, внуки, внуки, репутация, то есть всё то, чем он легкомысленно пренебрегал.

Кубат был человеком поступков. Осознав, что он сломал жизнь Люды, он заставил себя забыть её, и если она всё-таки прорывалась в память, то каялся, просил прощения, но решительно прерывал эти свидания, чувствуя, что покаяние, затягиваясь, превращается в концертный номер перед самим собой. Целых семь лет после той встречи с Женей Кубат жил с душой, замороженной чувством вины перед Людой.

Без пяти минут двенадцать Кубат стоял у зелёных ворот под сенью деревьев. Поколебавшись, он нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась: Люда ждала его. Наверное, тысячи раз он рисовал себе эту встречу, воображая её то в жанре высокой трагедии, то слезливой мелодрамы, и не ожидал, что всё произойдёт так буднично.

— Заходи!.. Не стой как памятник, — сказала Люда улыбаясь.

Он шагнул вперёд и поцеловал протянутую руку.

— Ах, какие мы галантные! — сказала она и, обняв, поцеловала в губы.

Он обомлел — его ночные фантазии не посягали на такое.

— Да что с тобой? Маразматизируешь?.. Идём!

Он пошёл за ней, собирая самообладание. В первое мгновение ему показалось, что Люда нисколько не изменилась, разве только похудела, видимо, она принадлежала к тому типу женщин, которые с возрастом стройнеют и вдруг приобретают грацию, не свойственную им в молодости. И только потом,

когда она улыбнулась и морщины, несколько морщин, словно птицы в убывающем парении улетели от глаз, он с грустью отметил, что годы не пожалели и её. Но улыбка, голос, движения, сияние глаз были родными до спазмы в горле, так, обыкновенно, вдруг перехватывает дыхание и наворачиваются слёзы, когда после долгой отлучки под перестук колёс поезда въезжаешь в пейзаж родины, словно в материнские объятия. Неожиданным было то, что стала обращаться к нему на «ты». Раньше она «выкала», и никакие уговоры перейти на «ты» не действовали на неё, а это «вы» в самые интимные моменты корбило, всякий раз помимо его воли напоминая о том, что она почти ровесница старшей дочери.

– Уезжаешь, значит? – спросил он, когда они уселись за стол с разной снедью, сознавая, что молчание уже становится неприличным.

Он не знал, о чём говорить, как говорить и где найти слова, которые, прорвав глухое и слепое пространство разлуки в семь лет, протоптали бы тропинки к взаимопониманию.

– Чай или кофе? – спросила она.

– Чай.

– Уезжаю. Увы – вынуждена. Под Иваново у меня три цеха. А нам со вступлением в Таможенный союз прекроют дешёвый китайский импорт. Работать здесь становится невыгодно. А там ткани рядом.

– Деловая.

– Твоя выучка.

– Что же ты не отстроила себе особнячок, как другие?

– Тогда бы ты не нашёл меня... А я всегда ждала тебя.

Глаза её лучились. «Зачем так изощрённо издеваться?» – вяло подумал он. В последние годы он считал себя мерзким сладострастником, презирая себя и в то же время испытывая странное, болезненное удовольствие от глубины своего падения, и сейчас его сбивало с толку то, что она, его жертва, сидит напротив, улыбается, поддерживает лёгкий тон разговора и не торопится стать страдальцей, перед которой он мечтал пасть на колени, распластаться в покаянных рыданиях.

– Почему бы тебе не познакомить меня с мужем? – спросил он, чтобы не молчать

– Спешишь – торопишься?

– Очень.

– Тогда придётся позвать, – она стремительно проскользила к веранде и крикнула: «Серёжа!», затем с той же скоро-

стью двинулась в противоположную сторону и, открыв дверь, позвала: «Серёжа! Серёжа!»

Потом обернулась к Кубату и, изображая крайнее недоумение, развела руки:

– Убежал, проклятый!.. Наверное, испугался тебя.

Кубат улыбнулся: он помнил её способность превращать всё в игру и порой настолько увлекаться, что она забывала, зачем это затевала.

– А если без театра? – спросил он.

– Разлюбил, значит, театр... Я с ним прожила недолго.

Он – не ты.

Последнюю фразу она вбила как гвоздь – жёстко и коротко. У него всё оборвалось внутри.

– Прости, Людочка, прости... За всё прости, - просипел он и, проникаясь чувствами непомерной вины перед ней, заплакал. Хотел встать с дивана, чтобы встать на колени. Но ноги не держали – он плюхнулся назад.

– Милый, любимый, единственный! – вскричала Люда, бросаясь к нему. Она обняла его, покрыла быстрыми поцелуями голову, губы, руки. Поскольку он всё ещё пытался встать, она опустилась перед ним, и, оперевшись локтями об его колени, чтобы он не мог подняться, глядя снизу глаза в глаза, продолжала: – Это ты прости меня! Я – тварь неблагодарная!.. Сбылась мечта идиотки – вышла замуж! Но ведь никуда не убежишь от сравнений! Он – человек хороший, умный, ну, просто замечательный... Хотьvedi его прямоком в рай! Ну и что? Он – не ты... Понимаешь, не ты.

– Я соблазнил тебя, – пролепетал он, потеряв всякие ориентиры.

– Ох и дурачок же ты! Не ты, а я тебя соблазнила... Вспомни!

Она, поднявшись, картинно виляя бёдрами, прошлась по комнате.

– Тут всё мечется – из юбки вырывается, а тут, – она укачала на грудь, – всё прыгает – кофту рвёт... Попробуй только устоять!.. Представь себе, соблазнила сознательно, с расчётом, поначалу – с копеечным... Кем была я до тебя?.. Пригородная шпана, прижила к восемнадцати ребёнку неизвестно от кого, спохватилась, да поздно – мать умерла... Пришлось карабкаться, стиснув зубы, любыми путями, плюнув на всё...

– Не заигрывайся, - перебил Кубат.

Он помнил её юную, неотразимую, с сияющими глазами.

Помнил и себя, почти пятидесятилетнего, с вечным томлением плоти: жена, довольствуясь внучатами, избегала близости, а если он всё-таки вымогал её, то исполняла свой супружеский долг с лицом мученицы, взошедшей на эшафот, так что даже при крайней скудости воображения невозможно было не чувствовать себя палачом.

— А я и не играю. Я серьёзна, как никогда. Я с тобой прошла такую школу, что мне на три жизни хватит... Ты для меня ведь...

— Может, хватит? — перебил он.

— Какое счастье, что ты пришёл сегодня! Я думала, что не услышу больше твой голос, не увижу вот так, лицом к лицу твой взгляд...

— Не кажется ли тебе, — перебил её он, — что мы не очень удачно играем роли в каком-то дешёвом спектакле?

— Я ведь могу рассердиться!..

— Налей чаю и не дуйся... Мои старые мозги не поспевают за тобой.

— Ну да, ты никогда не отличался сообразительностью.

Он улыбнулся и развёл руки.

— Арман, — вздохнул он после паузы.

— Арман, — повторила она, — Переведи, пожалуйста, точно. Это что-то вроде сожаления?..

— Сожаление? Можно и так перевести. Слово объёмное, заключает в себе много смыслов. Можно и как печаль о прошлом. Можно и как тоску о несбывшейся жизни. Можно и как заклинание, чтобы очиститься и жить по-новому... Каждый вкладывает своё душевное движение.

— Арман, — сказала она задумчиво, — Я тоже вкладываю в тебя что-то своё, и, может быть, оно сбудется... Т-с-с!

Люда, призывая молчать, приложила указательный палец к губам. Кубат был счастлив, как никогда.

За окнами трепетали листья деревьев, синело кроткое небо, ровный солнечный свет казался неубывающим. Не было необходимости в словах. Не было позывов алчной плоти, душа общалась с душой, рождая благодарность жизни за эти минуты.

Где-то через месяц Кубату позвонили, сообщили, что Люда умерла. Оказалось, она уезжала лечиться в Германию. Врачи сделали всё возможное, но они не боги.

Он бросил горсть земли в зев могилы и хотел умереть, чтобы уйти вместе с ней, но не мог себе этого позволить. Не мог оставить дряхлеющую жену, детей, внуков и внучек, для которых он был опорой.

Он стоял у свежесыпанной могилы рядом с Женей ни жив, ни мёртв, ощущая, как в грудной клетке, густея, каменила тоска по несбывшейся жизни. Арман.

*Итике
январь 2015*

ПОЭЗИЯ

Светлана СУСЛОВА,
Народный поэт Кыргызстана

ОДНАЖДЫ В МАЕ

Пандемия-2020

*«Господи! – и для чего стольким простреливать
грудь?!»*

(Марина Цветаева)

Теорию Энштейна наяву
Переживаем – месяц как резиновый.
Дожди взрастили буйную траву.
И в грудь земли воткни хоть кол осиновый –
Зазеленеет тут же, как вскипит
Сердечками зелёными, дрожащими.
Над всей планетой властвует COVID.
Грядущее сместилось в настоящее,
И прошлое – пропащее теперь:
Под маской лжи в легенды окольцовано.
Земля как ненасытный хищный зверь
В себя вбирает жертвы:
И отцов она,
И матерей, и поросль детей,
Не глядя, в своих недрах перемалывает,
Вампирствует.
Будь гений иль злодей,
Тиран ли, пахарь, – всяк букашкой малою
В ничто отправит тот же самый рок –
Основа всех эпох, перелицованных
На новый лад, одною цепью скованных –
Простите, рабской, – коль придуман Бог.

Природа, ухмыляясь – кто здесь царь? –
Тела швыряет в топку бесконечности.
Будь чёрным или красным календарь,
Все даты – только лист маршрутный Вечности.
В плевелах зёрна истины сыскать
Не сможешь, оглушённый катаклизмами,
Униженный желаньем есть и спать
В тот миг, когда Судьба гигантской клизмой
Из Жизни вымывает суть и смысл,
Мечты, надежды, праздники, традиции,
Лишая права попросту трудиться и
Расплёскивать по древу жизни мысль.
Метеорит обещанный к Земле
Не долетел – отпрянул в страхе в сторону.
Доколе бедной Золушкой в золе
Нам ждать спасенья? Даже ворон ворону
Не выключет ни глаза, ни судьбы.
А люди? Вдруг закуклившись доверчиво,
В дома закрылись, будто бы в гробы,
Растягивая месяц гуттаперчивый,
Шарахаясь от встреч, прозрений, вех.
Коронавирус?!

Из-под дряблых век
Косой зрачок, смакуя, пьёт истерики,
От Поднебесной шаря до Америки,
Следит, как смерть шутя смывает след
Невинных толп, избытком ставших издавна,
Мусоля в оправдание ответ,
Что в мире много званых, мало избранных.

Карантин

Карантин – он антикарнавал:
Город обезлюдил так тотально,
Словно за обманной маской тайно
Крысолов под дудочку в провал
Всех увел, наигрывая страшный,
Но берущий за душу мотив.
Потерялся где-то день вчерашний
В позапрошлых. Новых дней прилив
Тоже незаметно полиняет, –
Чувствую утрату дней, как лет:

Жизнь бледнеет и бесцельно тает,
Как в тиши рассветной лунный свет.
От детей, друзей звонки всё реже.
И уже мерещится порой,
Что и сам ты будто бы и не жил,
А всего лишь тешился игрой.

Дикие маки

И снова маки партизанят
По всем обочинам дорог.
С утра был ливень ими занят:
Бил оземь влёт, где только мог,
Бомбил, расстреливал, топтал их,
Стопой тяжелой гнул и мял.
Но вышло солнце – снова алым
Любимым знаменем восстал
Любой клочок земли умытой,
Еще не спрятанной в асфальт.
О каждом воине убитом
Поет цветочный этот альт
По-детски нежный и непрочный,
Бессмертно верящий в добро.
Сопровижденья символ – точно
Сам вождь маки Андре Мальро¹,
Что был поэтом и министром,
Но всё ж в скрижаль земную он
Вошёл той самой яркой искрой
Кострища партизанских войн.
Весенний мак! Он в дни Победы
Спешит ворваться в мир шутя,
Как соль забористой беседы,
Как войн отважное дитя,
Как гимн проснувшегося луга,
Плеснувший алым меж овсов.
Таковыми вижу чувства друга
И кровь пролитую отцов,
Что в нас, в потомках наших вечно
Огнем бесчинствует: живи!

¹ Андре Мальро (1901—1976) — французский писатель, культуролог, вдохновитель и герой Французского Сопротивления.

Основа жизни человеческой,
Простая магия любви.

Точка невозврата

В мире на незримых перекрестках
Возникает множество других –
Параллельных: взрослый и подростков,
Мир провидцев или мир слепых,
Мир бабуся нищей в ветхой шали,
Мир дельца с богатством в сто нулей.
Все миры, дружить не обещаая,
Разность энергетики полей
Покрывают древним эвфемизмом:
Каждому своё дано, увы.
Вариантов столько у отчизны –
Меньше летом, кажется, травы.
Как в известной сказке: прямо, криво –
Влево или вправо, в небо, вниз:
Каждый носит в сердце карту мира,
Чтоб возникнув не пересеклись
Уходя отныне безвозвратно
Чьи-то параллельные пути.
Сердцу отболевшему понятно:
Новой точки встречи не найти.
Стоит ли об этом думать, право,
Если нам расклад не изменить?
Стоит ли устраивать потравы
На людей, держащих власти нить?
Мир их тоже замкнут на себе лишь,
Не касаясь множества других.
Если хлеб и соль ты с кем-то делишь –
Счастье: мир вам выпал на двоих.
Ненадолго, помнить это нужно.
Рухнет всё – причины не найдешь:
Разведет забота или служба,
Страсть, болезни – что одно и то ж.
Скажет кто-то – мол, похожи страны,
Люди, их ошибки, страсти их:
Ведь гремят в Америке майданы,
Чёрный слепок жёлто-голубых;
От коронавируса, пожалуй,

Никакой не спасся из миров...
Хоть похожи беды и пожары,
Кто, скажите, броситься готов,
Свой мирок отдав на истребленье
Жадному огню, гасить чужой?
Впрочем, были в прошлом поколенья,
За других болевшие душой.
Наломали дров они изрядно,
Реки поворачивая вспять.
Новый мир создать смогли, и ладно,
Лишь бы что-то было вспоминать.
Только параллельности не рельсы:
Просто разбегаются вразлет.
Словно шашни с нами крутят бесы,
Строя в жизни все наоборот.
Вновь себя я жду на перекрестке.
Точка невозврата, объявись!
Проступает смутно сквозь известку
На стене ближайшей стрелка – ввысь.

Ночь на десятое мая

*«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины...»
(Осип Мандельштам)*

Бессонница. Гроза. Как будто паруса
Мерцает за окном, огнем налившись, туча.
Увы, я не Гомер, назвать меня нельзя
Наперсницей богов, – совсем не этот случай.
Ни проблеск молний, нет, ни гром, ни шелест струй,
Лупцую по листве, не пробуждают память
Пронзительности дней, где первый поцелуй
Подстать ночной грозе ввергал все чувства в замять.
Нет, – много лет, увы, лишь рокот слышу войн –
Минувших на земле, но в сердце не минувших.
Да журавлиный стон – и столь печален он,
Что хочется закрыть двумя руками уши.
Но память как закрыть?
Забвенье – божий дар,
Мне с ним не повезло: как оголенный провод

Любой бессонный нерв,
И жизни календарь листает тихо боль,
Ища к себе же повод.
С раскатами грозы и плачем журавлей
Приходит вдруг отец с улыбкой виноватой,
И мокрую шинель с погонами старлей
Вновь вешает на гвоздь, что был в стене когда-то:
Отец его вбивал – вот этот самый гвоздь.
А впрочем-то, и дом отец с нуля построил,
И, кстати, здесь теперь я тоже только гость:
Живет здесь внук с семьей – еще не семь, но трое.
Но Троя тоже здесь, конечно, ни при чём.
Многоквартирный дом мне нынче гложет душу:
Без сна томлюсь в грозу всю ночь, а палачом
Работают вина и память лет минувших.
В такую же грозу отец ушел, – война
Порою достает солдата через годы,
Ведь каждой раны след – та самая, она,
Увы, входная дверь болезни и ухода.
Пытаешься спасти, и в этой суете
В мелькании больниц, надежд и беспросвета,
Так можно не успеть!.. – успев почти везде,
Но вот поговорить, в любви признаться, – где там!
Бессонница, гроза. Прошло уж двадцать лет.
Встречаясь в полусне с отцом в родимом доме,
Я задаю вопрос и долго жду ответ,
Глухой отцовский бас угадывая в громе.
И словно эхо в нём – моя звучит вина,
Его звучит вина, – мы потеряли время
Чтоб выразить любовь, которая – одна! –
Осталась в душах двух как ноша и как бремя.
Невысказанность чувств! Казалось бы – пустяк.
Но зёрна лучших слов не проросли, пропали.
Бессонница. Гроза. Поникший мокрый флаг:
Сегодня праздник был – и славы, и печали.

И карантин продлили, и оса
В стекло опять пытается пробиться,
И майский день, забыв, что есть гроза
Грозит жарой отчаянной пролиться
Из адской мглы с названием Не-беса.

Так хочется себя жалеть. Слеза
Уже скопилась, видно, где-то в горле
И, булькая слюной горниста в горне,
Готовит клич: «Все можно, что нельзя!»
Больные с Соль-Илецка к нам в Бишкек
Через кордоны все прорвались с гиком
И каждый, став в неистовстве великим,
Не укротив свой набранный разбег,
Препоны и заслоны сносит здесь,
Свободой заражая и неверьем,
Распахивая сомкнутые двери
Как о пожаре скомканная весть,
Срывая маски, подвигая всех
Кричать везде, что, мол, король-то голый!
Так наступить запретам всем на горло
Умеет только беспощадный смех.
Так смейся всяк, кто выжил – хоть назло!
Лети, оса, вонзайся в мир как штопор,
И встречный мой, сегодня будь-ка добр
Живи и снова двигай ремесло
Творить, дерзать, всем вирусам подстать,
Иначе жизнь замрёт и станет смертью.
Мы все больны вот этой круговертью:
Не просто быть, должны ведь мы,
А – стать.

Карусель

Дни похожи на танец дервишей –
Бесконечная карусель.
Но однако же мне теперешней
Видно: жизнь пронеслась как сель:
Так фатально спеша в скольжении,
Так нацелено по прямой!
Догоняем себя в движении
Год за годом – вот так прибой
То отхлынет, то снова бросится,
Пусть бесцельно, но всё ж вперёд.
Карусель! Хоть сравнение просится
Лишь с качелями, и народ
Круговертью не раз обманется,
Ошибаясь, спеша, скользя...

Чтоб казалось – мол, даль туманится,
Тут как тут на глазах, – слеза.
И тумана подпустит запросто
Вод и неба круговорот.
Старость с детством нередко взапуски,
Догоняя себя, идёт.
Смена лета и зим с прожилками
Вёсен, осеней – вечный круг.
Рок – судьбы беспощадный жиголо, –
Крутит жернов сердечных мук.
Жизни круг – это танец дервишей.
Неслучаен их транс хмельной:
Слову божьему не поверишь, и
Разве сладит оно с тобой,
Если нет в нём прибора мерного –
Взад-вперёд.
Хоть и прям твой путь,
Чтобы пройден он был, наверное,
Обмануться хотя бы чуть
Надо – хмелем, любовью, танцами
То иллюзий, а то химер.
Так судьба своей гибкой грацией
Охмуряет всех нас без мер,
Чтобы в срок привести назначенный
В ожидающий сумрак Врат.
Сколько попусту сил растрчено
На движенье вперёд-назад!

Под занавес карантина

Отвыкшая от людной суеты
По городу бреду как по вокзалу.
Прощанья заостренные черты
Не нахожу в прохожих,
И внезапно
Приходит осмысление: сей час
К себе все возвращаются, – приездом
Зажглись огни во тьме беспечных глаз,
И ни Москва, ни Лондон и ни Дрезден,
Ни даже сам Нью Йорк не соблазнит
Мечту забросить кошкой абордажной
На борт ли, на забор... уже неважно:

У цели, что отвергнута, на вид,
На ощупь, да, пожалуй, и на вкус
Совсем неаппетитная текстура.
А вот Бишкек, уже сменивший шкуру
На летнюю – веселый как арбуз
В полосках алых клумб и лент дорог,
Отмытых дезинфекцией изрядно, –
Прельстить своих сограждан нынче смог
Свободой после клетки – той, парадной,
Еще не призадумавшейся, что
И смерть – от жизни в общем-то свобода.
Как вплавь пуститься, не нащупав брода,
Как из темницы выйти по УДО, –
Так всё сейчас, и кажется пока,
Что карантин подобно тарантелле
Протанцевал, другой не зная цели,
Ушел со сцены, и наверняка
Предчувствуя внезапнейшее Вдруг
Еще не раз, не два готов к повтору:
На время заперт, мол, сундук Пандоры.
На дни? На годы? Скручен жизни круг
Как Мёбиуса лента.
Только всё ж
На лицах с каждым днем всё реже маски,
И сплетницы клубятся без опаски,
И сводки об умерших словно ложь
Без дрожи в сердце слушаешь уже,
Как о давно минувшем и нездешнем.
Кто скажет, что неведение безгрешно?
Да, новости истерты как клише
И мозг им удивляться не готов.
Но лишь впусти в наш город Тарантино
Под занавес такого карантина:
Он снова снимет Город свой – Грехов.
Что ж, и сама опять брожу в толпе
Без маски, без щита и безоружна.
Почти что всё мерещится ненужным
Во время шалой вольницы в судьбе.
Апрель-май-июнь 2020 г.

Р. С. Из школьной тетради

Как птица чёрная на сцену мягко вышла,
И улыбнулась, глазом в зал кося,
Как будто зная: в зале кто-то лишний,
Кому ее и видеть-то нельзя.
Вздохнула и запела... так неожиданно,
Что зал не сразу понял, но умолк.
Плясали руки танец, полный тайны,
И каблучки гвоздили нервно пол.
У глаз ложились тонкие морщины
И наполняли взгляд такой тоской,
Что опускали головы мужчины
И женщины теряли вдруг покой.
А мне, толпою стиснутой галёрки,
Спиною гвоздь нащупавшей в стене,
Казалось, что опять даёт уроки
Родная Муза несмыслёной мне:
Мол, одолеть так много надо лестниц
Сквозь тьму болезней, скопища утрат,
И лишь потом бесхитростные песни
Наполненные жизнью зазвучат.

1966 г.

Ну а если
на обочину свернем,
Убоявшись
кто страданий, кто стыда, —
И покой себе,
и блага обретем,
Но с надеждой
распростимся навсегда...

Это сон, моя милая, это сон.
Жить со мной, светлокрылая, не резон.
Не спеши стать невестою, не спеши, —
Говорю тебе честно я, от души.

Не реви, моя глупая, не реви.
Я сломясь и опять спою о любви.
Но оставь мысли тщетные, но оставь.
Это явь, моя бедная, это явь.

Это сон, моя гордая, это сон.
Говорю тебе твердо я: не резон!
Не резон так доверчиво рисковать,
Чтоб потом о невстреченном тосковать.

Хоть могу трогать струны я, брать лады,
Не считай меня, юная, молодым.
И года многогрешные не убавь.
Это явь, моя нежная, это явь.

Это сон, моя бывшая, это сон.
За любовь, закружившую на сезон,
Не суди меня, славная, не суди.
Все мечты твои главные — впереди.

Будет тот, за которого принят я.
Будет все очень здорово! И — семья.
Не лукавь, легкокрылая, не лукавь.
Это явь, моя милая, это явь.

* * *

Люди правы: ты мне вовсе не жена.
Правы беспощадные умы!
Ты – моя редчайшая жемчужина,
Невзначай добытая из тьмы.

Ночь глуха, как раковина черная,
Я тебя из мрака достаю –
Светлую, прозрачную, точеную,
Редкую жемчужину мою!

Достаю с какой-то неизбежностью,
Чудесам не смея доверять, –
Чтобы ночью захлебнуться нежностью,
Чтобы утром снова потерять.

Рядом ходят женщины прелестные,
Под рукой – любые жемчуга.
Но готов нырять я в неизвестное
За тобой, как дерзкий мальчуган!

Люди правы: ты мне вовсе не жена.
Только в пику злобной болтовне
Будешь мной возвышена, изнежена,
Прежде чем растаешь в глубине.

Недоступной, так и не разбуженной,
Скроешься под темною волной,
Оставаясь для кого – жемчужиной,
Для кого – наскучившей женой.

* * *

За окнами маячит город сонный –
Моя и Ваша общая судьба...
Вселенная огромна и бездонна,
Как граммофона старая труба.
Луна во тьме – серебряная льдинка –
Высвечивает стертые следы.
И влажной ночи черная пластинка
Кружится под тугим лучом звезды.

Заигранная грустная пластинка
Поет о том, о чем и я пою:
Что наши души — только половинки
И каждая спешит найти свою.
И с той второй, далекой, слиться хочет,
Хотя б на миг единым целым стать.
Не для того ль Господь придумал ночи:
Любить и плакать, клясть и сострадать?..

В притихших, обездоленных прихожих
Есть множество простых примет таких
Слияния похожих и несхожих
Бродяжьих половинок — душ людских:
Ботинки, запорошенные пылью,
Похмельно завалившийся сапог
И туфельки — как сброшенные крылья
Пленительно-печальных женских ног.

И ночь нежна, и Ваши восклицанья
Сквозь темноту доносятся ко мне.
И грустная иллюзия слиянья,
И это ощущение во сне:
Что, только лишь закончится пластинка,
Очнемся мы на разных берегах —
Два сердца, две судьбы, две половинки...
А между нами — утро, как река...

Ну что ты так бледна
И шепчешь мне «прости»,
Так искренне — до лжи! —
Страданиям предаешься?
Тугая, как струна,
Ты душу отпусти.
Согрейся, не дрожи —
Не то еще сорвешься.

Прибавь огня глазам
И не терзай свой рот.
Не стоит горевать:

Мне это не в новинку.
Я все предвидел сам –
На сто шагов вперед.
Могу дорисовать
Прелестную картинку.

Сейчас пойдут слова,
Что ты ему нужней,
А для меня алтарь
Лишь песни да гитара,
И что любовь жива,
Но долг еще важней,
И то, что ты – не та
И мы совсем не пара.

Как гурия в раю,
Взметнешь свои шелка.
«Ты должен быть с другой!» –
Расплачешься печально.
И голову мою
Погладишь, как щенка,
Точеною рукой
В колечке обручальном.

Потом легко вздохнешь
(Ручаюсь головой),
Расставшись, как с тюрьмой,
С моим объятьем грубым;

Из сумочки возьмешь
Платочек носовой
И понесешь к трюмо
Искусанные губы.

Ну что ты так бледна
И шепчешь мне «прости»,
Так искренне – до лжи! –
Страданиям предаешься?
Тугая, как струна,
Ты душу отпусти,
Согрейся, не дрожи –
Не то еще сорвешься.

Февраль подступил вероломный –
Вновь сердцем печаль завладела.
Брожу, как бездомный,
По улице темной.
Но что я могу с собой сделать?

Окошко – фальшивая брошка.
Душа бы туда не глядела!
За этим окошком
Спит женщина-кошка.
Но что я могу с собой сделать?

Ликует в блаженстве и неге
Свободное, гибкое тело.
Холёные веки
Забыть бы навеки.
Но что я могу с собой сделать?

Бессильна обида бывая,
Что, мол, о любви не радела.
Холодная, злая... –
Я сам понимаю.
Но что я могу с собой сделать?

И вроде бы все так привычно –
Не мыслил иного удела.
Я – трезвый, циничный,
Крутой, ироничный.
Но что я могу с собой сделать?

А славился волей железной!
Кто знал, что дойдет до предела?
И надо бы честно
Уйти и исчезнуть.
Но что я могу с собой сделать?

Ты не моя, ты не моя, ты не моя.
И не его, и не его, и не его.
То горяча, то холодна, как полынья...
А дальше я не понимаю ничего!

Ты не со мной, ты не со мной, ты не со мной.
Но ни кровиночкой не предана ему.
Ведь озабочена всегда собой одной.
Неужто думала, что это не пойму?

Тебя такую – хоть на сцену, хоть в кино!
Ты рождена царить, и мучать, и пленять!
Да вот любить тебе от Бога не дано.
Прости, но этого не мог я не понять.

То нежно ластишься, ладонями губя,
То вновь становишься холодным палачом.
Ты – дальнорзкая, но смотришь лишь в себя.
Как видишь, все же разобрался кое в чем.

Не всколыхнуть тебя ни счастьем, ни бедой,
Не удивить, не огорчить и не сломать.
Ты будешь вечно бессердечно молодой.
Прости, но нечего тут больше понимать.

Всегда прозрачна, не легка, не тяжела...
Не зря же я ночами голову ломал.
Да ты, возможно, потому-то и ушла,
Что я и эту вероятность понимал.

Твои уста сулили горечь, а не мед.
Но и сейчас, когда мечты свелись к нулю,
Не понимаю, да и вряд ли кто поймет,
За что тебя я так отчаянно люблю!

Не возвращайтесь ко мне
Ни наяву, ни во сне
Те, с кем сводила любовь.
Лучше забудьте! И вновь –
Летом, зимой, по весне –
Не возвращайтесь ко мне!

Да и в осеннюю муть
Не порывайтесь взглянуть,
Что изменилось с тех лет:

Вы не отыщете след
Чувств, разрывающих грудь, –
Только взгрустнете чуть-чуть.

Не навещайте меня.
Мы не друзья, не родня,
Как и отнюдь не враги.
Разве остались долги?
Тайные думы гоня,
Не навещайте меня.

Что взбаламученный ил,
Прах позабытых могил?
Даже бродяга и тать
Их не решатся топтать.
А у того, кто любил,
Хватит ли духу и сил?

Счастья я вам не принес –
Горечи больше и слез.
Может, не помнится зло?
Сладостно все, что прошло?
Но на подобный курьез
Не положиться всерьез.

Так что пребудем в тиши,
Не преступая межи,
Не нарушая табу,
Не искушая судьбу.
Мне не до благостной лжи! –
Старые раны свежи...

Евгений КОЛЕСНИКОВ

СТИХИ

СТАРЫЙ ТУТОВНИК

Станиславу Золотцеву

Ветвистый, как рога семи оленей,
Стоял среди семи карагачей
И, осененный ясностью осенней,
Ронял листву в заиленный ручей.

Он видел все: свиданья и разлуки,
Дожди и вьюги, что его секли.
И ветки, словно старческие руки
В морщинах и мозолях, текли.

Он кряжился, иссохший и неслышный,
Но как же был могуч былой судьбой!..
И оценил его мой друг давнишний -
Терпевший крах — не быть самим собой.

Он навещал его, но не гадально,
Внимал, как паутину тишь прядет,
И говорил он с ним исповедально
О том, что было и еще придет.

Тутовник жил у кошеного луга
И старился, о юности скорбя.
И просветленного, как осень, друга
В ветвях вознес до самого себя.

ПОБРАТИМЫ

Атос был таинствен, Портос – добродушен,
И пылок, как юг, Арамис.
А Ош, древний город, по-южному душен,
Радушен, как щедрый раис.

Гора Сулейман нависает, а где-то
Джайлоо ласкает горян.
И трех неподкупных, и город - все это
Связует лихой д'Артаньян.

И ошские улицы славны гасконцем.
Ведь он - уроженец Оша
Французского... Есть такой город под солнцем,
Что жизнь свою начал с гроша.
Там памятник шпаге. Горячие камни
Впитали соль славы не зря.
А здесь полыхают огнистые канны
Вдоль тихих аллей, как заря.

Ош пестует канны, он не просыпает
Зарнистого блага, багрян.
В туманце седой Сулейман проступает,
Как в синем плаще д'Артаньян.

СЕВЕРЯНКА

Новелла в стихах

...Ты узнаешь, что напрасно
Называют север крайним,
Ты увидишь: он бескрайний...
М. Плятсковский.

На землю падал тополиный пух,
Звучал рояль в открытых окнах лета,
И защищалась веткою от света

Ты, в первый раз попавшая на юг.

Над уличною зеленью вдали
Пылали ледниковые вершины.
И к ним, прохладным, мы желанно шли,
И душно мимо нас шуршали шины.

В покойности незагорелых рук,
В обветренном лице, в литой осанке -
Во всей тебе, отметной северянке,
Сквозило холодом далеких вьюг.

Сухим и тихим снегом у виска
Сквозили неумные пушинки.
Твои глаза, как голубые льдинки,
В густых ресницах таяли слегка.

Похоже, по метели мы плутали,
И ты тепло рассказывала мне
О северной студеной стороне,
Тая в себе тоску по снежной дали.

Там обжигает на ветру лицо,
Река курится в полынье под кручей,
И можно, выйдя в полночь на крыльцо,
Столкнуться сердцем со звездой падучей.

Там летом в травах бродят журавли,
И родники в камнях журчат, замшелы,
И облака плывут, как каравеллы,
По ясной синеве на край земли.

Давно, давно в метельной белизне -
Неуловимой призрачной пучине
Растаяло твоё лицо, но мне
Все чудится нередко и поныне,

Как ты, дыша морозом, вся в снегу,
С ручным своим песцом порою ранней
Стоишь в короне северных сияний
На северном далеком берегу.

ЗЕМЛЯНИН

Человек всяя земли, ты жнешь
Злаки мысли - суть земли и солнца.
Из ковшей Медведиц воду пьешь,
Что течет из старого колодца.

Твой же антипод, он слеп, как дым,
И грозит нам мощностью нейтрона.
Но владыки жизни - мы... И трона
Своего ему не отдадим.

Трон - земля. И воздух - стук сердец,
Что свежают родниковой влагой,
Осеняя стойкостью чебрец,
Искаженный зноем, словно плахой.

Мир есть мир... И в шуме камыша,
В трепетной тени от пятен солнца
Я стою у старого колодца,
Где вода мерцает, как душа.

МИР

Пусть будет трижды проклят черный век,
Когда впервые - по закону века:
«Да властвует сильнейший!» - человек
Поставил на колени человека.

И повелел - до гробовой доски
Тесать для замков каменные глыбы,
За непокорность отправлял на дыбы
Холодным мановением руки.

Бывало, дряхлый старец двинет бровью -
И падает отточенный топор...
Прошли столетья. Но, пропахший кровью,
Мир пополам расколот до сих пор.

И боль его - кресты среди полей.
Мечта - перековать мечи в орала.

Но где-то смерть на старте ждет сигнала,
Нацеленная в точку – на людей.

РЕКА

Я грезил: грозы стихшие,
Река с прозрачным дном.
А на песке стостишие
Начертано дождем.

Так! - рубище измокшее.
Шагал я далью лет.
Узрел: "Ты кто?" - "Да Мойша я.
И на Руси поэт".

Шагание - не лишнее:
Тропой, что зло-колка,
Благожеланно вышел я
В явь, где текла река.

Да есть она - не грезил я -
Там, на речном песке,
Еврейская поэзия
На... русском языке.

УТРО

На проселке глохнет скрип колесный,
Кто-то оселком с росой точит
Косу... У околицы бесхозной,
Хлопая крылами, гусь гогочет.

Валко он ведет свою ватагу
На парную реку, где туманец
Стелется, цепляясь за корягу,
И коряга прыгает, как заяц.

Лодка на течение, спуск извозный...
Влажный стук валька надводно звучен.

Скрип уключин, словно скрип колесный,
Далеко стекает в тень излучин.

Донника желтеющая заметь
На светило полдня упоает.
Белокрылый гусь вплывает в заводь,
И валец, как челн, вдаль уплывает.

И когда-то в ранний час ночлега
На пахучем кошеве излучин
Было это - конная телега,
Нам напомнит тонкий скрип уключин.

СНОВИДЕНИЕ

Подушка - под ушко... И сон - как в раю.
Иду я поляной весенней.
Вдали - край земли. Светлый храм на краю.
И там я - владыка Вселенной.

На стенах ковры и мечи - благодать.
Фонтаны струятся, а слуги
Не знают, отменные, что мне подать.
Малина... И это не слухи.

От века мечтали о мирных мечях
На стенах, а думать о хлебе.
Меня в паланкине на жильных плечах
Все носят... Но лучше - на небе.

Живу я и там... Одного не пойму:
О, солнце лежит на подушке?
Схватился за луч, заскользил по нему,
И я – на росистой опушке.

Спустился на землю... Как пахнет ольха!
Олени косятся не дико.
И райки - мой рай, и уха не плоха.
И я над собою владыка.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Я в мир пришел... "Да ты сошел с ума!" -
Сказала бабка-нищенка, и древне
В дыму качалась тощая сума,
В дыму кизячном посреди деревни.

Ушла та бабка, и сума - за ней...
Была ль она безумна под луною?
За мною полз лихой судьбины змей,
Но все венчалось светлостью земною.

Я полюбил... «Да ты сошел с ума -
Такую полюбить!» - вещали други,
Но я любил. А веская сума
Являла суть свою в судьбинном круге.

А сердце... Сердце бьется по ночам,
Как колокол при всенародном вече.
Старуха души зрит - ее очам
Я верен, как секира правой сече.

Во мгле маячит вещая сума,
И пыль дорог ложится мне на веки.
И вечно буду я сходить с ума -
О, так, чтоб не расстаться с ним навеки.

ОТКРОВЕНИЕ

СТИХИ

Звериное чутье

1.
В кофейной гуще
Не видно пути конца.
Я – зверь, бегущий
На зов своего ловца.
Мой дух послушен,
И лапы мои легки,
И ветер в уши
Вонзает свои клыки.
Глядит с укором
Слепое бельмо луны,
Но я не скоро
Почувствую боль вины.
Я зверь, бегущий
На зов своего ловца,
В кофейной гуще
Не видно его лица.
И ночь сквозная
Скрывает его черты
Но я все знаю,
Я чувю, что это...

2.
В этой гонке – ничья. Мы
Не сбежим друг от друга.
Впереди – волчьи ямы,

Круговая порука.
Я тебя не обижу,
Ты меня не обманешь.
Подходи же поближе,
Если сам не поманишь.
А в ответ все равно – рык.
Хочешь, вместе завоем?
Не загнать в лисьи норы
Это чувство живое.
Не уйдет, не отстанет,
Не сойдет со следа.
Затаится в кустах? Нет.
Нападет, осмелев? Да.
Стая бешеных мыслей
Окружит среди ночи.
Разве справимся мы с ней,
Бунтари-одиночки?
Вот и мчимся по кругу,
Ошалевшие звери,
И не можем друг другу
Ни солгать, ни поверить.

Откровение

Люди слишком торопятся жить.
Я Америку вряд ли открою,
Но всего-то и нужно порою,
Что совсем никуда не спешить.
Посидеть на зеленой земле,
Упиваясь бездонной лазурью,
Наблюдая, как в снежную бурю
Превращается пух тополей,
Как летит, высоко, далеко,
В поднебесье сбиваясь в сугробы,
И к полам серафимовой робы
Липнет комьями рябь облаков.
В этот миг проясняется суть
До сих пор неизвестной Вселенной.
Вот увяз Серафим по колено,
Разметая заснеженный путь.
Будто вечность застыла сама
В бесконечно прекрасном мгновенье,

И вот-вот снизойдет откровенье
В распростертые фибры ума,
Содрогнется небесный предел,
И промолвит крылатый предвестник:
«Что-то ты засиделся на месте,
У тебя столько дел, столько дел...»

Истина в вине

Ты вином угощал поклонниц,
Предлагая смешные тосты,
Беззаботный, как сам Дионис,
Невзначай заглянувший в гости.
И когда ты смотрел на женщин,
Те томились под жадным взглядом,
Словно сок золотых черешен,
Мякоть спелого винограда.
Собери эту страсть и сладость
В вожделенный победный кубок,
Пей до дна красоту и слабость
Робких дев и шальных суккубок.
Но к чему тебе эти капли
Бесполезной моей печали?
Мы похожи с тобой, не так ли, —
Ничего мы не обещали.
Сожаление будет лишним,
Нам хватило одной попытки,
Горькой ноткой зеленой вишни
Я останусь в твоём напитке.
Скуку в сердце твоём жестоком
Одолеет хмельное зелье,
Как бы только не вышло боком
Неминуемое похмелье.

В этом мире теней и безумных чудес
Не мечтают о радужном будущем,
Все дороги длинны и ведут через лес,
Будь ты жертва, герой или чудище.
Так сверни же с пути, растворишься, пропади
В серебре, что у ног твоих стелется.

Пусть тебя не пугает туман впереди:
Будет страшно, когда он рассеется.

Узы

*- Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.
- Ты сам виноват, – сказал Маленький принц. – Я ведь
не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал,
чтобы я тебя приручил...*

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Я снова здесь. И как будто бы все как было,
Но время встречи теперь для меня – ничто.
Под нашей яблоней стало совсем уныло,
С тех пор, как ты ушел за своей мечтой.
Но что-то гонит и тянет меня обратно,
Я точно знаю, что завтра сюда вернусь.
А быть прирученным вовсе не так отраднo,
Когда пришлось лишиться привычных уз.
Сейчас бы крикнуть, но голос больной и слабый,
Застрявший в горле, словно колющий шип.
Я чувствую, как огромные баобабы,
Впились корнями в почву моей души.
Но есть спасенье, и я убегаю в поле,
Минуя заросли тысяч надменных роз.
А там – пшеница, знакомая мне до боли,
Совсем как волны светлых твоих волос.
Я долго слушаю, как шелестят колосья.
Они все знают, они говорят со мной.
Они поведали тихим многоголосьем,
Что ты нашел дорогу к себе домой.
И мне спокойней, и больше не так тоскливо.
Да что там, знаешь ли, я несказанно рад,
Что есть звезда, где смеющийся и счастливый
Мой друг встречает очередной закат.
Настанет день, и за мною придет охотник.
Не страшно, теперь я знаю, что не умру.
Я буду мчаться среди огоньков бесчетных,
Разбросанных, точно зернышки на ветру.
И зорким сердцем я быстро найду планету,
Где ты смеешься, где твой благодатный дом,

Тогда увидишь ты маленькую комету
С пушистым ярко-рыжим моим хвостом.
Я снова стану единственным в целом свете
Из сотни тысяч таких же других комет.
И это важно, ведь мы навсегда в ответе,
За тех, кто будет плакать, когда нас нет.

Память

Приходи как-нибудь под вечер,
Просто так, поболтать со мною,
Я тебя обниму покрепче,
Расскажу что-нибудь смешное.
Заплету твои кудри в косы,
Повяжу лоскуток на счастье,
Говорят, это лучший способ
Уберечь от любых напастей.
А потом мы откроем лето
И запустим воздушных змеев,
На ходу сочиним куплеты
Про драконов и чародеев.
Что задумали – все исполним,
Будем петь и играть, как дети,
И, поверь, ни на миг не вспомним,
Что тебя уже нет на свете.

Олег АСТРАЛЬНЫЙ

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

СТИХИ

Блокбастер

Бродит по залам призрак
В доме, где умер джаз.
Вышло за двери время.
Некому контрабас

Стало мурыжить нервно
Свингом ночных дорог,
Чтобы завелся зритель;
Лишь он один так мог.

Кончилось это,
И кончится то,
Что непременно наступит потом.
Вырвут с корнями
Плантацию нот
И инсталлируют это в кино.

Зритель поплачет,
Зритель поймет
В чем смысл жизни, а кто-то уснет.
И заглушить чтобы
Массовый храп —
В миг создадут антикризисный штаб.

Воет ночами призрак
В доме, где умер блюз.

И у жены блюзмена
С плеч испарился груз.

Будет скучать гитара.
Рэпер к вдове придет.

В спальню войдет не медля
И во вдову войдет.

И упырей
Нарожают они.
В храме гармоний погаснут огни.
Вспыхнет крапивой
Плантация нот.
Хороший сюжет для плохого кино.

Зритель обманутый
Будет блевать.
Но режиссеру на это плевать.
И чтобы массовый
Сдулся протест –
Снова к кому-то прибит будет крест...

Кино. Кино.
Мюзиклом было давно.
Кино. Кино.
Блокбастер теперь оно.
Кино.

Игра без правил

Мир запутанных истин,
Мир возлюбленной лжи.
Где святое прокисло,
Где мразоты свежи.

На заблеванной сцене
Жжет оркестр чертей.
От товарища Дзена
Не дожидаться вестей...

Одна свобода
На миллион
Пленных жизней.
Небесный трон.

Так каким же монстром занят он?

Мир изнеженных фурий,
Мир истерзанных фей.
Где свою Эвридику
Обезглавил Орфей.

Влево рулят то вправо
Командиры штурвал.
Как бы наш дирижабль,
Черт возьми, не упал...

Одна надежда
На миллион
Несчастных жизней.
Но медлит он.
Давно кто должен
Нас всех спасти.
Сквозь шахты смерти
Нас провести.

Под флагом фальшивой свободы

Нет тайны страшнее,
Чем тайна, известная всем.
Нет боли больнее,
Чем глупо потерянный шанс.
Когда на полях сорняками
Задушен посев —
То впору прервать
Мракобесия длительный транс.

Нет света темней,
Что льют фары от встречных машин.
Нет песни печальней,
Когда просто нечего петь.
Как вниз не заставить смотреть

С покоренных вершин –
Так вверх не направит порыв
Неспособность взлететь.

И светом нас чистило,
И лихорадило тьмой.
Но нет в наших рейсах
Дороги, ведущей домой.

Летом нам хочется снега
И хочется Солнца зимой...

Нет маски страшнее,
Чем та, что считаешь лицом.
Нет мысли тупее,
Что ты докопался до дна.
Ты жег свое время,
Когда был беспечным юнцом.
Теперь на него неподъемно
Взлетела цена.

И правдой нас резало,
И подрывало на лжи.
Но в небе над нами
Всегда будут грифы кружить.

Море Безумия выбрал
Курс нашей ржавой баржи...

Нет веры прочнее,
Чем вера в осколки легенд.
Нет грани острее,
Чем грань, за которой нас ждет
Нацеленный в вечность
Непостижимый момент.
Не ждите пощады,
Спасать нас никто не придет.

Нас грело надеждами
И леденило судьбой.

Но мы не готовы
Дать нашим иллюзиям бой.

И светом нас чистило,
И лихорадило тьмой,
Но так и неясно,
Как всем нам вернуться домой.

Реет свободы фальшивой
Флаг над комфортной тюрьмой...

Схема Будды

Если в мерцающем серном тумане
Всадник привиделся без головы –
Значит, пора вылезать из стакана
И где-то прятаться от синевы.

Можно стать мужем какой-нибудь дуры,
Чтобы рожала дебилов на свет.
Можно пойти к самозваному гуру,
Чтобы он Будде отправил привет.

Ходит он
По Китайской стене.
Позабыт.
Никому стал не нужен.
Нет
Больше силы в огне,
Дым
Черным вороном кружит.

Нет прав у разума влезть в Схему Будды,
Но для души она очень проста.
Надо оставить глупцам пересуды
И прыгать в небо с гнилого моста.

И тогда
На Китайской стене
Встретит вас
С чуть заметной улыбкой.
Дух

Закалится в огне,
Дым
Станет белым и зыбким.
Но
Слишком много любви
Этот мир
Уничтожит мгновенно.
В Рай
Нас зови не зови –
Мы
Замурованы в бренном...

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

МОЙ ДРУГ БОРИС САМОХВАЛОВ – КАПИТАЛИСТ

Я называю его «акулой капитализма». Иногда в шутку, а порой всерьез.

А что? Он типичный капиталист – Самохвалов Борис Григорьевич, так как является владельцем средств производства, использует наемных работников для создания некоторого продукта с добавочной стоимостью. А также и прибыль получает. Небольшую. По его словам.

Он появился на нашей горе, на нашей горнолыжной базе «Политех», после института, вернее, после того, как отслужил положенные два года лейтенантом в строительных войсках. Пришел и как-то сразу пришелся ко двору. Молодой, здоровый, он брал на себя зачастую наиболее трудную работу: выкопать опору, перетащить ее и закопать в другом месте, занести тяжеленную железку к верхней станции канатки... А подъемники наши, деланные, как говорится, на коленке, постоянно ломались, требовали материалов, которые в те времена (более 35 лет назад) попросту негде было купить. И он, «имея под руками» станочное оборудование на предприятии, где работал, изготавливал кое-какие детали для приводов наших подъемников, где-то договаривался и доставал нужное для базы, сплетал тросы, сооружал ограждения, роликовые батареи... Все это весело, с шуткой – мне, да и не только мне, с ним было легко работать.

– Боря, а ты что оканчивал? По какой специальности? – как-то спросил я.

– ВК. Воздухоплавание и космонавтика, – скромно ответил он.

– Так ты в Москве учился?

– Нет, здесь, в городе Фрунзе, в нашем Политехническом.

Зная, что у нас есть предприятие, связанное с космическими исследованиями, я поверил ему, но не совсем. Сам выпускник этого вуза, я что-то не слышал о таком факультете. Заметив мои сомнения, он засмеялся:

— ВК — это водоснабжение и канализация. Короче, сантехник я.

Но от того, что он сантехник, я не стал уважать его меньше.

Предприятие, на котором он был одним из прорабов, производило различные строительно-монтажные работы. В том числе и в каком-то иностранном представительстве. Кроме прочих работ, там была смонтирована и система отопления. Причем в систему по предложению моего героя были внесены некоторые усовершенствования, повышающие ее надежность. Наши советские чугунные батареи заказчик не хотел ставить, а пожелал, чтобы применялись какие-то особенные, закупленные где-то за пределами республики. После пробного запуска эти батареи «заплакали». Руководство было в панике, собралось наказать водопроводчиков вместе с Борисом Григорьевичем, выставить поставщику рекламацию и немалый штраф с требованием заменить их... А зима-то была уже рядом.

Внимательно осмотрев все стыки и соединения, он решил засыпать в расширительный бачок специальный порошок. И вот этот порошок естественными водными токами за короткое время затянул все протечки. Наверное, это был его первый триумф!

Общительный, простой в обращении и веселый Борис Григорьевич расположил к себе всех сотрудников, а руководителя этого представительства, который оказался заядлым горнолыжником, он, проявив все свое обаяние, зазвал к нам на базу. Конечно, человек, который катался на лучших горнолыжных курортах Европы, не мог не оценить наш «средневековый» технический уровень. Но гора с ее великолепными пейзажами и вполне спортивные трассы ему понравились.

Наш гость рассказал, что там, в Альпах, сейчас переходят на более современные «карвинговые» лыжи, а простые буксировочные, да и некоторые кресельные канатки заменяются на комфортабельные, более удобные и производительные гандольные подъемники. Не знаю, когда и в какой момент в разговоре с ним Борис Григорьевич как бы мимоходом (а я ду-

маю специально) помечтал, что было бы здорово, если бы на нашей базе появился кресельный подъемник. Разговор этот забылся, но через какое-то время этот иностранец предложил:

– Я через своих знакомых договорился, что из Швейцарии вам, вашей базе, может быть передан кресельный канатный подъемник. Безвозмездно. Там он уже демонтирован. На вас лягут затраты по его доставке, оформлению и, естественно, монтажу.

От этих слов мой герой, наверное, был бесконечно счастлив, развил бурную деятельность, устраивал встречи руководителя базы с чиновниками... Но бюрократические препоны не позволили его и нашим мечтам сбыться.

Руководитель этого представительства вскоре получил назначение в столицу Афганистана, город Кабул. Считая Бориса Григорьевича высококлассным специалистом, он попросил его и там, в Кабуле, сделать такую же систему отопления. Конечно, моему герою было бы комфортнее, если бы командировку предложили, скажем, в Рим, Париж или... Ведь в Афганистане в это время было очень неспокойно. Это была его первая заграничная поездка – впечатлений он привез море: и под какой охраной его возили от гостиницы к месту работы, и как молились афганцы, и как здорово организован полив деревьев, и какие потолки в гостинице...

Но это так, к слову, а здесь, в представительстве, Борис Григорьевич смонтировал еще и легкие подвесные потолки, комплектующие для которых были только в одном магазине города.

Таких потолков у нас еще не делали, как их монтировать, не знал никто, и спросить было не у кого. Элементы каркаса между собой соединялись очень просто – в этом он сразу разобрался, но как сам каркас подвесить? Решение самое простое – на проволочках. Постараться выставить направляющие по уровню, зацепить проволочкой, а проволочку привязать к вбитому в потолок дюбелю. А потом уж совсем легко. Но эта кустарщина была не по нраву Борису Григорьевичу, и он приспособил специальные крючки, используемые при совершенно других работах. Отсюда, вероятно, и пошли потом специальные, регулируемые подвесы, позволяющие выставить монтируемый потолок в абсолютно горизонтальную плоскость.

В конце 1990-х годов даже крупные предприятия испытывали трудности, зарплату задерживали, заказов становилось все меньше... А тут еще и казино стали открываться, и как тут было удержаться от призрачной возможности внезапно обогатиться или хотя бы поправить свои финансовые дела. Вот с таким, видимо, намерением и зачастил туда руководитель того самого предприятия, на котором работал Борис Григорьевич. Играл, мечтая выиграть, проигрывал и снова играл, продавая втайне, как ему казалось, машины и оборудование предприятия. И вскоре уже не стало во дворе грузовой машины, на которой нужно было везти материалы на очередной объект, исчез один сварочный аппарат, стали пропадать материалы...

Борис Григорьевич узнал их судьбу в бухгалтерии и заговорил об этом на очередной планерке. Разговор был тяжелым, на повышенных тонах... Предприятие закрылось, расплатиться с работниками директор обещал в течение года.

Да, лихие девяностые... Кого тогда не посещало чувство растерянности, безысходности, неуверенности... Что делать, как жить – эти вопросы задавал себе и мой герой. А тут еще сократили должность жены в институте...

– Знаешь, стыдно было своим в глаза смотреть. Я, здоровый мужик, глава семьи, не могу содержать эту самую семью. Да еще нужно было родителям помогать. На «жигуленке» тесня мотался по городу, искал металлолом, сдавал... Однажды где-то на задворках какого-то предприятия обнаружил большое количество обгорелых медных кабелей – медь-то и сейчас в цене. Даже бутылки подбирал...

Все это было мелко, не решало семейных финансовых проблем. Но тут совершенно кстати Борис Григорьевич вспомнил о тех лыжах в альпийских странах, о так называемой «классике», которые попросту списываются, даже совсем новые. В том иностранном представительстве его хорошо помнили и помогли закупить там, за границей, по бросовым ценам партию лыж и ботинок – у нас-то все это было в дефиците. И лыжи, и ботинки разошлись довольно быстро – даже я заменил свои уже изношенные «Атомики» на почти новые «Соломоны». И своим знакомым порекомендовал. Небольшие деньги, но все же что-то он заработал.

Заехал он однажды на свою фирму – может, зарплату дадут, и узнал, что оборудование потихоньку списывается и опять куда-то бесследно исчезает. При этом денег в кассе не

прибавляется. Обзвонил всех, собрались снова, опять ругались с директором... Провели инвентаризацию и пригрозили ему судом. По предложению Бориса Григорьевича провели акционирование предприятия, создали ОсОО – общество с ограниченной ответственностью, разработали необходимые документы, устав, и через короткое время Самохвалов впервые стал собственником средств производства. Формальным руководителем выбрали одного из прорабов. В эти сложные годы обманом, подлостью, нахальством и хамством за счет доверчивых наживались отдельные личности. Нашел выбранный директор лазейки в законах и в уставе... В общем, остался Борис Григорьевич ни с чем, точнее, со своей дрелью и перфоратором.

Выкарабкаться ему помогло то, что его знания и умение организовать работу, выполнить ее с высоким качеством уже были знакомы в городе. Да и про легкие красивые потолки кое-где прознали. Вот с этих подвесных потолков и началось его восхождение. Поначалу он сам вдвоем со своим знакомым, используя личный инструмент, занимался монтажом. В те времена и я подключался – сделали потолки в большом зале одного районного налогового ведомства, в аптеке, в одном институте... Каждый потолок, каждую свою работу он фотографировал с нескольких ракурсов, чтобы потом показывать потенциальным заказчикам.

Нет, Борис Григорьевич не сидел в ожидании – его, как хорошего мастера, заказчики передавали друг другу, знакомый знакомому. Еще он размещал объявления в газетах, указывая для связи номер своего пейджера (сотовых телефонов тогда еще не было), и это зачастую срабатывало.

Одно предложение, другое... Он старался выискивать работу так, чтобы не было перерывов. Попросили облицевать стены комнаты в прихожей какой-то квартиры панелями (довольно простая работа) – он и за это взялся. Предложили постелить ламинат – не отказался, опыт сам приобретал, и работники его учились. Конечно, это были незначительные заказы: частные дома, какие-то офисы, квартиры... Постепенно росли объемы, и уже целая бригада работала у него. Сам Борис Григорьевич стал заниматься встречами с работодателями, планированием, составлением смет, подсчетом количества материалов, вычерчиванием планов помещений и потолков (странно, но он, современный предприниматель, все расчеты до сих пор делает вручную, на бумаге).

Уж и не знаю, как о нем и его потолках узнали в Оше, в Историческом музее... Им тоже захотелось иметь красивый потолок. И за два месяца потолок был смонтирован, хотя работа была не то чтобы трудная, она была опасная. Это ведь подумать даже страшно – работать на шатких строительных лесах, не прикрепленных для надежности к стене, на высоте более 8 метров. Но безопасность превыше всего, и он придумал, как повысить устойчивость лесов. А площадь потолка тоже под стать высоте – не натааскаешься туда-сюда. Раздобыл где-то колеса и монтажника, который оставался все время наверху, катали вправо-влево, взад-вперед, в общем, туда, куда нужно было.

Заказы пошли один за другим. Да он и сам, замечая начало какого-нибудь строительства, заезжал туда, предлагал свои идеи.

Стало расширяться применение гипсокартона. Внимательно изучив то, что было связано с новой для него технологией, Борис Григорьевич с немногочисленной бригадой освоил и эту сферу. Начали, как водится, с простых потолков в одном уровне, с перегородок в один слой (вообще-то, это здорово, когда довольно большая свободная площадь превращалась в несколько изолированных комнат).

Однажды бригада под его руководством монтировала оригинальный потолок в каком-то офисе, где стены и выступающие колонны уже были кем-то обшиты гипсокартоном. Работа, кстати, была выполнена, мягко говоря, некачественно – отклонения от плоскости, от вертикали были слишком большими. А это затрудняло монтаж потолка.

– Борис Григорьевич, смотри, какие у них зазоры, а ты от нас требуешь, чтобы меньше миллиметра были, – посетовал один из его работников.

– Пусть этот брак на их совести останется. А вам разве не было бы стыдно за такую работу? Мне было бы! – даже с некоторой обидой отозвался он.

Это был один из первых потолков в двух уровнях со скрытой подсветкой – ему было скучно с гладкими поверхностями. С этого времени он предлагал заказчикам и брался только за сложные потолки из гипсокартона. Да и легким подвесным потолкам он старался придать некоторое разнообразие – на схеме раскладывал элементы каркаса вдоль и поперек, поразному комбинируя расположение ячеек и материалы легких листов. Экспериментировал – часть потолка из гипсокартона,

часть – легкий подвесной. Заказчики бывали в восторге, когда видели над собой оригинальные, эксклюзивные потолки, в двух, а то и в трех плоскостях, зачастую очерченные плавными кривыми линиями, превращавшие их обычные квартиры в красивое и оригинальное жилье. В этих случаях Борис Григорьевич выступал еще и как дизайнер. И совсем неплохой.

Заказы пошли чередой: и в нашем городе, и в других городах республики – пришлось организовывать две, а то и три бригады монтажников, мотаться по городу (а город-то у нас немаленький) для решения различных проблем, для встреч с заказчиками на своем автомобиле («жигуленок» тестя давно в прошлом). А автомобиль для него совсем не роскошь – на нем он возит работников с объекта на объект, инструменты, стремянки, а то и свои строительные леса.

К этому времени в продаже появилось много различных электроинструментов, и Борис Григорьевич, поднатужившись, стал оснащать своих работников всем необходимым: перфораторами, шуруповертами, ручными циркулярками, компрессором... Все это он приобретал только после изучения товаров различных фирм-производителей и выбирал наиболее надежные.

Сейчас трудно вспомнить, к скольким объектам приложили руки его монтажники. Некоторыми работами Борис Григорьевич откровенно гордится: «фонарь» при входе в «Космопарк» – это он продумал его рисунок, купол над конференц-залом «Газпрома» – это его оригинальные инженерные решения. Он учился сам и учил своих людей монтажу каркасов, листов гипсокартона, новым технологическим приемам...

Кстати, о бригаде: она начиналась, как я упоминал, с двух человек. Но увеличение объемов привело к ее расширению – сначала работали четыре человека, потом больше. Иногда ее численность увеличивалась до 12. И даже гораздо больше, если поджимали сроки. И кое-кто, решив, что может и самостоятельно работать, уходили, пытались организовать свое дело. Но у них не было ИМЕНИ, которое было бы известно в строительных кругах города. Некоторые просились потом обратно... Бесполезно – «предателей» он не брал. Были еще ребята, в основном молодые, которые, поработав и на гипсокартоне, и на легких подвесных потолках, начинали капризничать, представлять какие-то требования, отказывались от некоторых работ. С такими Борис Григорьевич после бесплодных уговоров расставался. Не без сожаления – ведь они уже кое-что умели.

Без сожаления он расставался с теми, кто появляется на объекте в неадекватном состоянии или «отмечал» день рождения в рабочее время.

Но однажды ему пришлось быть особенно жестким. Заказ был крупным и на длительный срок, да к тому же хорошо оплачиваемым. Но было требование: днем во всем здании должно быть тихо. То есть использовать перфораторы, дрели, молотки можно было только после восьми часов вечера – в дневное время в здании, в других помещениях шла обычная офисная работа. Бригада почти в полном составе отказалась – пожелали, как все нормальные люди, работать днем, а ночью – спать.

– Вариантов не будет, – поставил Борис Григорьевич ультиматум. – Днем можно только монтировать, а все подготовительные работы – в вечернее и ночное время. Либо работаем по такому графику, либо расстаемся.

Ему пришлось набрать новых работников, заново обучить их, работать вместе с ними по ночам, а днем разбираться с документацией, заказывать материалы, колесить по городу в поисках потенциальных работодателей для дальнейшей жизни – спал едва ли два-три часа в сутки. Я не знаю, в установленные ли сроки была сделана эта «ночная» работа, но те, кто был занят, по окончании ее были чрезвычайно довольны заработком. Был доволен и заказчик.

В настоящее время Борис Григорьевич не ищет работу – работа ищет его. Зачастую он ведет несколько объектов, у него работают две, а то и три бригады. Бывает так, что его партнеры, особенно на первоначальных этапах строительства, выполняя свою часть работы, не принимают во внимание его советов, не продумывают до конца свои действия... Результат – противоречия, которые, на первый взгляд, кажутся неустранимыми. Да и как действительно передвинуть уже готовую кирпичную стену или колонну? Борису Григорьевичу приходится придумывать варианты, долго на планерках их согласовывать, искать компромиссы, а то и доказывать необходимость отступления от принятых ранее решений... Ему порой говорят:

– Ты что, самый умный? Что ты суешься не в свое дело?

Увы, приходится соваться, чтобы потом «не чесать левой рукой правое ухо через голову». И если не удастся убедить партнеров, он выходит на руководителя строительства, спо-

собного воспринимать его доводы и принимать окончательные решения.

По роду моей работы мне приходится встречаться с Борисом Григорьевичем на строительных объектах. И каждый раз я удивляюсь. Удивляюсь, как он выходит из, казалось бы, безвыходных положений. Однажды создалась ситуация, когда при монтаже перегородок стойки каркаса невозможно было смонтировать. То есть к направляющим на полу они крепились, а на потолке как раз в нужном месте проходило ребро бетонной балки – к ребру невозможно что-либо прикрепить. Это поставило работников бригады в тупик. Борис Григорьевич, немного подумав, предложил создать искусственные точки крепления этих стоек к балке, и все смонтировалось быстро и надежно. В этом же здании окна были чуть ли не до «черного» потолка. С учетом всех коммуникаций – вентиляционных коробов, мостиков электрокабелей, труб теплоносителей, – «чистые» потолки оказывались ниже верхней кромки оконных рам. Нужно было что-то придумать. «Сложив в голове» элементы каркаса потолка и гипсокартонные плоскости, Борис Григорьевич предложил вариант, чтобы и площадь окна не уменьшалась, и оставалась возможность открывать их, а потолок закрывал все коммуникации. При этом за потолком перед оконной рамой образовывалась органичная ниша.

Сколько еще таких случаев было в его практике! Но нужно сказать, что все это не готовые решения – у него они возникают тогда, когда выплывает конкретная проблема. Тогда он, обладая прекрасным пространственным воображением, мысленно строит «трехмерную» конструкцию», связывает между собой элементы каркаса, чтобы добиться нужного результата... Порой, когда он разъясняет своим работникам, что и как нужно сделать, у него возникает еще один вариант, а то и третий...

Бывают ли у него сбои? Да, бывают. И когда уже собранная конструкция не отвечает каким-либо требованиям, он прежде всего пытается так использовать ошибку, чтобы результат был даже лучше, чем было задумано. Но если, мысленно продумав несколько вариантов, он остается недовольным этим «умозрительным» решением, берет на себя ответственность и решается все разобрать до основания, а затем собрать конструкцию заново уже без ошибки.

У него какой-то особо зоркий взгляд: едва взглянув, он

замечает, где ребра короба из гипсокартона не вертикальны, где грани не перпендикулярны, где провис потолок, где образовалась щель между листом и элементом каркаса... У его работников, бывает, глаз «замыливается», а он видит, тут же указывает, заставляет исправить. Ошибки, ошибки...

– Не надо торопиться – проверяйте, все время проверяйте. Сделали, проверьте еще раз, – требует он. – Я же дал вам и уровень, и лазер.

Эти ошибки – а некоторые повторяются раз от разу – его очень сильно расстраивают. И даже возмущают, он начинает ругаться, повышает голос... Бывает и до крика. Ну это когда уже совсем достанут.

– Как вы не понимаете, что все эти переделки – это потеря времени и заработка. Вашего заработка.

И при этом Борис Григорьевич никогда не опускается до оскорблений, до унижения провинившихся, никогда не употребляет нецензурных выражений. Единственный раз я ненароком услышал от него слишком крепкие выражения, когда, не посоветовавшись с ним, один из прорабов приказал разобрать уже готовый каркас – что-то за потолком надо было поправить. В результате чуть ли не половина потолка обрушилась, большое количество направляющих было погнуто, поломано... А это был результат месячной работы.

Еще его сильно расстраивает, возмущает безответственное, безалаберное отношение к инструменту. И не только потому, что это его личный инструмент.

– Мужики, как вы не понимаете, что этим инструментом вам работать! От него зависит ваш заработок, а вы его бросаете где попало, теряете! Разбили перфоратор – все ждете, пока я отремонтирую. День насмарку!

Отругав, Борис Григорьевич тут может же и пошутить:

– Что, не можете, мелкота? У зайчиков лапки коротенькие. А попробуйте с разбегу и в прыжке.

Сам залазит на строительные леса и дотягивается туда, куда остальным со своим «средним» ростом не достать.

Его иногда можно увидеть в состоянии глубокой задумчивости: стоит, смотрит отрешенно в одну точку – обдумывает очередную конструкцию, как связать стандартные металлические элементы, как и чем их скрепить, потом к ним прикрепить полоски или листы гипсокартона, чтобы получился тот вариант потолка, который задумали дизайнеры.

Живет ли он одной работой? Конечно же, нет! Времени

ей уделяет много, но и о доме не забывает. Квартиру имеет небольшую двухкомнатную, но великолепно отделанную. Сам и отделывал. Потолки, правда, самые обыкновенные, в одном уровне – не захотелось уменьшать объемы комнат. Только в санузле потолок оригинальный – тот самый каркас, какой монтируется на объектах, и светильник он спрятал за ним, а вместо легкого листа положил матовое стекло, и в результате свет получается мягкий, рассеянный.

И дачей Борис Григорьевич занимается с удовольствием. Там тоже почти все сделано его руками. Особо гордится банькой – и утеплена она, и вагонкой внутри отделана.

Почти всем дачникам известна проблема с водой: приехал в субботу – вода в кране с утра еще есть, а к обеду уже нет (за глухими заборами используют питьевую воду для полива, хоть и запрещено это уставом кооператива). Мой герой решил эту проблему кардинально – создал автоматическую систему, и она позволяет всю неделю, когда народа на дачах мало, накапливать воду в большом баке. Заполнилась емкость – система отключилась. А потом эту воду уже можно использовать как хочется и сколько надо. Упал уровень в баке – автоматика опять в работе.

В свои 60 лет он великолепно выглядит – высок, строен, спортивен. В студенческие годы состоял в сборной республики по велосипедному спорту. Теперь всю зиму катается на горных лыжах. Нам довелось встретиться и на Иссык-Куле, где я гостил у своего старшего товарища, под командованием которого были крейсерские парусные яхты. И мы вместе уходили далеко-далеко, как говорить, на синюю воду, ложились в дрейф, бросали за корму канат и купались.

– С одной стороны, – говорил он, когда мы возвращались к пирсу, – приятно так далеко от берега, вода совершенно чистая, не взбаламучена отдыхающими. Но как подумаешь, что до дна около 100 метров...

Ну это из области психологии, ведь плавать он великолепно – запросто может и километrovочку разными стилями одолеть.

Как-то я с друзьями в одну из суббот приехал на нашу базу. Только мы сняли с багажника свои лыжи, как подъехала машина Бориса Григорьевича. Но за рулем был не он, а его жена.

— Представляете, едем, я пытаюсь ей кое-что подсказывать иногда, а она вдруг и говорит: «Еще раз под руку что-нибудь скажешь, выскажу!» Это она мне, своему любимому мужу, водителю с сорокалетним стажем.

— Подожди, Боря, скоро она еще учить тебя будет, как учила в свое время на лыжах кататься.

Жена Бориса Григорьевича на лыжи встала, когда он еще служил в армии. Конечно же, и он не мог не увлечься горными лыжами. С тех пор они везде вместе: не только дома, но и на отдыхе в горах. Вместе с друзьями покатались в Австрии на горнолыжном курорте, вдвоем путешествовали по Италии, были в других европейских странах, вместе побывали в гостях у дочери в Соединенных Штатах Америки... Оба без ума от внучки, которая там, в Америке, сопровождала их и «служила» им личным переводчиком.

После нескольких вихревых спусков, когда наши ноги уже чувствовали усталость, мы сидели за столиком в нашем кафе. И невзначай заговорили о работе (как и у всех русских мужиков — на отдыхе о работе).

— На днях меня пригласили в одну фирму. Попросили посмотреть проект и сказать, как все нарисованное можно воплотить в жизнь.

— Что, сложные потолки из гипсокартона?

— Нет, другое. Знаешь, смотрел я их картинки, смотрел... Что сказать, нарисовано красиво. Но сделать то, что в этом проекте задумано, из заложенных материалов невозможно. Почему-то они, дизайнеры, рисуют и не задумываются о технологии — как же это все сложить, скрепить, подвесить. Я так и сказал: «Это сделать невозможно!» Если б ты видел, как они растерялись. Предложил свой вариант. И дизайнера, и материалов. Они растерялись еще больше, потому что это проще и дешевле. А за фирменный вариант они, представляешь, заплатили 5 тысяч долларов!

В этот момент раздался сигнал его телефона. Из разговора я понял, что где-то происходит ремонт или ведется какое-то строительство и что-то там не получается. И звонивший просит у Бориса Григорьевича совета.

— Я же не вижу вашу конструкцию, как я могу что-то советовать? Нет, я не в городе, я в горах. На лыжах катаюсь. Да вы что, завтра же воскресенье, — видимо, его продолжали уговаривать. — Ну хорошо, я подъеду завтра, часов в десять.

Закончив разговор, хмыкнул.

– Надоели уже. Постоянно предлагают работать совместно, организовать, так сказать, более крупное производство. Сами-то не особенно в строительных делах разбираются и донимают меня, как сделать то, как это. Постоянно консультируются. Ясно, что я им нужен. Но наступать на одни и те же грабли не буду. Создашь такую совместную фирму, а со временем начинаются дележки, махинации какие-то. Мне это нужно? Вот даже здесь достают, – он коротко рассказал о проблеме.

– Слушай, Борис Григорьевич, а ты что, и в этой области специалист?

– Да, приходится быть в курсе и новых материалов, и новых приемов работы, и вообще... Как только какая выставка по строительству – я там. Каталоги беру, методички, вникаю в новые технологии, расспрашиваю... – он чуть-чуть помолчал. – Так не хочется ехать. Знаешь, бывает, приглашают, просят совета, затем – сделать проект, составить смету, обещают работу на этом объекте, а потом передают его другим. Обидно даже.

– Так ты сразу договаривайся или отказывайся.

– Нельзя отказываться, – он вздохнул. – Имидж уже не тот будет.

В соответствии с классическим определением капиталист – представитель буржуазного общества, владеющий средствами производства и использующий наемный труд для создания добавочной стоимости и получения прибыли.

Да, Борис Григорьевич, имея «начальный капитал» в виде дрели, плоскогубцев, отвертки, со временем приобрел себе современные инструменты – то есть стал владельцем средств производства. С помощью этих средств его наемные работники могут выполнять различные работы в строительстве, то есть создают прибавочную стоимость. Конечно, он получает прибыль, используемую в личных целях, в том числе на ремонт инструмента и замену вышедшего из строя. Конечно, как и у многих сейчас, имеет счет в банке, через который проводит расчеты с работодателями, платит налоги (и спит спокойно). С этой точки зрения он типичный капиталист. Но так как у него нет оборотных средств, которые находились бы все время в движении и накапливались бы раз от разу, он капиталист не

крупный. И даже не средний. Скорее мелкий. У нас таких называют частными предпринимателями.

Итак, мой друг – частный предприниматель, он же капиталист Борис Григорьевич Самохвалов. Хотел бы он стать крупным капиталистом? Честно говоря, не знаю. Речь у нас об этом как-то не заходила. Но представить его руководителем, хозяином строительных работ куда большего масштаба я могу. Для этого у него, на мой взгляд, все данные. А вот надо ли это ему самому? Очень даже сомневаюсь. Хотя...

«НАГЛУХО ПРИВАРЕН К РУССКОМУ ЯЗЫКУ»

*Продолжаем разговор, начатый в предыдущем номере «ЛК» профессором **Валентином Янценом**, о значении, развитии и функционировании русского языка в современном мире. Слово – писателю Анвару Амангулову, который родился и вырос в городе Фрунзе, а ныне живет в канадском Ванкувере.*

Я слышал гул сквозь музыку в наушниках. Дети что-то энергично обсуждали.

Эпоха коронавируса внесла свои жесткие коррективы в образовательный процесс, и теперь почти все – включая физкультуру! – идет в онлайн. Роль родителей резко усилилась, и мне теперь приходится не только бегать со старшим по заданию их школьного физрука, но и делать с дочерью математику на трех разных сайтах. Быть учителем физкультуры и математики после целого дня за рабочим компьютером довольно непросто. Но можно. И только в одном я ничем не могу помочь в вынужденном домашнем обучении моих детей – я не знаю французского, на котором у них в школе преподается большая часть предметов.

Дочь приблизилась ко мне, не переставая что-то лопотать. Я снял наушники и внимательно посмотрел на нее.

– Сильвупле, папа! Сильвупле!

– Ладно, бери! – сдался я.

– Спасибо! – бодро сказала она по-русски и весело помчалась к холодильнику, чтобы взять мороженое.

Политика кнута и пряника в сегодняшнем задании на сложение и вычитание провалилась.

Мои дети, как и, вероятно, миллионы других в Канаде, живут в необычном лингвистическом мире. Дома родители говорят с ними по-русски. В школе по большей части – французский. На улице с друзьями – английский. Несмотря на это, в голове у них совершенно нет языковой каши. Они легко прыгают с языка на язык (часто, надо признать, путаясь в родах и падежах русского), а когда им надо, чтобы мама с папой остались за бортом понимания обсуждаемого, в доме начинает струиться французская речь, которая мне, услышавшему ее впервые лишь в Канаде, до сих пор представляется одним монолитным потоком, словно журчание горного ручья где-нибудь за Ат-Баши (хотя я немного и понимаю испанский – ближайшего «родственника» французского). Из этого вавилонского трехязычия в нашем доме английский и французский куда более в ходу, в то время как русский выглядит нелюбимой падчерицей. Но это ничего. Знающие люди советуют: если говорить с детьми на языке родителей с раннего возраста (на русском в моем случае), в голове складывается матрица, которую при желании можно развить в полноценное владение языком в зрелом возрасте.

Но вот будет ли нужен детям русский в Северной Америке, кроме как для общения с родителями, эмигрировавшими в Канаду из осколков Советской империи?

Первое, что рекомендуется новичкам на собраниях общества «Анонимные алкоголики», – быть абсолютно честным с самим собой. Я всегда вспоминаю об этом прочитанном где-то факте, когда речь заходит о роли русского языка в Северной Америке, особенно в западной ее части – нужно быть интеллектуально честным с самим собой и признать, что значимость русского на этом континенте, мягко говоря, довольно скромная. Три главных языка континента – английский, испанский и французский – отодвигают все остальные на удаленную лингвистическую периферию, причем такую, что если эмигранты первого поколения мертвой хваткой цепляются за родной язык, то их дети уже намного спокойнее относятся к языку папы с мамой, а для внуков русский уже не более чем фамильная легенда. Но с этим ничего не поделать, это природа пресловутого «плавильного котла». Так происходит со всеми иммиграционными волнами, и спустя десятилетия английский растворяет в себе другие языки, как «царская водка» золото. Это приводит к тому, что на данный момент

подавляющая часть американцев с итальянскими фамилиями не говорит по-итальянски, а канадская поп-дива – звезда «Спасателей Малибу» и журнала «Плейбой» Памела Андерсон – демонстративно учит русский (никто пока не слышал, как она на нем говорит), подчеркивая, что ее бабушка и дедушка – эмигранты из России. Даже французский чувствует себя в осаде, чему свидетельством поговорка, которая ходит в научных и издательских кругах: *Publish in English or perish in French* («Публикуйся на английском или погибни на французском»). Только испанский может похвастаться относительной вольготностью, что отражается в другой поговорке, которую я как-то раз слышал в Южной Калифорнии, где большая часть населения испаноязычная, – *Learn Spanish or vanish* («Учи испанский или исчезни»). Ничего подобного нет о русском (итальянском, панджаби, кантонизе и т. д.). Если быть предельно честным, в стиле анонимного алкоголика, нужно признать – русский в Северной Америке однозначно существует, но большого будущего на этом континенте у него нет.

Я, надо сказать, несильно переживаю по этому поводу, несмотря на то, что почти всегда пишу по-русски (деловая корреспонденция на английском не в счет). У меня много друзей-иммигрантов из России, Беларуси, Кыргызстана, с Украины, живущих в Ванкувере, с кем я всегда могу поговорить на русском. Кроме того, интернет настолько размыл границы между языками, что оставаться в русскоязычном пространстве можно теперь практически в любой точке мира, где можно подключиться к сети (это, кстати, относится к любым языкам). Русский язык мне совершенно не нужен на работе. Даже язык программирования, который я использую, печатая код на компьютере, имеет основной английскую лексику и синтаксис. Читаю я на двух языках, но доля английского, конечно же, значительно больше. Но вот если нужно прикрикнуть на детей, делаю я это почти всегда на русском.

В нашем мире совершенно нет лингвистической справедливости. Одни языки куда более доминантны, чем другие. Однако бывает так, что у отдельно взятого языка существует определенная ниша в какой-либо области, что заставляет интересоваться им и даже учить. Скажем, в опере это итальянский язык – неважно, откуда ты родом, но если ты исполняешь оперу, ты обязан говорить на итальянском (у меня есть приятель из Беларуси, бывший оперный певец, до сих пор прекрасно исполняющий отдельные фрагменты «Травиаты»

Верди на языке оригинала). Если вы планируете стать шеф-поваром на высоком уровне, вы должны понимать по-французски, поскольку в ресторанном бизнесе крупного калибра французская кухня – это своего рода стандарт и ориентир. Но вот существует ли такая ниша у русского языка? Не могу сказать, что мне известен ответ на этот вопрос. Русский является официальным языком ООН и одним из наиболее распространенных языков в мире, но в международном бизнесе, культуре (в широком понимании) или политике, он, как представляется, почти не играет никакой роли.

Русскоязычные иммигранты в подавляющем большинстве своем часто неосознанно, но очень четко понимают лингвистическое место родного языка в Северной Америке. Это не мешает им в интеграции и изучении английского, которым почти все владеют на вполне приемлемом для работы уровне. Вы никогда не встретите бизнеса с русскоязычным владельцем, ориентированным исключительно на русскоязычную клиентуру. Даже крошечные лавки, торгующие бакалейным импортом из бывших республик типа шпрот, разместят внушительную вывеску на английском у входа.

Мне, человеку, чье детство и юность прошли в Кыргызстане, не привыкать к вавилонскому смешению наречий. В советские времена билингвизм в городе Фрунзе был нормой, несмотря на серьезное доминирование русского в образовательной сфере. Считалось при этом, что английский (или немецкий) – это языки куда более сложные, чем русский или кыргызский. Сейчас я могу совершенно четко сказать, что это глубокое заблуждение.

Лингвисты классифицируют языки по своей близости друг к другу и выделяют семьи, которые в свою очередь содержат группы, где уже, как в коробочках, размещены индивидуальные языки. Русский и английский принадлежат к одной, индоевропейской семье языков, и хоть они и находятся в разных группах (славянской и германской), похожи друг на друга куда больше, чем кажется на первый взгляд. Оба языка фундаментально одинаковы. У них схожий синтаксис – предложения строятся в одинаковой последовательности. Одинакова роль предлогов. Идентична отрицательная форма глаголов и так далее. При этом русский неимоверно более сложен грамматически. В русском есть падежи и роды – в английском нет. В русском окончание глагола может меняться мириадами образцов – в английском это куда более лимитировано.

Для русскоязычного студента, изучающего английский, по сути, существуют только два серьезных препятствия: это необходимость запомнить критическую массу нерегулярных глаголов (их в английском немало) и научиться использовать артикли. Но если первое – это вопрос времени и усердия, то второе практически невозможно освоить в том объеме, в котором этим владеют сами носители языка. Однако если вы не собираетесь писать статьи в «Вашингтон Пост», то неумение пользоваться артиклями совершенно не мешает общению и в бизнес-корреспонденции.

Задача же, стоящая перед англоязычным студентом в изучении русского, куда более трудоемкая: ему нужно постичь концепции, эквивалента которых нет в его родном языке. Если в языке нет понятия родов, их почти невозможно освоить. Это же касается падежей и многого другого. Если прибегнуть к спортивной аналогии, то изучение русского – это марафонская дистанция, а то время как изучение английского – не более чем пятикилометровка. Но мистическая аура заокеанского наречия, другой алфавит и парочка неожиданных звуков из фонетики отпугивают многих до такой степени, что человек вроде бы и штудировал английский, но ничего толком не выучил, кроме сакраментального «ай лав ю».

Эмигранта с постсоветского пространства легко узнать по акценту, который можно перепутать в редких случаях разве что только с боснийским или сербским. Почти никто из них (включая меня) не в состоянии правильно произнести английский звук, передаваемый сочетанием “th”, – он будет заменяться на русское «з» (это мне напоминает, как в моем далеком детстве пожилые апашки из удаленных айлов говорили «Боронзо» вместо «Фрунзе» из-за того, что в кыргызском языке в принципе нет звука «ф»). Почти всегда мягкая английская “r” будет произноситься так же жестко, как и русская «р». Иногда наличие такого акцента приводит к курьезным ситуациям. На заре моей эмиграции, когда я ездил из Канады в Америку на машине, американские пограничники, бывало, уделяли мне больше внимания, чем другим, при проверке на границе. Все проходило нормально, но меня это слегка удивляло. Знакомый американец, служивший в молодости в органах, усмехаясь, объяснил мне причину такого повышенного внимания. «Ты выглядишь по-азиатски, а говоришь с русским акцентом. Этим ты ставишь пограничников в тупик». Это было давно. Сейчас такого нет. Американские пограничники теперь намного лучше

разбираются в этих вопросах. Отчасти это можно объяснить возросшим присутствием Америки на геополитической арене за последние двадцать лет. Однажды я ехал в Сиэтл и на границе документы у меня проверял детина с косой саженью в плечах. Он пристально побуравил меня взглядом и придиричливо спросил:

– Родился во Фрунзе? Где это, Фрунзе?

– Это старое название Бишкека, – ответил я, мысленно приготовившись к длительным объяснениям новейшей истории Кыргызстана, начиная с коллапса Советского Союза и до текущего момента.

Но неожиданно, с едва заметной ухмылкой, детина протянул мне обратно мои документы и сказал, что я могу ехать. Оказалось, парень служил одно время на базе в «Манасе» и отлично знал, что такое Бишкек.

Русский язык, служащий со времен СССР лингвой франка на большей части Евразии, претерпевает на текущий момент две фундаментальные трансформации. Одна из них заключается в значительном сужении сферы его использования. Другая – в том, что, как и всякий язык, он эволюционирует, но эволюция эта ускорилась таким образом, что многих это настораживает. Обе трансформации вызывают у части адептов русского языка своего рода плач Ярославны. Напрасно. Половецкие пляски по этим двум поводам тоже не представляются уместными, однако и предаваться унынию не стоит.

Резко ускорившаяся эволюция русского языка за последние четверть века напрямую связана с таким явлением, как глобализация. Язык перестал существовать в относительной изоляции и варится в собственном соку. Теперь он развивается в постоянном и непрерывном взаимодействии с массой других наречий, в первую очередь, конечно же, с английским. Мобильность населения сейчас крайне высока. Средства массовой информации и интернет давно уже стали провербильным окном как в Европу, так и в практически любой другой уголок земного шара. Ввиду этого русский язык пребывает под постоянным давлением извне. Кальки с английского беспощадно вставляют себя в немыслимых количествах в лоно «великого и могучего». Даже я, читая русские газеты, иногда не могу понять, о чем идет речь, поскольку процесс заимствования лексики невероятно быстр (помнится мне, читал статью, литературную критику, в которой постоянно всплывало непо-

нятное мне слово «халивар», лишь через две страницы до меня дошло, что это английское *holy war*, то есть «святая война»). Русскоязычные любители «Фейсбука» и других социальных платформ подтвердят – такие термины, как «флудинг», «лайк» или «постинг», уже никому не кажутся чужими и непонятными. Лингвисты говорят о своего рода законе – словарный состав языка обновляется на 50 процентов каждые 500 лет. Но мне кажется, с такой скоростью, которую обеспечивает глобализация, обновление лексики русского языка может серьезно выбиться из этого правила и ускорить такое обновление на столетие-другое.

Почему идет этот процесс? Можно вспомнить о Голливуде, несмотря на провозглашенные скрепы, доминирующем на кинорынке России и остального постсоветского пространства. О вездесущем журнале «Космополитен» и другой американской периодике. Об интернете, чтобы пользоваться которым, нужно сначала узнать несколько заокеанских словечек типа «браузер» или «гуглить». Но есть еще одна причина. Она малозаметна на фоне других. Я и сам обратил на нее внимание, лишь наблюдая, как растут мои дети, родившиеся в Канаде. Когда я говорю с ними на русском, я часто слышу ответ на английском, причем происходить это стало еще тогда, когда они только учились говорить и не особо четко осознавали, на каком языке лучше ответить отцу. Дело в том, что в английском слова намного короче в целом и их использование делает речь более экономичной при такой же информативности (это, кстати, не относится к французскому языку). Куда легче сказать «куки» вместо «печенье» – выигрыш в один слог делает этот выбор подсознательно неотразимым. Это хорошо заметно у русскоговорящих эмигрантов – часто, вместо того чтобы сказать «зарезервируй гостиницу», я могу использовать «забуйкай отель». Я могу быть неправ, но мне кажется, когда мы говорим, мы стремимся к минимизации усилий в передаче информации. Мы стремимся к такой экономии во всем, и, возможно, язык не исключение.

Но стоит ли расстраиваться из-за такой быстрой эволюции или даже как-то ей противостоять?

История знает примеры такого противостояния. В середине 19-го века английский филолог Виллиам Барнс (1801-1886) активно промотировал в массы так называемую идею «лингвистического пуризма», языковой чистоты. Барнс призывал вычистить английский от греческого и латинского (включая фран-

цузский, надежно вошедший в английский после нормандского завоевания) и вернуться к чисто англосакским корням. Фотография в этом контексте должна была называться sun-print (солнечный отпечаток), орнитология – bird-lore (птицеведение), предки – fore-elders (праотцы). Было даже движение в защиту этой чистоты по всему королевству. И чем это закончилось? Где теперь эти пуризм и лингвистические скрепы английского языка? Нет их. Как был английский сборной солянкой, так и остался, причем доля заимствований в нем растет постоянно и неуклонно, и даже такие известные всем русские по происхождению слова, как «водка» и «погром», являются неотъемлемой его частью и могут быть найдены в любом словаре.

Мне кажется, ко всему этому стоит относиться без сожаления и излишних эмоций. Мир вокруг меняется очень быстро. Когда я был ребенком, аксакалы в горных аилах сетовали, что молодежь не умеет ездить верхом. Когда мне было около тридцати, люди чуть постарше сокрушались, что молодежь не умеет пользоваться стандартной коробкой передач (уже в то время львиная доля автомобилей в Ванкувере была «автоматами»). Весьма вероятно, что в обозримом будущем исчезнут бензоколонки (в Северной Америке происходит массовая замена обычного бензинового автопарка на электромобили) и молодежь не будет знать, что такое заправлять машину бензином. Как сказал древнегреческий философ Гераклит, единственное постоянство в этом мире – это перемены. Перемены в языке невозможно остановить. Русский язык насыщен словами из других языков, которые мы уже давно не воспринимаем как иностранные (вспомните «бутерброд» или «шлагбаум»). Через поколение-другое, когда зерна английских заимствований отделяться от плевел, многое из того, что нас может раздражать или даже возмущать сегодня, войдет в лексикон русского так же, как и масса других слов сделали это поколения назад, и, возможно, даже «халивар», на котором я споткнулся, читая статью, будет таким же естественным и уже русским словом, как «мармелад» или «серпантин».

А что же с сужением ойкумены русского языка?

На текущий момент русский является седьмым наиболее распространенным языком в мире. Его ареал включает сузившиеся контуры постсоветского пространства (некоторые страны, как, скажем, Азербайджан или Узбекистан, уже не могут похвастаться большим числом носителей этого языка). Кроме этого, русский распространен на региональном уровне в Се-

верной Америке. Крупные русскоязычные диаспоры в Нью-Йорке и Торонто выпускают свои газеты и журналы (в Нью-Йорке существуют даже телевизионные каналы на нем), и те, кто бывал в нью-йоркском метро, знают, что многие объявления и постеры там часто дублируются на русском. Интерес к русскому, как мне кажется, сохраняется как во многих частях бывшего Союза, так и (в меньшей степени) в англоязычной Северной Америке. Первое обусловлено прежде всего экономическими причинами. Моя родственница, работавшая в «Пятерочке» в Москве, рассказывала, что часто кыргызы в ее супермаркете оказывались на лучших позициях, поскольку лучше говорили на русском по сравнению с коллегами из Узбекистана. Я слышал, что именно из-за этого в Ошской области сохраняется весьма высокий спрос на русскоязычных учителей в средних школах. Что касается Северной Америки, то интерес этот обусловлен в первую очередь дореволюционной русской классикой Толстого, Чехова и Достоевского. Когда канадская писательница Элис Монро получала Нобелевскую премию по литературе в 2013 году, в газетах и журналах, освещавших это событие, ее уважительно величали «современным Чеховым». Зайдите в любой книжный магазин в Америке или Канаде, и почти наверняка вы увидите на полке с классикой томики русских авторов, расположенные в самом выгодном для торговли месте. Все это внушает надежду, что сужение русскоязычной ойкумены не является катаклизмом, сравнимым по масштабу с распадом Советского Союза. Но самое главное даже не в этом. Если посмотреть на другие языки, судьба народов которых была куда более трагична (если не по характеру, то в плане абсолютного числа затронутых носителей), мы можем видеть, что языки эти продолжают жить и даже процветать. Древний как мир армянский, сохранившийся, несмотря на кровавые ужасы 1914 года, и кыргызский, пронесенный народом после Уркуна и других пертурбаций 20-го века, в настоящее время чувствуют себя прекрасно как в Ереване, так и в Лос-Анджелесе, как в Бишкеке, так и в Москве.

Родственники в Кыргызстане как-то раз спросили меня, что самое важное в начальном образовании ребенка? Не могу сказать, что я специалист в педагогике (хотя за время пандемии коронавируса почти все родители стали таковыми в той или иной степени), но вопрос интересный. Если говорить о

языках, то, на мой взгляд, лучше всего дать ребенку возможность изучить как минимум два языка. Первый – кыргызский. Не надо, думаю, объяснять, почему это важно, особенно если ребенок останется жить в Кыргызстане, когда вырастет.

Второй – это русский. Это тоже не требует пространных объяснений. Кыргызстан и Россия настолько тесно интегрированы как исторически, так и экономически, что знание русского языка неизбежно откроет ребенку как экономические возможности, так и огромный пласт русской литературы, в первую очередь классической. На русский переведена масса прекрасных книг и зарубежных классиков, что представляет безусловный интерес с культурной точки зрения. Более того, на русском языке существует огромное количество отличных учебников практически во всех областях – от математики до химии (не уверен, что ситуация с учебниками на кыргызском языке такая же радужная). Кроме того – и это уникальный факт! – русский язык занимает около 8,4 процента всего интернет-контента, уверенно занимая второе место после английского. Даже вездесущий испанский идет после него на третьем месте с 4,2 процента. И если сегодняшний российский синемаграф вызывает неоднозначные оценки, то множество фильмов на русском советского периода совершенно точно заслуживают просмотра.

Но нужно ли учить ребенку еще какие-либо языки?

Если судьба сложится таким образом, что он проведет жизнь в Евразии, то, в принципе, может быть, и не надо. Со знанием кыргызского можно понимать и турецкий; со знанием русского можно общаться на пространстве от Тихого океана и до польской границы. Но! Если вдруг в молодости у него появятся иные планы или амбиции на международном уровне, то знание английского сможет оказаться совершенно бесценным. Английский – это язык бизнеса. Это язык науки и технологий. Политика на международном уровне и тот же Голливуд – на английском. Интернет на 59,3 процента (!) состоит из английского контента. Все это можно не любить и даже ненавидеть (такое встречается), но это факт, который нереально изменить и с которым невозможно не считаться. Однако лично для меня самое притягательное кроется в количестве литературы, как художественной, так и другой, доступной на английском языке. Ее очень много. Если сравнить разницу между книгами на кыргызском и русском языках, она будет очень внушительной;

наверное, такой же, как между Иссык-Кулем и Средиземным морем. Если взять этот же показатель между книгами на русском и английском, то она будет в сотни, если не в тысячи раз больше – как между Средиземным морем и Тихим океаном. Борхес как-то раз заметил, что рай, по его мнению, – это некое подобие библиотеки. Зная английский, вы попадаете в такой рай на Земле и получаете доступ к гигантскому количеству книг на все мыслимые темы.

После многих лет жизни в англоязычной среде мой внутренний лингвистический мир, если можно так выразиться, начал отличаться странной дихотомией. Я часто формулирую что-нибудь, а потом говорю (если надо) в гремучей смеси из русского и английского, иногда с небольшой примесью испанского, который мне нравится чисто фонетически. Это мысленное «тесто» можно рафинировать, «выпечь» так, что если мой собеседник не говорит по-английски или, наоборот, по-русски, то конечный продукт не содержит неясных примесей. Печатаая эти строки, я прилагаю усилие (небольшое), чтобы повествование на русском не перегружалось конструкциями и лексикой из языка англосаксов и оставалось понятным русскоязычному читателю. Когда я говорю с эмигрантами со стажем, этого можно не делать. С некоторого момента у них у всех наступает состояние такой дихотомии и общение на сыром замесе из двух языков уже не представляет проблемы.

Но при этом я остаюсь во многих аспектах наглухо «приваренным» к русскому языку. Тупак Шакур и Глория Эстефан не заменят мне лирики Розенбаума, они просто дополняют друг друга в моей маленькой лингвистической вселенной. Русский для меня, несмотря на то что английский тоже стал мне родным, как Петербург из стихотворения Бродского:

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.*

Не хочу об этом думать, но мне кажется, что, когда придет мой час встретиться со старушкой с косой за плечами, мои последние слова будут на русском языке.

Сын закончил школьное сочинение по прочитанной пове-

сти Толстого «Хаджи Мурат» и прислал мне файл. Я прочитал три страницы слегка старомодным (вполне в духе произведения) шрифтом Georgia и позвал его.

– Что такое chock-full? Это ты слово придумал, что ли? – спросил я его в недоумении.

– Папа, ты не понимаешь. Такое слово есть, look it up in dictionary.

Я открыл онлайн-словарь и проверил. Незвестное мне слово действительно существовало.

– Окей, пойдет. Только замени «тоталитарный режим» на «абсолютную монархию».

– Папа, ты не понимаешь! Russian Empire did have totalitarian regime at the time...

Следующие десять минут прошли в напряженной дискуссии о тонкостях российского монархизма середины 19-го века и его роли в противостоянии с аварцами и чеченцами под руководством Шамиля.

– Ну хорошо, оставь как есть, – согласился я в конце концов, – спроси у сестры, закончила ли она математику.

– Муа фини! – послышался голос дочери, слышавшей нас и уведомлявшей меня на французском, что задание сделано.

Вдруг звонко залаял пес, и тут же послышалось скрежетание ключа в замочной скважине.

– Мама пришла! – крикнули дети почти одновременно по-русски.

Я устало вздохнул.

Мой педагогический стаж пополнился еще одним рабочим днем. Сейчас жена будет кормить детей, а я смогу спокойно почитать сначала «Нью-Йорк Таймс», а потом и «Литературный Кыргызстан».

Виталий НИШАНОВ

ДРУЗЬЯ И ДОРОГИ

Фрагменты будущей книги

Не большой любитель соцсетей (скорее большой их не-любитель), завел я, чтоб не совсем уж отстать от жизни, страничку в «Фейсбуке», куда захожу «раз в год по обещанию» и где моей памяти о давно минувшем не дадут задремать материалы о важных событиях в жизни дорогой моему сердцу Киргизии.

И вот однажды мое внимание невольно привлекли короткие заметки, ни к какому дню/событию не приуроченные, зато отмеченные мягким, ненавязчивым юмором, всегда обращенные в наше с вами прошлое, словно мало нам забот в нашем настоящем и еще больше в грядущем. Автор – мой земляк, преподаватель бизнес-школы в американском штате Вашингтон - имеет к литературе отношение лишь как читатель, в писателе не рвался ни разу, его вполне устроила скромная роль рассказчика. Но именно в этом качестве читать его захотелось всем и сразу, а тут еще и ненасытная фейсбучная публика расслабиться не давала, требуя хором «Жми, Виталий, пиши еще!..» И он продолжал «жать».

В общем хоре звучал и мой голос, слабо-слабо. Но вышло, что именно он привел к появлению заметок Виталия Нишанова в этом номере «ЛК» - журнала, в котором я когда-то имел счастье работать, о чем не забываю никогда.

*Валерий Сандлер.
Walled Lake, Michigan, USA*

Апрель-2020. В Сиэтле и его окрестностях – почти чрезвычайное положение, во всем штате Вашингтон бушует эпидемия, а в мире - уже пандемия. Наш университет закрыт. Сажу дома - карантин. Говорят, в подобных ситуациях вспоминается вся прошедшая жизнь. Но у меня, сколько ни напрягался, не получилось. Зато всплыли в памяти имена и лица друзей, с кем я хотел бы продолжить идти в любом направлении вечно.

Почти все мои дороги связаны с Кыргызстаном, как и люди, о которых я пишу. Многих уже нет. Захотелось написать о них. Записал первую историю - и память подсказала еще несколько, а ведь казались забытыми. Спешу восполнить пробел. Возможно, эти заметки окажутся интересными для читателей «Литературного Кыргызстана».

Эмиль

С юности меня много лет мучил двусторонний гайморит. Пункции с промыванием пазух помогали на несколько месяцев. Родители настояли на консультации в клинике профессора Абрама Львовича Брудного. Там я встретил своего будущего хирурга – Волынского, который не только поставил грустный диагноз, но и четко предсказал мое будущее. Он показал на худого парня в больничной пижаме и с опухшими щеками и сказал, что меня ожидает то же самое.

Парня звали Эмилем (Эмиль Джапарович Шукуров (1938-2019) - учёный, кандидат биологических наук, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской Республики, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики).

Мы познакомились. Он рассказал, что накануне пережил двустороннюю гайморотомию, и оптимистично заверил меня, что это не так больно, как кажется. Конечно, неприятно, когда тебе с помощью долота и молотка пробивают кости верхней челюсти. Под ударами молотка у него даже ноги подпрыгивали, не только голова. Но, по его мнению, мои кости должны быть заметно тоньше его костей, и мне не придется так подпрыгивать во время долбления. Его объяснения вдохновили меня на решение отложить неизбежное еще лет на десять...

Оказалось, Эмиль давно окончил университет и почти - аспирантуру в Москве, но вынужден был вернуться домой в связи с аллергией, астмой и гайморитом. У него было пре-

красное чувство юмора, и мы болтали о чем-то к взаимному удовольствию.

В то время я учился на первом курсе мединститута в городе Фрунзе. После зимней сессии учеба продолжилась уже в новом корпусе института. Там я во второй раз встретился с Эмилем. К моему удивлению, он преподавал... диамат. Как же так, ведь он биолог, сам мне говорил, что его специализация – орнитология, наука о птичках. Оказалось, что его пригласил Брудный проводить семинарские занятия со студентами, для которых Брудный читал лекции. Тут уж я вообще ничего не мог понять! Во-первых, я знал о враче Брудном, приятеле моих родителей, его именем названа ЛОР-клиника. Но он уже умер! Эмиль пояснил: то был старший Брудный, а есть сын Арон - друг его детства (Арон Абрамович Брудный (1932 - 2011) - советский и кыргызский психолог и философ, доктор философских наук, профессор. Представитель экзистенциального подхода. Создатель радикальной психологии. Один из первых ученых, привлекший внимание к философским проблемам общения и понимания).

«Как же ты, биолог, можешь преподавать философию?» - спросил я. Ответ Эмиля меня поразил: «Мне все равно, чем заниматься, только бы не мешали». Позже я понял, как он был прав.

Третий раз мы встретились с Эмилем уже весной. Он нашел меня на занятиях по биологии и предложил поехать с ним в короткую экспедицию в Чон-Кемин. Я не помню цели экспедиции, но не забуду ощущения счастья от всего, что с ней связано. Эмиль знал всех птиц по именам, умел их распознать даже по пению, мог сосчитать количество птиц в пролетающих стаях. А как он рисовал! Таких смешных карикатур я никогда не видел. Потом я узнал, что в Москве он брал уроки рисования у профессиональных художников и мог работать не только карандашом или пером, но и акварелью, маслом.

Экспедиция закончилась. Мы с Эмилем стали друзьями. Мне хотелось побывать на его семинарах (старшекурсники рассказывали, как интересно он их проводит), но мое расписание не позволяло этого сделать. Я не мог понять, что может быть интересного в философии и зачем Эмиль тратит на нее время. Иногда я спрашивал его об этом, но краткие объяснения не проясняли проблему.

Как-то раз мы встретились с ним на выходе из мединститута, и Эмиль пригласил меня заглянуть домой к Брудному.

Тот жил совсем рядом. Впервые увидев Брудного, я испытал легкий шок: профессор сидел на матрасе, лежавшем на полу, рядом примостилась девица в короткой юбке. Оказалось, это была соседка – студентка университета и его потенциальная дипломница. Алевтина Федоровна, жена Брудного, принесла чай, и нам пришлось тоже сесть на пол. Брудный рассказывал анекдоты, все смеялись, а я еще и краснел от неприличных слов. Потом Брудный спел песню, которую он недавно узнал, – «Вставайте, граф, рассвет уже полощется...»

Я почувствовал, что попал в какой-то новый, очень привлекательный мир. И был счастлив, когда Брудный пригласил меня в кружок для студентов, интересующихся проблемами психологии мышления. Периодически я заходил к Брудному, иногда вместе с его студентами или Эмилем. Брудный дал мне список книг, посоветовав их срочно прочесть. Срочно не получилось.

Арон Абрамович просто и увлекательно рассказывал о проблемах мышления, его хотелось слушать и слушать. Однажды я попал из-за этого в неловкую ситуацию. Он вызвал такси, чтобы ехать на какую-то важную встречу, и предложил подвезти меня домой. Я в то время жил около телевышки. По дороге Брудный продолжал свой рассказ, а я боялся его перебить. Когда мы миновали телевышку и уже приближались к другой части города, я признался, что мы уже давно проехали мой дом. Он только рассмеялся.

Вскоре я решил перевестись в Новосибирск. Переговоры с родителями шли трудно. Будучи врачами, они хотели, чтобы и я окончил мединститут. Эмиль решил помочь мне. Он пришел к нам домой и рассказал родителям, что НГУ даже круче, чем МГУ, так как организован на базе Сибирского филиала Академии наук. Поэтому преподают там настоящие ученые. Но когда я пошел его провожать, он сказал, что понимает, как важно для моих родителей, чтобы я продолжил их дело. Поняв, что я не изменю своего решения о переводе, Эмиль дал мне телефоны своих друзей в Новосибирске, добавив, что я всегда могу обратиться по любым вопросам. Так оно и вышло. Достаточно было сказать, что я от Эмиля Шукурова, и меня принимали как родного.

Пещерные приключения

Академотпуск сильно изменил мою жизнь. Родители приучали меня спать ночью и бодрствовать днем - как это делают нормальные люди. А по вечерам мы с умной овчаркой Джери отвлекали Галю от учебы. Подойдя к ее дому, Джери становилась передними лапами на окно, за которым скрывалась Галя, и, царапая стекло, начинала лаять. В ответ отзывались все собаки всех соседних домов. Гале приходилось выходить. И тут поведение Джери менялось, она забывала команду «Рядом» и шла не слева от меня, как положено, а протискивалась между нами. Сначала я думал, что это от ревности. Потом понял, что ей тоже хотелось быть ближе к Гале.

Я регулярно встречался с Эмилем, иногда мы заходили к Брудному. Эмиль в это время снова работал в Институте биологии и изучал летучих мышей. Как выяснилось, в Киргизии существовали редкие виды этих животных и ему надо было описать их. Самые редкие скрывались в пещерах.

Однажды Эмиль спросил меня, не хотел бы я приобрести опыт в спелеологии. Я тут же согласился, так как много читал о пещерах, но никогда в них не был. Оказалось, он готовит экспедицию на юг республики, где много пещер. Эмилю нужны были еще энтузиасты, и я предложил взять Руслана.

Нашим проводником стал Леонид Дядюченко (Леонид Борисович Дядюченко (1934-2005) – геолог, поэт, писатель. Публицист, киносценарист. Автор книг «Проводник из Чарвака», «Без нужды в Зардалю», «В пещерах Киргизии», «Какая она, Победа?», «Серебряный глобус», «Ждите ответа...» и других).

Водителем был Феликс, старинный друг Эмиля и единственный в моей жизни шофер, знавший наизусть стихи Гарсия Лорки. Поняв, что почти все члены группы причастны к поэзии, мы с Эмилем, чтобы не отстать от них, стали сочинять неприличные частушки.

Леонид Борисович Дядюченко был нашим проводником и гидом. Когда мы добрались до самой южной пещеры Каныгут, он рассказал, что здесь были когда-то китайские шахты, сам Ибн-Сина однажды спускался сюда и дошел даже до зала с «верблюдом». Оказалось, что много любознательных одиночек обрели в этой пещере вечный покой, так как в ее лабиринтах сложно не запутаться.

У меня неожиданно проявились способности, ранее тщательно скрытые: я оказался хорошим поваром (сказались

наши походы в горы) и лучшим в нашей группе скалолазом. В самом деле, я уже успел однажды побывать в альплагере и даже прошел пару уроков на скалах.

Вся экспедиция была набором прекрасных приключений, но два из них заняли особое место в моей жизни. Оба произошли в горах, недалеко от Оша, в последний день экспедиции.

Вечером, когда мы прибыли на место и устанавливали палатки, слышали далекие взрывы. Это в соседнем ущелье взрывали скалы, чтобы получить камень для строительства. Уже темнело, когда Леня Дядюченко показал вход в последнюю пещеру. На этом его миссия была закончена, и он улетел в город Фрунзе.

Наутро мы отправились в эту пещеру. Подойдя к ее входу, Эмиль обнаружил, что мы забыли в лагере какой-то прибор. Я побежал обратно в лагерь, а когда вернулся, никого у входа не нашел. Вошел в темноту, услышал вдалеке голоса друзей и поспешил их догнать. Добрался до небольшого зала и уперся в почти вертикальную стенку высотой не меньше двух метров. В ней было много хороших зацепок, но у меня одна рука была занята прибором, и я никак не мог приладиться к стене. Более того, я не мог понять, каким образом члены группы смогли преодолеть это препятствие. Ведь они, в отличие от меня, не имели навыков лазанья по скалам, и если залезли эти «чайники», почему ничего не получается у меня? Я был в отчаянии. Как же Эмиль проведет свое исследование без этого дурацкого прибора? Зажав прибор под мышкой, я смог освободить полусогнутую руку и взобрался на стену. Соединившись с группой, я спросил, как же они сами одолели стенку? Они ответили, что справа была лестница - неужели я ее не заметил...

Это был наш последний день. После обеда, пока народ отдыхал, мы с Эмилем решили прогуляться вверх по ущелью, посмотреть птичек и сделать снимки. По привычке взяли с собой фонарики. Из-за них все и случилось...

Где-то через час мы заметили подозрительную трещину в скалах и, чувствуя себя опытными спелеологами, решили ее исследовать. Трещина была ориентирована под 45 градусов, то есть позволяла проползать лежа на спине. Она подозрительно сужалась, пришлось продолжать движение на выдохе. Закончилась трещина просторным залом. Это была новая, еще не изведанная пещера (иначе Дядюченко знал бы ее).

Нас охватил восторг первооткрывателей, у нас были фонарики, и мы продолжили свое исследование. Нам очень хотелось удивить Леонида своим открытием.

В центре зала мы обнаружили дырку, напоминающую квадратную трубу. Чтобы пролезть в нее, мы сняли куртки. Труба делала поворот почти под 90 градусов, и наши колени не хотели следовать ее изгибам. Труба привела нас в маленький зал. Было ощущение, что одну тарелку накрыли другой, а мы оказались между ними. Из этого зала две трещины вели вниз. В нарушение всех правил, которым учил нас Дядюченко, мы разделились. Я полез в правую, а Эмиль - в левую. Мы договорились кричать друг другу для координации действий. Наконец Эмиль сообщил, что достиг тупика, сейчас повернет обратно и присоединится ко мне.

Наш спуск закончился дивным уютным залом с небольшим озером. Это был подарок. Пещерные озера – настоящее чудо. Мы присели на удобный камень у стены. Дыхание успокоилось, и мы смогли расслабиться. Все. Скоро наверх, а утром – домой. Хотелось продлить удовольствие. Была потрясающая тишина. Мы выключили фонарики. Вдруг в полной темноте и тишине раздался звук, какого не бывает в природе. Он был такой низкий, что его улавливал кишечник, а не ухо. В резонанс пришла и скала под нами и за спиной. После чего мы услышали шум падающих камней.

Подчеркнуто спокойно Эмиль предположил, что это был взрыв в соседнем ущелье. Я тоже спокойно уверил его, что никто не сможет нас найти, мы же и сами не знали, куда нас занесет. Когда мы добрались до трубы, то поняли, куда именно падали камни, – она была надежно завалена.

Мы стали методично исследовать потолок, он был довольно низким. Эмиль обнаружил очередную щель и попытался в нее пролезть. Я страховал его снизу, а он все протискивался и протискивался вверх. И тут я услышал его стон. Вот только тогда я почувствовал жуткий отчаянный страх. Потом ноги Эмиля ушли вверх. Я стал быстро ползти за ними. Фонарик мешал, я попытался засунуть его в карман, но промазал. В темноте мой нос уперся во что-то мягкое со странным запахом. Это было неожиданно, и неконтролируемый ужас на секунды охватил меня. Я услышал уже свой стон.

Когда я вылез, Эмиль отдыхал рядом. У вновь образованной трещины валялись наши куртки. Именно в них мы упирались ногами, выбираясь наверх.

Грустно, что почти все наши фотографии из экспедиции пропали...

Спецоперация «конторы»

У Эмиля был очень крутой фотоаппарат и невиданных размеров телевик. По специальному заказу он получил их под расписку в Институте биологии. Я же взял свой скромный «Зенит-3». При первой же возможности я просил Эмиля дать мне его камеру, чтобы поэкспериментировать с огромным объективом. Телевик был тяжелым и очень мощным – таких я еще не видел. Он предназначался для съемки птичек и летучих мышей. По словам Эмиля, этот телевик был сделан на самой лучшей в мире немецкой фирме Carl-Zeiss Jena. В то время это название мне ничего не говорило. Позже, уже в Америке, я обнаружил, что цены на фотоаппараты Leica, сделанные на Carl-Zeiss Jena, совершенно кошмарные: самая маленькая, скромная камера может стоить 2 000 долларов и больше.

Телевик был бесполезен в пещерах - не хватало света. Поскольку большую часть светового дня мы проводили под землей, телевик лежал в «оружейном» ящике (так назывался металлический ящик для самых важных вещей, возможно, в военное время в нем могли храниться патроны и взрывчатка). В редкие минуты между погружениями в темноту Эмиль фотографировал птичек, а я снимал пейзажи.

По дороге домой мы смогли отвести душу и снимать все, что хотели. Феликс останавливал машину, и мы делали уникальные кадры. В одном из ущелий Эмилю даже удалось сфотографировать редкую синюю птицу! Он был счастлив.

Спустившись с перевала Тоо-Ашуу, мы приближались к Калининскому, когда Эмиль увидел сидевшего на дереве шумкара. Мы остановились. Эмиль достал фотоаппарат с телевиком, но шумкар перелетел на другое дерево, стоявшее в поле. Мы снова остановились, но снимок опять не получился, так как шумкар заподозрил нас в недобрых помыслах и снова поднялся в воздух. После нескольких неудачных попыток Эмиль предложил сменить тактику и снимать из машины. Мы убрали боковину двери, Эмиль приготовил фотоаппарат, и Феликс неторопливо двинулся вперед. Удача! Шумкар ничего не понял и был многократно сфотографирован.

В городке Калининском мы остановились у книжного ма-

газина. В то время это был «почтовый ящик» - так назывались города и поселки, связанные с секретным производством. Все знали, что здесь работает завод по обогащению урана. Снабжение в «почтовых ящиках» было особым, поэтому наша охота за книжками оказалась не менее успешной, чем за птичками. Под этот заключительный аккорд нашего путешествия мы не обратили особого внимания, что у магазина какой-то газик припарковался почти вплотную к нашему. Хотя и «почтовый ящик», но деревня, подумал я.

Нам с Эмилем не терпелось проявить наши бесценные пленки и отпечатать фотографии. Пленок было много, мы обрабатывали их сразу в четырех бачках. Эмиль развел очень хороший проявитель и закрепитель (сегодня мало кто знает, что это).

Первая партия пленок вышла почти прозрачной, с трудом мы рассмотрели знакомые контуры пещеры. Стали выяснять, не могли ли мы перепутать проявитель с закрепителем. В тех же растворах мы обработали какую-то старую пленку, и она вышла великолепно. Дальнейший процесс обработки показал, что мы потеряли все снимки безвозвратно. И только две последние пленки оказались хорошими – те, которые случайно оказались в «оружейном» металлическом ящике.

Через пару дней Эмиля пригласили в КГБ, где очень вежливый офицер поинтересовался кругом его научных интересов, расспрашивал об экспедиции, о пещерах. Между делом уточнил, какие цели Эмиль преследовал на подъезде к Калининскому, почему останавливался и что фотографировал.

Дорога была пуста, а справа - безлюдные поля и одинокие деревья, облюбованные шумкармом. Кто нас мог увидеть? Как нас могли засечь доблестные труженики «конторы»?

На прощание офицер спросил, хорошие ли у нас получились снимки. Очень по-доброму улыбнулся, когда Эмиль ответил, что получились отлично. «Ну, так вы покажете мне их при случае», - с ласковой улыбкой попросил офицер. Похоже, он знал о нашей фототрагедии.

Когда Эмиль рассказал мне эту историю, стало понятно, что именно странный газик, припарковавшийся рядом с нашей машиной у книжного магазина, проводил спецоперацию. До сих пор я не могу понять, как им удалось разрушить эмульсию на пленках. Если бы они облучали, то пленки должны были засвеченными, черными. В нашем случае на некоторых из

них можно было разобрать слабые контуры снимка. То есть эмульсия была разрушена.

Но как они это сделали?!

«Демон Брудного»

После успешного внедрения компьютерной статобработки в Институте высокогорья я почувствовал эйфорию и был уверен, что вскоре мы сможем сделать и модель адаптации организма к гипоксии. Но внезапно умер наш научный консультант из новосибирского академгородка Алексей Андреевич Ляпунов. Руководство института предложило сменить тему. Новая тема не показалась мне интересной.

По привычке я поделился с Эмилем своими трудностями, и он в очередной раз удивил меня. Оказалось, что Эмиль опять ушел из Института биологии («мешали работать») и теперь он стал замдиректора Института философии и права. Ведет интереснейший проект «Принцип дополнительности». У него появилась возможность обсуждать с Брудным применение этого принципа к языку, социальным проблемам, биологии и даже кибернетике, поэтому мое участие ну просто необходимо. Но я сомневался, что своим умением программировать могу быть полезен Эмилю и философии.

«Нужен мозговой шторм с Брудным», - сказал Эмиль. И мы встретились втроем. И здесь я впервые увидел Арона Абрамовича как генератора идей. За несколько минут он предложил не меньше десятка проектов, и все они были связаны с общением, пониманием и компьютерным моделированием. Все проекты выглядели очень интересно. Я был сражен и перешел работать к ним.

Брудный покорял своей эрудицией и энциклопедическими знаниями: к нему регулярно приходил на консультации известный молодой математик Павел Панков. Периодически заглядывал и самый талантливый физик Ильдар Габитов (сейчас он работает в Ядерной лаборатории Лос-Аламоса и периодически читает лекции в университетах Америки и Европы). Приезжали из Москвы, Ленинграда, Киева известные психолингвисты, социологи и философы, чтобы провести у нас микроконференции. Кроме того, Брудный возглавлял Общество психологов. Началась невероятно бурная жизнь. И в этой жизни произошло много смешных и приятных событий. Правда, были и драматические.

Наш сектор выпускал сборники научных трудов. Разумеется, каждый из них открывался статьей Брудного. Нам, молодым научным сотрудникам, не хотелось, чтобы наши публикации выглядели уж очень плохо на его фоне. Мы старались. Неудивительно, что по утрам мы стояли в очереди, чтобы показать Брудному черновики будущих статей.

С моей точки зрения, у Брудного была слишком мягкая манера делать замечания. Он все больше хвалил, но закрадывалось сомнение, что он не хочет обидеть. Однажды он так похвалил нашего коллегу Юру Шестопалова, что тот весь день страдал. Брудный сказал, что в целом статья хорошая, но заключительное утверждение слишком сильное. Юра полдня мучился, объясняя себе и окружающим, что, мол, сейчас ему не положено высказывать слишком сильные мысли, так как он еще не защитил кандидатскую. Вот сделает ее, тогда уже будет можно. А пока – ну не положено. При этом он вопросительно смотрел на собеседника, надеясь получить поддержку.

Когда он поделился своими размышлениями со мной, я пояснил, что «сильное утверждение» не означает «умное». Например, утверждение «все люди – гении» является слишком сильным, так как только некоторые люди – гении. Юра с облегчением вздохнул. Он был хорошим переводчиком с английского, но в логике не был силен.

Все сотрудники нашего сектора имели образование в разных сферах, но мы все должны были исследовать процессы общения. Брудный регулярно давал каждому из нас список литературы, которую надо было изучить за неделю, каких-то 200-300 страниц. Для меня это было сложно: во-первых, я не умел быстро читать, во-вторых, в текстах попадалось много неизвестных слов, в-третьих, даже если все слова текста были известны, я не всегда мог понять смысл прочитанного.

К счастью, я вспомнил мудрую рекомендацию научного руководителя моего дипломного проекта профессора из НГУ Алексея Андреевича Ляпунова не читать публикации до тех пор, пока сам не сформулируешь свою точку зрения по проблеме. Помню, кто-то из студентов спросил его, как же это сделать, ведь мы ничего не знаем. Ляпунов ответил, что в этом случае надо заняться чем-то другим, где не требуется воображения.

Я с радостью забросил чтение и начал думать. Моя задача была простой – сделать компьютерную модель построения связного текста. Итак, текст состоит из фраз. Текст служит для

передачи мыслей. Не все фразы могут соединиться в текст. Мы умеем подбирать фразы, которые «вписываются» в текст, когда разговариваем или пишем. Как же мы это делаем?

Представим себе автомат, в котором сидит «демон Брудного». Демон должен знать правила построения связного текста. Осталось только сформулировать хотя бы пару правил, запрограммировать их и испытать на модели. Если модель не выдаст хорошие тексты, надо добавить еще какие-нибудь правила.

Таким образом, появился дополнительный смысл в жизни. Читать публикации стало проще и интереснее. Надо было лишь полистать книгу и минут за 20-30 выяснить точку зрения автора. Обнаружилось, что большинство авторов почти ничего не понимали в моей проблеме. Только пять-шесть исследователей высказывали конкретные идеи. Вскоре все их работы были тщательно изучены, но чего-то не хватало для модели. Тогда пришлось воспользоваться инструментом, который мы освоили еще в НГУ. Он назывался Current Contents. В этих журналах печатались заголовки статей из всех областей знания, которые будут опубликованы через пару месяцев. Если быстро отправить автору открытку с просьбой выслать копию статьи, то можно успеть ее прочитать еще до выхода журнала в свет. Скоро мой дом и даже наш сектор были завалены копиями свежайших статей со всего мира.

Брудный любил обсуждать работу «демона Брудного» за ужином. Для этого он приглашал меня в рестораны, которые хорошо знал и где его очень уважали. Это было вкусно. Но наслаждение едой и дискуссией омрачалось необходимостью записывать наши идеи. Для этого по настойчивой рекомендации Брудного я должен был использовать бумажные салфетки. Официанты и посетители восхищались процессом, а я страдал, так как писать на мягкой салфетке трудно, да и вообще я никогда не любил писать. В конце концов, мы стали ужинать у нас дома — это было удобно, мы жили рядом с академией, уютнее и вкуснее, так как Галя создала в нашей квартире такой микроклимат, что все рестораны померкли.

Когда вышел наш сборник, оказалось, что трое младших научных сотрудников, и я в их числе, стали победителями в социалистическом соревновании. Это было сюрпризом, так как мы не подозревали, что участвуем в каких-то соревнованиях. На ученом совете института глава профсоюзной организации нас торжественно поздравил, пожал руки и сказал, что

мы награждаемся тремя «моцАртами». Он вручил каждому из нас по пакету. Там были три долгоиграющие пластинки с божественной музыкой Моцарта. Это директор института Азиз Абдыкасымович Салиев, большой знаток музыки и человек с абсолютной памятью, специально подобрал для нас.

Вскоре «демон Брудного» в его первом приближении был воплощен в программу на ЭВМ М-220. Более совершенный вариант модели не удалось закончить в силу организационных причин. Зато удалось запустить еще одну модель по изучению процессов распространения информации (слухов) в обществе. Кстати, эта же модель применима и для анализа эпидемий и пандемий.

Праздник закончился неожиданно быстро. Появился новый директор (не хочу упоминать его имя ни днем, ни ночью), напоминающий доброго Сталина. Он ставил правильные вопросы, например:

- почему некоторые сотрудники не приходят на работу под предлогом, что они где-то решают какие-то задачи по ночам?

- какое отношение к марксистско-ленинской философии имеют ЭВМ?

- не протаскивают ли некоторые сотрудники буржуазные идеи под благовидным предлогом?

- не кажется ли вам, коллеги, что работы Нишанова страдают излишней теоретической глубиной?

Вот тогда я понял, что имел в виду Эмиль, когда говорил, что ему все равно, чем заниматься и где работать, лишь бы не мешали...

Пришлось и мне переквалифицироваться в университетского профессора. И эта дорога привела меня в места, о которых я никогда и не мечтал.

«Жажда знаний»

Впервые в жизни у меня появился шанс провести девять месяцев в Европе, из них пять - во Франции. Началась суета с добычей денег, со сдачей экзаменов и с освоением английского языка, так как программа подготовки магистров делового администрирования (Master of Business Administration, MBA) была только для студентов, владеющих английским языком.

В полете из Москвы в Марсель я пытался сформулиро-

вать для себя главные цели поездки. И тут я осознал, насколько велика моя «жажда знаний».

Во-первых, надо узнать, что люди находят в красном вине. Я уже неплохо разбирался в водке, но избегал коньяка, от которого всегда болела голова. Грузинские вина в Киргизии были недоступны, а молдавские и венгерские не производили впечатления на любителя водки. Как-то раз я попросил Роланда Павилениса (выдающегося ученого из Вильнюса), которого пригласил прочитать в КГУ лекции по семантике, найти аналог бургундского вина в репертуаре всего лучшего, что я смог купить для него. И он сказал, что «Медвежья кровь» из Болгарии могла бы сойти за аналог, но бургундское раз в сто лучше. Этим он меня еще сильнее заинтриговал.

Во-вторых, хотелось выяснить, действительно ли так хороши французские сыры. Еще до перестройки, в счастливое советское время, когда исчез сыр в городе Фрунзе, я охотился за этим деликатесом в двух московских магазинах «Сыры», один из них был на улице Горького, другой – около МГУ. Мне удалось однажды купить даже Дорогобужский сыр – один из самых ароматных в мире. О французских сырах доводилось только читать и слышать.

Кстати, слово «Бургундское» мне помогло на таможне в Марселе, где из 52 граждан, отобранных для учебы, был задержан только один – я. В принципе, этого можно было ожидать, так как милиционеры и таможенники всегда находили во мне что-то привлекательное. На французского таможенника не произвели впечатления мои слова о программе МБА и желании учиться в одном из лучших французских университетов. Но когда я достал из уже раскрытого чемодана учебник французского и показал ему картинку с винами и сказал, что никогда еще не пробовал Бургундского, он расцвел и пропустил меня.

Вино мы пили каждый день, начиная с обеда. В обед можно было взять в буфете лишь маленькую бутылку – 250 миллилитров, зато за ужином на столах стояли большие графины с красным, розовым и белым винами. Неудивительно, что вскоре наши люди стали мучиться изжогой.

Как человек, прошедший успешно три семестра мединститута, я посоветовал друзьям по страданиям отказаться от вина и перейти на правильные напитки. Так как правильные напитки стоили некомфортно дорого, было предложено проинвестировать в рискованный эксперимент. У меня была уверенность, что в любой аптеке обязательно должен быть этиловый спирт,

но я сомневался, что его можно купить в нужных количествах. В разведку мы пригласили коллегу-студента, который был профессиональным переводчиком с французского. В аптеке выяснилось, что спирт есть, цена смешная, но надо доплатить за бутылку. Узнав, что стоимость бутылки лишь ненамного уступает стоимости спирта в ней, мы сочли неразумным тратить такие деньги на тару, когда в общегитии остались литровые бутылки из-под пива.

Счастливые, мы вскоре вернулись со своей тарой, но нашего аптекаря, который обещал продать спирт, мы не увидели. Решили подождать, так как не знали - вдруг продажа спирта в больших количествах запрещена. Вскоре обнаружили странную ситуацию: мы стояли в центре зала, а французы-покупатели скопились в узком пространстве у стены, сзади нас. Между нами и прилавком образовалась пустота. Аптекарь приветливо махал нам ручкой, но мы отказывались подходить, так как ожидали того, с кем договаривались. Наконец к нам, как к специальным клиентам, подошел сам менеджер и, делая какие-то намеки руками и бровями, спросил, мол, мальчики, чем я могу вам помочь. Сильно стесняясь, мы сказали, что пришли за спиртом со своей бутылкой, так как договорились с его коллегой об этом. Напряжение спало, аптекари за стойкой вздохнули с облегчением, французы, стоящие сзади нас, - тоже, и мы тут же получили литровую бутылку прекрасного 96-градусного французского спирта высшей пробы.

Вскоре впервые в истории Пюирикара (городка, в котором мы жили и учились) во всех аптеках (их было всего две) закончился весь запас спирта.

Андре (Андрей) Волконский

Был март 1995 года. Французская часть программы МБА (Master of Business Administration) подходила к концу. Как-то получилось, что образовался круг французских друзей, которые считали нужным нас опекать, показывая свои любимые окрестности, приглашая к себе домой или в рестораны.

С Андре Волконским я познакомился случайно. Мы что-то отмечали в ресторане в Экс-ан-Прованса на улице Мирабо, где Андре любил прогуливаться вечерами. Он увидел за нашим столиком своего приятеля – князя Ангуладзе и присоединился к нам. Когда нас представили, Волконский неожиданно сказал, что у него есть вопросы ко мне и было бы хорошо,

если бы я нашел время с ним встретиться. Это был сюрприз для меня и еще больший сюрприз для моих друзей, так как они знали, что Волконский не очень общительный человек.

Мне рассказали, что Волконский родился в Женеве. Уже в детстве проявил музыкальный талант, который был отмечен Сергеем Рахманиновым. В 1947 году его родители переехали в СССР – так сказать, в стремлении «обрести корни». 14-летний Андре Волконский был принят на последний курс музыкального училища при Московской консерватории, которое через год окончил, прежде чем поступить в консерваторию, откуда был отчислен с последнего курса «за формализм в музыке». Оставшись недоучкой, продолжал писать музыку для себя и для фильмов, чтобы заработать деньги. Так делал когда-то и Альфред Шнитке. В 1965 году Волконский основал ансамбль старинной музыки «Мадригал». Несколько раз «Мадригал» бывал с концертами в городе Фрунзе. Здесь Андре встретил свою музу, о которой мне рассказал при нашей следующей встрече. Поняв, что больше не может выносить «счастливую» советскую жизнь, он уволился из «Мадригала» и через полгода уехал во Францию.

Через пару дней я позвонил Волконскому, и мы договорились встретиться в ближайшую субботу. Его дом был рядом с центром города. Оказалось, что он неплохо знал о жизни в Союзе, успев объездить много городов с концертами «Мадригала», и во время киргизских гастролей встретил и полюбил прекрасную девушку. В разговоре со мной Андре называл ее «моей родной киргизкой». Не знаю, почему они расстались, но было видно, что часть его души все еще связана с тем его прошлым и он хотел узнать подробности о жизни в Кыргызстане после развала Союза. Я был благодарен неизвестной мне девушке за наше знакомство с Волконским.

Мы что-то пили и почти не ели. Я осмелел и признался, что никогда не слышал его музыки. И тогда он включил магнитофон, предупредив, что сочинить эту ораторию было легче, чем найти певицу с божественно чистым сопрано. Музыка и голос были потрясающими. Мне показалось, что по силе воздействия это сочинение не уступает Карлу Орфу, других ассоциаций у меня на тот момент не нашлось...

Как пить бордо

Когда я вновь пришел к Волконскому с магнитофонными кассетами, он спросил: «Виталик, ты любишь бордо»? «Конечно, - ответил я, - особенно красное». Волконский обрадовался, сказав, что как раз для нашего мероприятия купил ящик красного бордо. (Кстати, бордо я никогда до этого не пил.)

От следующего вопроса Волконского у меня закружилась голова: «А с чем бы ты хотел пить бордо»? Мой разум отключился, я был голоден, работало лишь подсознание. Я с удивлением услышал свой ответ: «Мне кажется, что лучшая закуска для вина - это сыр. Но я не знаю, какой именно сыр подойдет к данному типу бордо». «Конечно, конечно!» - именно так, с «ч» вместо «ш», радостно отреагировал Волконский.

Я старался помочь ему накрыть на стол, начав с нарезания сыра. Меня заинтриговал кусок, завернутый в пожухлые виноградные листья. Любопытно, что под этими листьями сыр оказался тоже зеленоватым и с откровенным запахом. Пожалуй, запах был круче, чем у Дорогобужского сыра. В тот момент я вспомнил историю о сыре, описанную О'Генри, и решил попробовать эту экзотику.

Не успел я положить зеленый кусочек в рот, как услышал восклицание Волконского: «Что ты делаешь»? «Вот, решил попробовать», - тактично ответил я.

«Так сыр не едят», - вежливо сказал гостеприимный хозяин.

«О другом способе есть сыр я никогда не слышал», - попытался оправдаться я, поняв, что совершил какую-то ошибку.

Волконский попросил подождать пару минут, пообещав, что научит меня «делать правильно». Но прошло почти полчаса, прежде чем стол был накрыт. На нем, кроме сыра, было много всего. Двухкассетный магнитофон заправлен и включен на запись, первая бутылка бордо открыта, и пир начался.

«Хочу показать тебе, как есть корсиканский сыр, - сказал Волконский. - Начнем с вина». Мы чокнулись, и я услышал: «Стоп! Никогда не пей вино как водку, до дна». Я повиновался. «Возьми в рот маленький глоток вина и прислушайся к нему. Так! А теперь возьми кусочек сыра и поддержи его под языком. Ты должен почувствовать первую волну вкуса. Получилось? Продолжай держать сыр под языком. Через несколько секунд придет вторая волна вкуса, совсем другая, с еще более бога-

тым оттенком. О, вижу, ты почувствовал! Теперь сделай следующий глоток бордо».

Это был мой первый в жизни урок гармонии.

Вино оставалось тем же, но менялись сорта сыра и технология наслаждения ими. Почему-то в памяти очень ярко сохранились советы Волконского лишь относительно зеленого корсиканского сыра. Да еще его божественная музыка, посвященная любимой киргизской девушке.

Самое удивительное в этой истории, что несколько лет назад в одной из газет Кыргызстана появилась заметка о «девушке Волконского». Там была и фотография уже немолодой женщины. Как жаль, что я не сделал копию этой заметки.

ЛИТ. КУЛЬТ. ПАНОРАМА

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: «Любовь сотворила Вселенную... Вселенная вечна...»

Беседа с народным писателем
Чингизом Айтматовым

Много лет наш знаменитый современник Чингиз Айтматов жил в равной мере и как писатель, и как посол своей страны. Несмотря на то что он находился далеко, любовь к Родине, где он родился и вырос, порождала в нем заботы и печали, из которых прорастали глубокие думы. Это чувствовалось и в нашей беседе.

В сердце этого писателя спрятаны тысячи клубков мыслей, о которых хотелось говорить. В беседе нашей мы останавливались на некоторых из них, внимательно обсуждая то, что нас интересовало. До глубокой ночи мы вели долгую беседу с Чингизом Айтматовым, в которой он поделился ценными и поучительными думами над вечными вопросами о времени, об обществе, о политике, о литературе, о языке и вообще о человеческом бытии. Звание всемирно известного Человека – это очень почетная, но крайне тяжелая ноша. Мы беседовали с ним перед его отъездом в далекую Европу. Нам казалось, что, еще не покинув свою Родину, не уехав в дальние края, он уже соскучился по Родине, чувствует тоску по ней.

Вначале хотелось бы сказать, что прошло уже 12 лет, как Чингиз Айтматов оставил нас, ушел в иной мир, но кажется, что его дух, его образ и сегодня находятся рядом с нами, живут с нами. Чем дальше уходит время, тем совершеннее и четче обрисовывается образ его мыслей. Он становится для нас еще более значимым, как вершины гор, с которых никогда не сойдут ни белый снег, ни синий ледник. И каждое его Слово, не уменьшая ни своей значимости, ни

своей глубины, ни своего значения, становится своеобразной закваской не только для сиюминутных мыслей, но и для вечных идей.

Несмотря на то что эта беседа со знаменитым писателем состоялась 16 лет назад, она и сегодня не потеряла своей актуальности. И поэтому, дорогой читатель, мы решили содержание беседы с Чингизом Айтматовым предложить сейчас вашему вниманию.

Это интервью вошло в восьмитомный сборник сочинений Чингиза Айтматова как лучшая беседа с ним.

Султан Раев

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, сейчас, на переломе веков, когда на переменчивой мировой сцене происходят столь глубокие изменения, быстрые повороты в развитии, что человек даже осознать сразу не может всего этого: нарушения геополитического равновесия, последствия всеобщей глобализации, охватившей человечество, и это все меняет сознание человека, заставляет нас задуматься о нашей земле, о нашем народе. Всеобщая информационная сеть опутала и перемешала все человеческие понятия о ценности, а мысли и предположения о будущем человечества обретают невероятные формы, когда жизнь меняется не по программе, заданной природой, а в прямой зависимости от наличия и признания силы экономической, военной. Какая судьба ожидает наш народ?

Однажды вы в одной из телепередач сказали: «Я подобен духовному отцу нации». Не вдаваясь в рассуждения о глубинном смысле этого высказывания, мы должны остановиться на одном связанном с ним вопросе. Действительно, сейчас трудно себе представить высоту национальной интеллектуальной мысли без Айтматова. Ведь сегодня наша нация в мировом пространстве уже прошла свою самоидентификацию, завершила процесс формирования. Однако сегодня общество, государство нуждаются в настоящих духовных ценностях, идеях, но мы еще не слышим голоса нашей интеллигенции, в частности, нашей творческой интеллигенции. Вместо этого главенствует флюгерная трафаретная политика полуграмотных «политиканов», зависимых чиновников. Общество напоминает «сливкам общества» о духовном долге перед нацией. Именно поэтому хочется снова бросить вопрос Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

Еще в 1980-е годы, когда господствовал коммунистический режим, голос Айтматова был голосом эпохи, голосом нации. И сегодня все, кто считают себя сынами своего народа, хотят услышать ваш голос. Что вы думаете о судьбе кыргызского народа, о его будущем в нынешнюю эпоху всемирной глобализации?

Чингиз АЙТМАТОВ: – Сегодня мир усложнился, и усложнился не по тому сценарию, который мы раньше предполагали, в своем развитии он пошел по другому руслу. Находясь в центре не ежедневных, а ежечасных изменений на мировой арене и видя все эти процессы, я все время говорю об этом. Как бы там ни было, но всегда ты прежде всего думаешь о той земле, где ты родился, о своем народе, своей стране, а потом только начинаешь размышлять обо всем остальном мире. Действительно, человечество в своем развитии находится ныне в эпохе активного взаимного обмена и взаимной помощи. Но сколько бы сейчас ни говорили, ни приводили примеров изменений и непостоянства истории, всегда на переднем плане находятся человек, народ, породившие эту историю.

Однажды в одном из интервью я сказал: «Мир изменил нас, и мы изменили мир». Действительно, в этом заключен парадокс жизни. Иногда человек сам страдает от сделанного собственными руками. Несмотря на то что глобализация создана человеческим мозгом, она ставит перед этим человеком сложные вопросы, загадывает удивительные загадки. Но, как бы там ни было, всемирная глобализация – это великая вещь, процесс, который охватил весь мир. И объяснить этот процесс одним словом сложно.

Все наши великие писатели - от Шекспира до Достоевского - всегда искали «человечность в человеке». Только тогда, когда мы научимся хранить духовные ценности, человечность в человеке, глобализация не будет бросать будущему человеческой жизни загадочные призывы и сама порождать вопросы. На мой взгляд, обязанности сегодняшних творческих, духовных интеллектуалов заключены в сохранении духовных истоков в природе человека. Ну а те наши понятия, о которых ты говорил (народ, земля, государство), сегодня не нуждаются в голословных призывах, в обнаженной любви, в патриотизме с биением себя кулаками в грудь.

С тех пор как рухнула советская система, время, определив новое направление развития, поставило этим перед нами сложные вопросы. Если все происходящие в мире локальные

или тотальные события тогда казались нам проходящими где-то там, далеко от нас, то теперь прямо перед нашими глазами развернул свои действия театр мировых событий. Это все те же события в Афганистане, Ираке, действия вооруженных сил НАТО, религиозный экстремизм... китайский фактор... терроризм... Мир, став сильнее, поставил свои знаки на новых поворотах. Сейчас нам приходится решать не только свои внутренние небольшие национальные проблемы, но и задуматься о расположении сил на реальной карте мира. Вместе с тем что мы стали отдельным самостоятельным свободным государством, перед нами на передний план вышли вопросы, которые не зависят от нашего мнения, но вынуждающие считаться с мнением остальных стран мира. Если смотреть с этой точки зрения, перед собой мы увидим много сложных проблем.

Мы сейчас обязаны смотреть на мир с высоты международной точки зрения. Сможем ли мы стойко противостоять иным международным явлениям, которые налетают на нас порой как бешеные вихри? Противостоять – это не значит «драться», это значит все взвесить на весах разума – соперничество, политику, видение на мировой сцене пути нашего развития, размышление о том, каким будет наш завтрашний день... С кем, с какими идеями мы будем плыть в одной лодке, в одном направлении по этому океану международной политики? Думаю, это актуальный для нас вопрос, давно уже вышедший из орбиты наших повседневных бытовых проблем. У нас должно быть свое место, свое направление движения и развития в мировой интеграции.

Ну а жить в нынешнем сложном мире только своими национальными вопросами и проблемами, значит, забиться в угол. Мы никогда не сможем рассматривать будущее нашего народа в отрыве от мировых реальностей, как не сможем вообще отказать его рассматривать. Хочу еще раз повторить основную мысль моей повести «Пегий пес, бегущий краем моря»: «Мы, люди, все в одной лодке, перед нами великий океан». Как бы там ни было, мы не хотим, чтобы эту человеческую лодку захлестнула волна нынешнего беспокойного времени. И не повернет ли эта бешеная беспорядочная ситуация в мире наше государство в другое направление? Но, как бы там ни было, мы никогда не должны отказываться от наших духовных, культурных истоков, не должны терять свои национальные ценности.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, как бы широко в мире ни развернулся процесс глобализации, не все прогрес-

сивные явления в мире показывают свои только хорошие стороны. В нынешний ненасытный век информации экономика в погоне за прибылью оттолкнула на второй план сферу духовности, совести, и сейчас уже ясно видны признаки мирового духовного кризиса.

Духовный кризис начинается с кризиса корней, с кризиса языка как духа народа. Часто пишут, что в мире ежегодно исчезают нации, языки. Если посмотреть с этого ракурса, вопрос сохранения языка равен вопросу сохранения всей нации. Но сейчас часто национальный язык превращают в политический вопрос в своих узкокорыстных целях, ведут вокруг него разные политические игры, которые мы считаем преступлением против своего материнского языка. Чингиз Торекулович, если рассматривать данный вопрос в этой плоскости, как вы считаете, наш национальный язык не отошел ли от официальной жизни нашего государства?

Чингиз АЙМАТОВ: – Вопрос языка – это прежде всего вопрос нации. Какая бы ни была нация, ее бессмертие - в ее языке. Ребенок впитывает язык с молоком матери. Преступление против языка надо расценивать как равное преступлению против нации. Вот сейчас мы объявили кыргызский язык государственным, всюду говорим, что кыргызский язык – это государственный. Да, так по закону. Но на деле этот закон исполняется?! Куда бы ты ни пришел – везде все на русском языке. Я не отношусь плохо к русскому языку. На это нет никаких оснований или причин. Это великий мировой язык. Мы должны использовать русский язык как мост, как средство. Ну а если кыргызский язык не сможет развиваться в своей среде, то где же ему еще развиваться? При коммунистической системе, когда властвовал авторитарный режим, я одним из первых поднял проблему родного языка. В то время такая постановка вопроса языка воспринималась как проявление национализма. И даже некоторые печатные издания навесили на меня клеймо «националиста», все знают, что все мои мысли о сохранении национального языка они называли «проявлениями национализма». Но если я, писатель, не буду ставить вопросы национального языка, тогда кто их поставит?! Скажу правду, я готов был пожертвовать своей головой ради нашего национального языка. Вопрос языка и сегодня не потерял своей актуальности. И сегодня он стоит остро. Думаю, что основным фактором сохранения и дальнейшего развития национально-го языка должно быть то, чтобы он был основным атрибутом

государственной политики и тесно связан с официальной жизнью государства. Если он будет отстранен от официальной жизни страны, другими словами, если он будет отстранен от мероприятий на высшем государственном уровне, тогда он станет языком повседневного бытового общения и потеряет свою общенациональную значимость. Нам необходимо создать большую систему развития языка. Многие сейчас говорят, что наш национальный язык еще не сформирован как язык политики, язык экономики, язык закона. Считаю, что это значит падение уважения к национальному языку. Необходимо вести особую государственную политику, создать особую культуру языка, особую систему для того, чтобы поднять язык до такого уровня.

Пока мы не создадим подходящую среду для развития национального языка, мы не сможем его полноценно развивать. Сейчас необходимо вести языковую политику еще до Жогорку Кенеша, до правительственных заседаний и протоколов, а уже в детских садах. Национальный язык является великим богатством, доставшимся нам от наших предков, пронесших его через множество веков. Это значит, что нашей обязанностью является передать его в целости и сохранности нашим потомкам. Если мы не донесем его до следующих поколений, тогда исчезнет не только язык, но и сама нация. Ответственность перед языком равно несут все – начиная от простого гражданина до самого президента страны. Если мы не почувствуем эту ответственность, тогда не будет ничего хорошего для народа. Однако оставаться только в сфере языковых проблем нельзя – это не приведет нас к прогрессу. В сегодняшнем изменчивом мире являются жизненной необходимостью полноценное знание о мире и взаимодействие со всем миром. Из этого положения я вывел следующую формулу: сейчас время двух стремлян, пока не вложишь обе ноги в оба стремени, а будешь пользоваться только одним – конь вперед не двинется, об этом не надо забывать.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, когда-то вы сказали: «Кыргызский язык – это моя правая рука, а русский язык – левая рука». Все последние свои произведения вы писали «левой рукой», не значит ли это, что левая рука все же ближе к сердцу?

Чингиз АЙМАТОВ: – Нет. В нынешнее время язык – это уже не только средство коммуникации, но и средство миропознания. Хотим мы того или нет, чаще всего именно через рус-

ский язык мы узнаем мир, получаем всю международную информацию, можем приобщиться к мировым ценностям. Самое главное - здесь дело не в языке, а в том, что на сердце. Если человек в сердце своем свято чтит свой коренной язык, он никогда не сможет забыть его. Для кыргыза оба этих языка – как два крыла для птицы. Язык – это могучая сила, способная расширить для человека его жизненное пространство. Для меня кыргызский язык самое святое - это и Родина, и мать-земля, где остались капли моей крови из перерезанной пуповины. На какую бы высоту я бы ни поднимался в этой жизни, я благодарен за это великому духу родного языка.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, у вас есть глубокомысленное высказывание о народе, не ценящем свой язык: «В этом мире ничто не сможет стать подпоркой для вас». Эти слова не только о человеческой жизни, но и о стыке эпох, о переходном времени, об итогах и оценках пути.

С течением времени меняются ценности, а человеческий разум начинает искать в другой системе понятий для себя новое пространство. Таково вращение колеса жизни. Сейчас нельзя сравнивать Ромео и Гарри Поттера, оба они продукты разных эстетик. Но пытаться уцепиться за ветвь прибрежного дерева, несясь по течению бурной информационной реки, - тоже абсурд.

Однажды, летя в самолете над Германией в город Бремен, я увидел в руках своего немецкого попутчика вашу книгу. Тогда в своей душе я почувствовал настоящую гордость кыргыза за своего земляка, знаменитого писателя, который сумел завладеть сердцем немецкого читателя. Сейчас Европа является океаном разнообразной литературы. И кажется странным, как в этом разнообразном мире писатель из далекого неизвестного Кыргызстана превратился здесь в писателя, которого любят европейские читатели?

То, что исследователи литературных рейтингов признали Айтматова самым читаемым в мире писателем, и не только это, но и то, что во Франции больше двадцати раз была переиздана «Джамия», что изучение творчества Айтматова было включено в учебный материал школьного образования Старого Света, – это все не «придуманная история», а явь.

Учитывая, что европейские читатели – самые придирчивые, для кого бы то ни было интеллектуальная конкуренция на этом рынке всегда стоит остро. Исходя из этого, хочется вам задать следующий вопрос: трудно ли создать себе имя

великого писателя, трудно ли удержать это почетное звание? Когда подобный вопрос задали Габриэлю Гарсиа Маркесу, он ответил, что сделать первое просто, а второе – очень сложно. А как вы ответите на этот вопрос?

Чингиз АЙМАТОВ: – Ответ на этот вопрос ставит меня в неудобное положение. Если бы меня спросили, что для меня самое трудное в этом мире, я бы ответил - оценивать самого себя, говорить о себе. Европа - начиная от Финляндии и до самой Германии – это все индустриальное пространство, где говорят на разных языках, и во всех этих странах, на каком бы языке там ни говорили, вышли на их языках мои книги. Действительно, писателей, которых опубликовали один раз, много, но тех, чьи книги много раз переиздаются, мало. Конечно, я испытываю гордость от того, что мои произведения оказались в числе этих немногих. Европа – это те страны, в которых не смотрят ни на какие авторитеты, где оценивают человека по его конкретному труду.

Рабочее расписание каждого дня для меня заполнено разными встречами. Каждая встреча для меня – это словно открытие нового мира. Само это для меня духовное общение, душевная связь. Какой бы формы, какого бы уровня ни были эти встречи, прежде всего на них говорится: «Кыргызский писатель Чингиз Айтматов». Слушая с огромным удовольствием эти слова, я словно на резвом скакуне своих грез возвращаюсь на свою Родину. На таких встречах говорится о самом разном. Все хотят услышать о Кыргызстане, они интересуются, я отвечаю. В этих разговорах по душам европейцы открывают для себя окно понимания, знания о далеком Кыргызстане. Кто-то что-то услышит о Кыргызстане на этих встречах, потом передаст другому, таким образом разговор наш караваном разойдется во все стороны. В этот раз тоже планируется больше десяти встреч. Их подготавливает мой переводчик Фридрих Хицер. Хочу сказать, что в Европе я несу службу не только как посол своей страны, но и как посланник для духовной связи. Это потому, что мы должны открыть друг для друга духовные родники этих двух миров. Без этого мы не сможем построить между нами духовный мост.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, открытие окна в мир, особенно для нашего молодого независимого государства, очень важно. Хотим мы того или нет, но мы должны избрать для себя путь развития, опираясь на опыт других стран. Таков естественный закон мировой цивилизации. Но слепое

подражание другим странам - в той стране это так, а в другой эдак - может обратить нас в «хромую утку».

Принцип слепого подражания разным странам – это словенно желание сидеть одновременно у двух костров на разных пастбищах. Рассматривая различные мировые модели процесса развития, государственного устройства, мы должны отобрать для себя наиболее нам подходящие. Японцы развивались только по одной формуле: «Европейское знание, японский дух». Величие этой восточной страны заключено в том, что хоть она и отдала все свое внимание техническому развитию, но дух свой не отдала никому. В этом и заключена национальная особенность японцев! Они хранят свой национальный дух, как храм святой!

Чингиз АЙМАТОВ – Конечно, этот вопрос очень важный. Здесь нужен системный подход. Какое бы мы ни хотели создать государственное устройство, какое бы направление развития страны мы ни выбрали, прежде всего мы должны думать о главном богатстве страны – о нашем народе, выбрать гуманную политику по отношению к нему. Государство создано для служения народу. Действительно, ничему не учась у других, мы не сможем развиваться, но, даже учась у других, мы должны помнить, что их опыт развития никогда не станет для нас готовым рецептом. Вот мои земляки-таласцы посеяли фасоль, все лето лили пот, выращивая его, но, собрав урожай, они не могут его никому продать. Что это? Разве таким путем мы должны идти к рыночной экономике?! Рынок – это не только подсчет барышей, это прежде всего особая система определения мировых спроса и потребности.

Ты говоришь о японцах, а они как раз никогда без изучения спроса и потребностей рынка не станут на авось производить свой товар. Нам необходимо избавиться от такой психологии, когда что-то делаешь, а потом думаешь: «Как Бог даст! Найдем потом какой-нибудь выход!» Таков жесткий закон рынка. Мировой опыт должен нам помочь в развитии. Да, путей развития много, но мы сами должны выбрать для себя один из них. Нынешний повальный «сель» развития, когда технический прогресс стирает национальные особенности нации, – это очень опасная тенденция. У каждого прогресса есть и своя обратная сторона. Человеческий мир интересен своей полифонией, своим разнообразием, разными языками, разными нациями. Сам мир интересен своей многогранностью. Стандартизация человеческой жизни означает уничтожение

человека как личности. При гегемонии одной культуры никогда не сохранится мировая гармония.

Я, как писатель, как человек, выступаю против стандартизации мировой культуры. Я хочу сказать, что нам необходимо сохранить нашу национальную особенность не только в духовной сфере деятельности, но и в модели государственного управления. Опыт развития японцев, о которых ты говорил, может послужить здесь ярким примером. Несомненно, основная идея демократических государств нацелена на многополярность, разнообразие. Только когда мир будет развиваться со всем своим разнообразием – он будет развиваться! Но в этих условиях развития мы должны избрать для себя свой путь присоединения к настоящей цивилизации, такой путь, где мы не потеряем сами себя. Самое главное - мы должны адаптироваться в системе мирового развития, сумев сохранить при этом свои национальные особенности. И тогда уже мы не сойдем со своего пути, не потеряем своего направления развития.

Султан РАЕВ: – Сейчас индийские ученые проводят интересные эксперименты над душой человека, его второй жизнью. Американцы выдвинули научную гипотезу о вечности души человека и считают реальным взаимообмен душами. Конечно, все это мы можем назвать темами для каких-то фантастических произведений, но и в истории философии о вечности человеческой души были высказаны самые разные мнения. Чингиз Торекулович, по вашему мнению, в чем заключена ценность человеческой жизни? Если бы вы заново родились, то с чего бы вы начали новую жизнь?

Чингиз АЙМАТОВ: – Перерождение, вторая жизнь – все это человеческие фантазии. Ценность человеческой жизни - это вопрос большой философии. Каждый должен решить сам, в чем он видит ценность человеческой жизни. Я бы сказал, что для меня она заключена в вере. У каждого человека есть своя тайная, сокровенная вера во что-то. Эта вера дает человеку не только хорошее, чистоту, но еще и порождает мысли, думы, вселяющие надежду, что когда-нибудь он придет в этот мир.

Султан РАЕВ: – Авиценна сказал когда-то: «Я нашел лучшее лекарство, это вера».

Чингиз АЙМАТОВ: – Верно. Если у человека нет веры, то для него и день, и ночь, и месяц, и сама жизнь кажутся лишь какой-то подделкой безрадостной жизни. Настоящая красота жизни – это вера, и счастье ее – это вера.

Султан РАЕВ: — И в Святой книге сказано: «Без веры человек — дьявол».

Чингиз АЙМАТОВ: — Вера — это не слепая рабская покорная вера, это вера в ценности этого мира, признание великих ценностей. Одной из этих ценностей является жизнь. Жизнь ценна сама по себе. Если мы считаем жизнь как высший подарок Создателя, то мы должны знать его ценность, ценить этот подарок. И мысли человека и его надежды принадлежат времени. В своих мыслях человек говорит: «Если я заново приду в этот мир, с чего я начну новую жизнь?» С чего надо начать жизнь?

Вчера я говорил детям, что автомобиль сейчас стал как коробок спичек. В нашей молодости автомобиль считался особой роскошью, в детстве мы мечтали, что, когда вырастем, обязательно станем шоферами. Однажды в наш детский сад, в который я ходил, пришел Райкан Шукурбеков и спросил меня: «А ты кем станешь, сын Торекула, когда вырастешь?» Я ответил: «Я буду шофером». Это потому, что, когда мы видели проезжающую мимо машину, мы бежали за ней следом, появление автомобиля для нас было большим радостным событием. А сейчас, если спросить об автомобилях у детей, они ответят прямо противоположное. Мечты человека всегда соответствуют своему времени. Человека можно понять только в рамках его времени жизни. В детстве все для нас было большой новостью.

Султан РАЕВ: — Когда у Льва Толстого спросили: «Что для вас было самой крупной потерей в этом мире, которую вы ищете всю свою жизнь?» — он ответил: «Истина». Вы, как художник, как творческая личность, смогли ли найти в этом мире свою истину?

Чингиз АЙМАТОВ: — Тот, кто скажет с уверенностью, что нашел Истину, ошибается. Необходимо постоянное стремление к Истине, неустанное стремление. Стремление — это бесконечная дорога к Истине. И сама Истина не имеет ни конца, ни начала, она подобна этой дороге. Но не все пути ведут к Истине. Путь к Истине очень сложен, порой мучителен. Но основная Истина — в судьбе, в жизни, в истории — всегда ведет к добру, к гуманизму. Человек должен жить, посвятив свою жизнь Истине.

Султан РАЕВ: — Как вы относитесь к высказыванию: «Истина — это высший разум»?

Чингиз АЙМАТОВ: — Дело не в том, как я отношусь к

этому. В своем романе «И дольше века длится день» я показал, во что превращается человек, которого лишили высшего разума, правды. Лучшего образца для этого, чем манкурт, не найдешь. Человек, лишенный разума, не остановится даже перед убийством своей матери, женщины, родившей его. Если раньше люди, лишенные разума - манкурты, были героями моего произведения, то теперь они превратились в реальных людей. Как их по-другому назвать, как не манкуртами, тех, кто в разных уголках мира сегодня проводит террористические акции против людей, часто даже себя не жалея при этом?

Султан РАЕВ:— Чингиз Торекулович, если в свое время ваш тезка Чингисхан покорил весь мир саблей, вы сумели «покорить» мир своим пером. В чем, по вашему мнению, заключается разница между тираном и гением? Как бы ни была парадоксальна эта жизнь, в истории навечно останутся имена только двух человек. Одним из них будет тиран, а второй — гений.

Чингиз АЙТМАТОВ: — Нельзя сравнивать тирана и гения. Но даже если история доносит до нас имена, определяя - кто из них тиран, а кто гений, имя одного из них поминается с почтением и уважением, а имя второго — с проклятием. Само слово «тиран» — это проклятие. Это человек, который построил свою власть на человеческой крови, собирал на ней свое богатство, но так и не насытился ни богатством, ни властью. Тираны мечтали покорить себе весь мир, захватывали государство за государством, разрушали цивилизацию. Отбрасывая назад цивилизацию, эти хищники в человеческом облике строили свои власть и богатство на океане человеческих слез, на реках человеческой крови. Да, их имена остались в истории, но имена эти всегда вспоминаются с проклятием. А гении — это строители мира, созидатели. Они, словно пророки, создают для человечества новые художественные миры, обновляют душу и дарят человечеству новые силы.

Султан РАЕВ: — Чингиз Торекулович, исследователи западной литературы в последнее время пишут, что число читателей, книголюбцев, в мире снизилось на 27 процентов потому, что в современной литературе наблюдается «дефицит сюжетных линий». По их предположению космическая скорость мирового развития, когда информационная коммуникация стала частью жизни человека, мировая экспансия «планетарной паутины» интернета — все это постепенно приведет к деградации природы человека, что будет предпосылкой зарождения

нового больного «компьютерным вирусом» получеловека, человекоподобного существа. Придерживающиеся другой точки зрения по отношению к развитию человечества видят причину будущей деградации человечества не в литературной бедности, а в сужении рамок духовных требований к человеку. По итогам исследования читателей признано, что сейчас самыми читаемыми книгами должны быть Библия и Коран. В чтении этих великих книг видится один из путей выхода человечества из духовной нищеты. История мировой литературы нам показывает, что великие писатели Гете, Достоевский, Толстой, Томас Манн, Булгаков, достигнув в своем творческом развитии писательской вершины, обратились к «поискам Бога». И вы тоже в своем творчестве в последнее время часто используете религию как основной атрибут. Как бы вы объяснили нам это?

Чингиз АЙТМАТОВ: – Религия сама по себе велика. Ее величие можно увидеть в призме всеобщего развития человечества. Сколько стран в этом мире разрушилось, превратилось в золу, сколько цивилизаций полностью исчезли с лица земли. В мире менялись эпохи, времена, но религия не была стерта из человеческого сердца, из человеческой души. В этом великая ценность религии. В религии мы ищем тайны человека, Вселенной, в религии мы ищем великую силу, способную очистить наши душевные мироздания. И я сам размышляю в меру данных мне сил, в меру своих способностей, что такое религия. Насколько нам надо отдаться религии? Насколько мы можем довериться ей? Размышляя над этим, я, как писатель, как человек, пытался найти ответы на эти вопросы в своем романе «Тавро Кассандры». Сейчас литература, как ты сам заметил, развивается не по своим старым известным правилам и критериям, события разворачиваются не развитием сюжета, а произведение сеет в человеческий разум, в чувства, в его осознание себя, в его душу духовные ценности совершенно другими путями. Сейчас появилась литература размышления, толкающая читателя к новым думам, новым выводам. Сейчас писатели перешли от прежних знакомых сюжетов к сложным размышлениям. Вместе с этим такая литература улучшает мир читателя, наполняет его новыми ценностями, создает условия для открытия новых бесчисленных возможностей окружающего мира. Мой роман «Тавро Кассандры» – один из примеров моих попыток писать в подобной форме. И Коран, и Библия нацелены на очищение души человека, на то,

чтобы показать ему все существующие пути развития. В этом смысле настоящая литература созвучна великим словам, несет в мир их смысл.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, какое бы мы ни раскрыли из ваших произведений - «Джамиля», «И дольше века длится день», «Прощай, Гульсары!», «Красное яблоко», - всюду вы прославляете любовь. Говорят, что достойно прославлять любовь может только тот человек, который сам умеет любить. Хотелось бы еще раз услышать об этом человеческом чувстве ваше мнение.

Чингиз АЙМАТОВ: – Без любви нет жизни. Полностью описать чувство любви невозможно, это бесконечная, бескрайняя тема. Все великие дела в мире посвящены любви. И человек, и Вселенная порождены Любовью. Любовь – это сама вечность!

Султан РАЕВ: – Вы много путешествуете по миру. Как часто вы думаете о родной земле, о родном народе?

Чингиз АЙМАТОВ: – Как же не думать, конечно, все мои мысли только этим и заняты. Конечно, находясь за границей, я сильно скучаю по своей земле, по своему народу. Но все в этом мире заканчивается, и в конце концов я всегда возвращаюсь на свою Родину, к своему народу.

Султан РАЕВ: – Чингиз Торекулович, как вы относитесь к высказыванию: «Лучшая моя книга еще впереди, она скоро будет написана»?

Чингиз АЙМАТОВ: – Верно. Я до сих пор верю в эти слова, иногда огорчаюсь. Времени у меня мало, а дел, которые надо сделать, - много. Но такова уж природа писателя, произведение, которое ты еще не написал, которое еще у тебя в голове, кажется тебе совсем иным. Всегда думаешь, что потом оно станет новостью, даст новую надежду. Действительно, самая лучшая книга всегда впереди, она еще не написана.

2004 год

АЛЕКСАНДР КРЯЧУН – ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ ЗЕМЛИ РОДНОЙ

Вероятно, уже пора официально объявлять и вписывать в историю литературы Кыргызстана факт появления в русскоязычной литературе целой и крепкой ветви современных писателей, которые обогатили ее совершенно другим подходом к своей писательской миссии. Эти писатели – до мозга костей патриоты родной земли. На ней они не только выросли, но и посвятили свою жизнь ее изучению в прямом смысле – в качестве путешественников, геологов, геодезистов, альпинистов, дайверов, спелеологов. Их следы остались почти на всех хоженных и нехоженных тропах горных вершин нашей страны, на прибрежных песках и в глубинах высокогорных озер и рек. Их познания во всех областях, касающихся родной земли, поражают не только своей глубиной и разносторонностью, но и азартным интересом к природе, какой-то особой, бережной любовью к ней. Эта привязанность, близость к природе, непрекращающийся интерес к ней обострили их чувства, писательское внимание, зрение.

На эту литературу можно смотреть с трех сторон. Первая: произведения этих писателей выгодно обогатили литературу пейзажными описаниями благодаря специальным знаниям о Земле, ее поверхности. Вторая сторона, более важная – эти писатели не кабинетные творцы, они во многих случаях описывают жизненные перипетии, которые сами пережили. Понятно, что жизнь геологов, геодезистов, альпинистов сопряжена со многими опасностями, риском и непредвиденными обстоятельствами. В результате им не нужно выдумывать головокружительные истории, чтобы увлечь ими читателя, ибо

их собственная жизнь полна приключений и неожиданностей, которые могут стать стержнем увлекательного сюжета. Третья сторона: это писатели, рожденные и выросшие в СССР, а значит, повидавшие многое на своем веку, умеющие ценить жизнь, людей, свою профессию. Эти люди – писатели нового поколения, которые профессионально владеют словом и обладают словарным запасом, обогащенным специальными понятиями. Мир, представленный ими в произведениях, – это мир человеческих взаимоотношений, это природа, которая предстает в них как нечто одухотворенное и мудрое. Эти писатели придают значение каждому явлению природы – будь то река, камнепад, снежная лавина, пещера или просто цветок, разъясняя их глубинную суть и описывая их неповторимые черты, несущие в себе особую информацию.

Этот круг писателей составляют в первую очередь Вячеслав Александров, Сергей Дудашвили, Виктор Кадыров, Александр Камышев и Александр Крячун, которые уже давно заявили о себе интересными рассказами, повестями и очерками и уже имеют своих читателей.

Речь в этой статье пойдет об одном из них – Александре Крячуна. В его биографической справке значится, что он уроженец села Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области, что после окончания службы в армии учился во Фрунзенском политехническом техникуме, после чего более сорока лет трудился в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Отмечается, что, кроме всего прочего, он самодеятельный художник и его картины выставлялись на выставках Бишкека. Живет в Смоленске, является хранителем Музея смолян-первопроходцев Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова и С. С. Четыркина, который был создан энтузиастами. Там он проводит лекции по среднеазиатской тематике. В библиографическом списке произведений А. Крячуна более 50 произведений разных жанров – это повести, рассказы, миниатюры, очерки, издававшиеся отдельными изданиями, в журналах и альманахах.

В 2005 году в «Литературном Кыргызстане» была напечатана его первая повесть «Быль о Серой Вдове». В ней он сразу заявил о себе как о подготовленном к писательской стезе человеке, за плечами у которого уже были жизненный опыт, чтобы уметь отбирать из множества вещей главное, на что стоит обратить внимание других, а также внутренняя тяга к сочинительству. Чуткость и наблюдательность, стоицизм и

твердость духа, которые выработались у него за годы долгой работы в изыскательских экспедициях, а значит, и в суровых природных условиях, отразились в его повести. Главный герой повести Андрей Крутов – начальник геодезического отряда, который совершает топографическую разведку на высокогорье, у самых ледников Тянь-Шаня. Эту повесть можно было бы назвать очерковой, потому что она явно тяготеет к документалистике из-за фактографических сведений, но в ней есть нравственная проблематика, касающаяся проблемы взаимоотношения человека и природы. Речь здесь идет о Серой Вдове, одинокой волчице, которая стала таковой из-за рук человеческих, лишивших ее самца и волчат. Сразу на ум могут прийти животные персонажи Чингиза Айтматова, Акбара и Ташчайнар, из романа «И дольше века длится день». Автор «Были о Серой Вдове» тоже затрагивает проблему варварского отношения человека к природе. Однако, если Айтматов наполняет идею глубоким философским содержанием, не концентрируя особого внимания на том, что волки наносят огромный урон животноводству, а больше обращая взор на них как на имеющих душу братьев наших меньших, которые наделены инстинктами, присущими человеку, и тоже могут страдать, любить и ненавидеть, то А. Крячун не уводит читателя слишком далеко в сторону философских понятий, он, казалось бы, более приземлен, чем Айтматов, менее романтичен, но по-своему глубок и содержателен. Волчица, о которой идет речь в повести, предпочла жизнь «отшельницы – вдовы, что за свою жизнь смотрела в дырки оружейных стволов чаще, чем в глаза своим волчатам». Если перенести эту мысль автора в плоскость человеческих отношений, то можно привести десяток, а может быть, и больше известных примеров, когда человек намеренно не создавал семью из-за того, что жил в смутные времена, когда жизнь его детей, семьи могла оказаться под угрозой гибели. Предполагая, что может произойти худшее из всех зол на свете, человек делает выбор: лучше быть одному, чем переживать трагедию смерти близких. Таков выбор и Серой Вдовы.

Натуралистические картины природы переданы настолько жизненно и осязаемо, что кажется, это ты стоишь рядом с героем и всматриваешься в окружающие скалы, ущелья, вдыхаешь ароматы, исходящие от трав, земли. Каждому дорожка родная земля во всех ее проявлениях, а она может быть разноликой, иметь собственные запахи и очертания, но передать,

описать ее словами дано не каждому. К примеру, возьмем следующее описание картины высокогорья: «На подступах к перевалу с нависающих языков ледника капала прозрачная влага. К обеду из продранных в тучах дыр выскакивали прямые обжигающие лучи солнца и начинали растапливать лед и снег. Капли превращались в струи, собирались в ручьи, которые неслись грязевым потоком вниз, роднились между собой и становились рекой. На крутых поворотах или в узких местах волочащийся ил иногда не мог протиснуться всей массой и застревал, образуя плотину, которая вскоре прорывалась и плывала мощным селом. Грязекаменный поток стеной устремлялся вниз, глотая берега, кусты и камни». Здесь дается описание рождения и движения селевого потока – явления, типичного для горной местности. Этот фрагмент можно назвать и научным, и художественным материалом – в нем есть много познавательного и в то же время вызывающего живые эмоции, чувства.

Пейзажные описания в творчестве писателя ценны не только своими познавательными функциями – природа является сценической площадкой, на которой происходят события. Кроме того, именно через отношение героя к природе познается его характер. Герой повести Андрей Крутов воспринимает природу с ее почвой, растительностью и животным миром как нечто разумное, живущее по законам, понятным только тем, кто близок к ней и часто соприкасается с ней. Андрей наделен способностью чувствовать природу по-особому, в нем глубоко развита интуиция, помогающая разгадывать тайны и загадки, которыми полна природа, а иногда он признает свое бессилие, например, когда пытается понять, откуда в условиях мерзлоты появились бабочки с сиреневыми крылышками.

Главная тема повести – взаимоотношения человека с миром природы. Эта проблема глобальна по своей сути, поскольку содержит в себе множество различных аспектов. К примеру, здесь решается вопрос о том, как человек может относиться к хищникам, которые наносят урон его хозяйству. Да, безусловно, герой на стороне чабанов, у которых волки задирают их овец, лошадей и приносят тем самым убытки. В повести есть несколько желающих убить Серую Вдову, которая доставляет особое беспокойство чабанам. К ним относятся и Крутов, он сочувствует своим друзьям, пострадавшим от хищницы. Но когда наконец цель достигнута, враг пойман в капкан, чабаны застыли в предвкушении акта возмездия, Крутов не

может застрелить его. «Победителем Крутов себя не считал. Ему было жалко не ее, Серую Вдову, беспощадную, гордую, кровожадную зверюгу, а себя – вышедшего из племени людей и не нашедшего другого подхода к хозяйке этих мест, как только через ее смерть». Некоторое время в нем происходит внутренняя борьба. Вроде бы перевес должен быть на стороне здравого смысла: волчицу следует застрелить за то, что та уничтожила три десятка овец и чабанского коня. Если бы они находились в равных условиях, Андрей бы даже не раздумывал. А здесь, когда в руках у него ружье, а волчица в капкане, получалась борьба не на равных.

Автор таким образом усложняет проблематику повести, решая проблему нравственного характера. Его герой оказался способен на большее, чем просто убить врага, – он отпускает ее. Он идет на это ради себя самого – убив, он не смог бы простить себе этого никогда.

В повести есть еще одна тема, достойная внимания, – тема взаимного понимания человека и природы, здесь инстинкт зверя уступает место справедливости в эпизоде, когда Серая Вдова не трогает Андрея, хотя могла растерзать его. Чабан Карагул вначале объясняет это тем, что волчица проверяет его – враг он ей или друг, а затем, по прошествии трех лет, признается Андрею: «Стал я понимать, зачем она ходила с тобой: звери – что домашние, что дикие – чувствуют людей. Ты незлой человек. Искала, наверное, сочувствия в тебе. Собратьев ее всех убили, а в нас, чабанах, злость на волков в крови. Не с овцами же ей дружбу водить. Она и выбрала тебя». Кстати говоря, главный герой всех произведений писателя – носитель гуманного отношения к природе и людям, он никогда не берется судить людей за их неблагоприятные поступки, видимо, полагая, что эта прерогатива принадлежит лишь Богу.

В течение трех лет герой вспоминал Серую Вдову чаще, чем своих друзей-чабанов, и он приходит к следующему выводу, который можно назвать финалом повести: «Сохранение жизни, которая зависела от тебя, даже врагу – благородно. Пусть и не в угоду другим». Неизвестно, взят этот эпизод из жизни самого писателя или нет, важно одно: человек может прийти к мысли о том, что он может сохранить жизнь своему врагу, особенно если борьба идет не на равных. Поступки и действия героя психологически мотивированны, перед нами

человек, глубоко переживающий, вкладывающий глубокий смысл во все, что считает для себя важным.

События и действия, изображенные в произведениях А. Крячуна, в основном происходят на кыргызской, бывшей советской земле, где писатель родился, вырос и возмужал. Своего рода литературным шедевром можно назвать его рассказ «Оцепенение», в котором раскрывается вся правда жизни человеческой без прикрас, жестко и прямолинейно. Не сомневаясь в том, что название «Оцепенение» имеет прямое отношение к проблематике рассказа, я бы хотела выразить свое читательское восприятие этого произведения. В процессе чтения рассказ может вызвать состояние некой окаменелости, такое случается, когда происходит что-либо ужасное, но ты не в силах сдвинуться, помешать этому.

У каждого села или города есть своя история, есть она и у поселка городского типа Минкуш, расположенного на склоне гор Внутреннего Тянь-Шаня. История этого поселка послужила основой для рассказа, в котором автор раскрывает важные социальные и нравственные вопросы. Здесь, в Минкуше, когда-то полным ходом шла добыча урановой руды, и люди, живущие в этой радиоактивной зоне, наслаждались тем, что получали за работу баснословные деньги, жили на московском обеспечении, стараясь не думать о последствиях своей деятельности. Это месторождение сыграло значительную роль в истории советской атомной энергетики. Позже добыча урана была остановлена, прекратилась прежняя жизнь, когда всего было вдоволь – и работы, и сказочной обеспеченности. Ныне поселок с полуразрушенными домами внешне похож на местность, которая подверглась бомбардировке, чудом сохранились лишь некоторые деревянные дома. Здесь нет никаких природных условий для выживания, ни пастбищ, ни посевных площадей, ни работы, и оставшиеся люди, которым некуда выбраться, обречены на вымирание от радиации и безработицы. Государство проявило глубокое безразличие к жителям поселка, отделавшись лишь обещаниями.

Автор называет поселок «Птичьим садом», что почти означает то же самое, что «Тысяча птиц» – «Минкуш». Следует отметить, что в прежние времена здесь в основном жили русские, которым были предоставлены все условия для жизни. По внешнему виду оставшихся здесь – а это в основном люди пенсионного возраста – можно понять, что они пытаются забыть о том, что им плохо, с помощью спиртного.

Автор следующим образом описывает поселок: «Дома здесь стояли деревянные, на основательном фундаменте, одинаково желтые, чистые. Перед каждым домиком – клумба с розами и ромашками. Вдоль тротуаров – бетонные лотки, над лотками – живые изгороди из шиповника с белыми цветами. Асфальтовые улицы, которые в любую погоду мыли по пять-шесть раз в день, были чисты и блестящи. ... «Птичий сад» не знал дефицитов – в магазинах было изобилие продуктов. Люди жили богато, красиво и, наверное, были счастливы». Контрастом выступает жизнь нынешняя, настоящая, которая вся пропитана атмосферой катастрофически вынужденной гибели: «Поселок постепенно умирал. Умирали не только дома, трубы, стены завода, штольни и шахты, но и люди. Без музыки, прощальных речей и слез уходили они в насыщенную ураном землю. Сопровождали похороны лишь звук забиваемых гвоздей и пьяный прощальный говор даже к смерти безразличных людей». И здесь не обходится без художественных сравнений: «окна без стекол смотрелись как кричащие, беззубые рты», «конек крыши прогнулся, словно спина старой изможденной лошади», «штукатурка со стены поотваливалась, будто помертвевшая кожа с тела больного» и т. д. В тон описанию умирающего поселка даны и непривлекательные портреты их обитателей. Вот один из них: «На серых лицах были глубоко посажены бесцветные глаза – в них, как в аквариумах без рыб, плавала пустота». Автор, раскрывая целый круг образов жителей поселка, делает верный акцент на состоянии безразличия, в котором они все находятся, их не радуют теперь весенние запахи, яркие радуги и дождь, поскольку оказались никому не нужными на этой Богом и властями забытой земле. Описание положения, в котором находятся поселок и его обитатели, не страдает многочисленными подробностями, здесь все как на полотне художника – даны самые заметные и значительные штрихи.

Тема добычи полезных ископаемых, особенно урана и золота, – большая для кыргызстанцев, которые остро ощущают ее последствия на своем физическом и психическом здоровье. Об этом пишут ученые, политики, журналисты, и те, кто испытал на себе и видел воочию, какие смертоносные следы оставляет после себя «хозяйничанье» людей в недрах земли. Однако если чтение научных и публицистических статей на эту тему с подробными цифрами и таблицами вызывает у читателя чувство обычного негодования, то художествен-

ные произведения, к которым, безусловно, относится и рассказ А. Крячуна «Оцепенение», способны вызвать состояние глубокой трагической безысходности и депрессии, а значит, не оставляют человека равнодушным. В этом и заключается сила художественного слова.

Главный эпизод рассказа – описание соревнования, о котором автор с горьким сожалением говорит: «Только в мозгах, отравленных радиацией и алкоголем, могла родиться такая игра с коротким названием «Метр». Суть игры заключалась в том, что игроки соревновались, кто больше выпьет водки из стаканов, выстроенных с двух сторон бильярдного стола. Игроки проходили несколько кругов, выпивая содержимое стаканов, и те, кто не выдерживал, выходили из игры. В повести показана гибель очередной жертвы уранового беспредела, Игната, умирающего с выпадающим из ослабевших рук граненным стаканом с водкой. Этот эпизод подготовлен со всей тщательностью, психологически обусловлен незаметными, на первый взгляд, подробностями. Самое страшное здесь – безразличное отношение людей к жизни, которое выработалось у них после того, как оказались никому не нужными. Кто-то может возразить, сказать, что они могли уехать из этого проклятого места, в котором так уютно обустроилась старуха-смерть в ожидании своих жертв, ведь жена Игната так и сделала, уехав рожать к себе на родину, в Томск, и осталась там. Ей принадлежат слова, обращенные в свое время к мужу: «Давай уедем. Не будет у нас здесь счастья. Бешеные деньги нам платят не зря – это откупление за наши будущие беды». Так оно и вышло. Однако не все способны бросить свой дом, землю, где прошли их лучшие годы. Рассказ дает все основания отнести его к произведениям сурового реализма.

Если обратиться к статистике, то здесь вначале проживало около 20 000 человек, а осталось около 3 500, которые по понятным им причинам не могут покинуть свои гнезда и вынуждены умирать, так и не решившись начать жизнь на новом месте. Писатель затрагивает злободневную проблему современности, привлекая внимание читателя острой проблематикой и трагическим звучанием основной идеи произведения.

В рассказах А. Крячуна есть много особенного, что отличает его от других писателей. К примеру, многие его герои живут в какой-то оторванности от мира, от людей. Драматизм их одиночества обусловлен тем, что в их жизни происходят такие события, чаще всего связанные с судьбами всей страны,

которые лишают возможности жить привычной жизнью среди своих односельчан и близких, с которыми они могли и дальше делить свои печали и радости, радоваться каждому наступающему дню.

В рассказе «Время отлета птиц» рыбак Алексей и его подруга Лида живут на берегу водохранилища – они его называют морем. Водохранилище когда-то поглотило село, в котором они родились и выросли. Но Леха не желает, как его бывшие односельчане, уходить из этих мест, объясняя это тем, что «каждый должен умереть в том доме, где родился», поэтому он не хочет уходить далеко от своего дома, оставшегося на дне «моря».

Тема родины драматически грустной нотой звучит почти в каждом произведении А. Крячуна. Видимо, это связано с личной жизнью самого автора, для которого Средняя Азия, где он родился и жил, навсегда останется родиной в его сердце.

Невозможно удержаться, чтобы не привести здесь описание осеннего ветра: «Уже к вечеру с запада из-за высокого хребта вывалилась черная туча. Впереди нее безнаказанно вторгался в глубь морской долины свирепый шамал: он сдирает колючую кожу с хребтов, рвал кустарники, выдергивал из конгломератовых скал куски породы... Они летели с откосов, словно стадо боевых слонов, подминая под себя кусты и траву». Эта картина природного явления знакома тем, кому привычна жизнь в гористой местности. Интересно то, что автор называет этот ураган «шамалом», что означает на кыргызском языке сильный ветер и вполне в звуковом плане соответствует своему назначению.

Да, героя рассказа, Леху, можно понять, он живет там, где чувствует себя дома. Он добровольно обрекает себя на жизнь в этой пустынной местности, в отрыве от людей, где водка, на которую он обменивает пойманную рыбу, является той самой отдушиной, умиротворяющей его и погружающей в воспоминания о прошлом. Его жизнь, на первый взгляд, кажется вполне обыденной: он трудится, занимаясь ловлей рыбы, то есть делом, которое выбрал сам. Живет с подругой, не имея к ней особо трепетного чувства, кроме необходимости иметь рядом живую душу. Но после прочтения рассказа у читателя остается чувство какой-то особой неизбывной печали из-за того, что жизнь героев складывается как-то не по-людски. Это можно назвать драмой человека, граничащей с трагизмом плохо состоявшейся жизни.

А. Крячун в своих произведениях – гуманист высокой пробы, ибо, изображая изломанные, исковерканные судьбы людей, он находит в них то, ради чего стоит жить, это искры доброты и человечности, не позволяющие злу довершить свое черное дело над человеком.

Драматичны в произведениях А. Крячуна и женские образы. Это Лидка, которая прибилась к Лехе как к спасительному берегу, который, хотя иногда грубо и безжалостно обращается с ней, все же в глубине души осознает, что ближе нее у него никого нет. Это Лариса из рассказа «Горбун и Лаура», которая, попав в порочный круг разврата и потеряв всякую веру во все лучшее, в конце концов обретает свое женское счастье в семье кыргыза, горбуна Алмаза, у которого оказались твердые жизненные принципы и который смог дать этой заблудшей душе опору и самому стать счастливым семьянином.

Многие произведения А. Крячуна объединены одним персонажем, Андреем Крутовым. Сквозь призму его сознания преломляются различные события. На первый взгляд, Андрею Крутову отводится вспомогательная роль, например, в рассказе «Горбун и Лаура» он только знакомит Ларису с Алмазом, однако если приглядеться к этому образу здесь и в других произведениях, то можно говорить о нем как о концептуальном герое – имеющем определенную систему взглядов и твердо придерживающемся их. Андрей Крутов живет среди кыргызов и, не теряя собственной природы русского человека, в полной мере чувствует себя здесь своим, понимает и принимает их заботы и чаяния, решает совместно с ними общие проблемы. Чабаны, с которыми ему приходится сталкиваться там, на высокогорье, относятся к нему с уважением, видят в нем своего самого близкого друга, которому можно доверять. Он совершенно гармонично вписывается в местную жизнь, ему прежде всего важен сам человек, а не его возраст, национальность или профессия. Ему свойственна терпимость к слабостям других людей, однако он тверд, если нарушаются какие-либо принципы нравственного характера. Профессия геодезиста, разведчика земли, обязывает находиться в постоянном движении, а значит, общаться со многими людьми, жить рядом.

В нем угадывается сам автор, человек с богатым жизненным опытом, исходивший среднеазиатские просторы вдоль и поперек, встретивший на своем пути множество людей с разными судьбами, истории жизни которых становятся поводом, толчком для создания полнокровных художественных произ-

ведений, в которых раскрывается история всей страны, ее народа. К примеру, его рассказ «Карышкыр — имя человеческое» — это, по сути, рассказ о судьбе человека, прошедшего испытание войной на передовых линиях фронта, о которой сам герой говорит с горечью: «Моя исковерканная жизнь — горсть песка перед огромной горой народного несчастья». Возвращение в мирную жизнь без какого-либо увечья вроде бы сулило счастливую жизнь, о которой он мечтал там, на войне, однако именно здесь, дома, его подстерегла беда, которая напрочь отменила все его надежды. За пожар, который был вызван пущенной им во имя спасения своей жизни ракетницей, герой был обвинен по статье «Диверсия» и без отрезанных из-за отморожения пальцев рук и ног был отправлен на двадцатилетнюю каторгу в сибирские лагеря. Рассказ Карышкыра о своей судьбе — это кусок действительности, вырванный из истории советских лагерей, где ему приходилось бороться за свою жизнь среди уголовников — насильников, убийц и грабителей, многих из которых, в отличие от политзаключенных, сидевших в тюрьмах без вины, затем амнистировали в 1953 году после смерти Сталина. Находясь под лавиной, он думает о том, что лучше бы умер там, на войне, а затем, после того как вернулся из лагерей и не нашел приюта на родной земле, думает, что лучше бы смерть отняла его жизнь в лагере. Все это приводит его к размышлениям о Боге, о свободе по отношению к любви и смерти. Вот одни из них: «Я живу в мире, где люблю только я. Люблю этот лес, горы, воду, скалы и дикость. Меня любить некому. А в вашей жизни никто не хочет любить — все хотят быть любимыми. Но только любить и не быть любимым — трудно». И действительно, взгляд Карышкыра на ситуацию, в которой он оказался, неординарен: прошедший все круги ада на войне, а затем в невыносимой лагерной жизни, ставший изгоем из-за неприятия его обществом, он может испытывать радость лишь от того, что он жив вообще и живет. Односельчане встретили его неоднозначно, но в основном в нем все видели врага народа, поджигателя, одно присутствие которого, по их мнению, может вызвать пожар, гибель. Из близких почти никого не осталось: брат погиб на войне, замужние сестры не в счет, а родители умерли, так и не найдя в себе сил откаться принародно, как этого требовали власти, от сына-поджигателя. Оставаться в селе он не мог, поэтому обрекает себя на одиночество, на жизнь в горах, вдалеке от людей. Карышкыр — это один отверженных обществом героев А. Крячуна, он

вызывает не жалость, а сострадание, а может быть, великую скорбь, поскольку стихия, в которой он оказался, как и многие в этой стране, была способна смести на своем пути всех – и виноватых, и невиновных, точно так же, как та самая снежная лавина, не знающая милосердия и уничтожающая на своем пути все живое. Герои А. Крячуна чем-то похожи на лондонских героев своей волей и бесстрашием, впрочем, и сам автор, познавший все трудности своей профессии, поистине сын природы, в этом является родным человеком для своих вымышленных – а может быть, и невымышленных – героев.

Щедрость писательской души открывается и в цикле рассказов о детстве «Были старого Арыка» в виде оживших картинок, в которых есть место прежде всего Арыку с нависшими над водой ветвями плакучей ивы, без которого совершенно немыслима была летом жизнь мальчишек, водой из которого также щедро поливались грядки на огородах, остужались арбузы и дыни и удовлетворялась жажда, к нему относились бережно, как к хлебу, строго следя за его чистотой. Односельчанам писателя, получившим из-под его пера цикл произведений, явно повезло, в них они увидели неповторимый многонациональный мир своего прошлого в знакомых до боли лицах, которые автор передал со всей живостью своего таланта. Это старьевщик, которого прозвали Шарабара, это бывший карманный вор, а ныне автослесарь дядя Миша, это таинственный Бес, бывший царский генерал, а также участковый милиционер дядя Вася по прозвищу Марока, который наказывал за хулиганства своеобразным перевоспитанием, это баба Груня, старый солдат Ахмед-аке, музыкант Ордобай и другие. Каждый из этих колоритных персонажей имеет свою удивительную историю, полную событий, которые так выразительно и с экспрессией передал автор. В этих замечательных рассказах он раскрыл, пожалуй, не менее важное, а именно пафос того времени: в жизни этого села варились все сообща, вместе – и взрослые, и дети. Дети чувствовали свою принадлежность к этой общей семье и жили ее заботами, радостями и невзгодами. Автор-повествователь признается: «В то время нас любили все: строгий участковый Марока, собаки с базара и даже злая баба Груня по прозвищу Яга. И мы, разумеется, любили всех». Это было, по словам автора, своего рода Эдемом. К сожалению, постсоветское время напрочь вытеснило ощущение этой всеобщей любви, ушла в небытие эта примета счастливого детства. Умение уловить и передать атмосферу

времени, воспроизвести краски, движение и дух детства – неотъемлемое свойство писательского мастерства Александра Крячуна, доказанное не в одном произведении. Писатель с горечью говорит, что «современная молодежь уже умеет ненавидеть другую нацию и это привело к опасности. Вернуть любовь к другому народу уже трудно, но надо». Его произведения, освещенные чувством добра и любви, – своего рода призыв к человеколюбию и толерантности.

Рассмотренные здесь произведения – лишь часть его литературного наследия. Их выбор обосновывался различными критериями, и одно из них – изображенные характеры и события взяты из кыргызстанской действительности. Возможно, изучение самобытного творчества русского писателя Александра Крячуна, живущего ныне на смоленской земле, но оставившего свое сердце в горах Тянь-Шаня, на кыргызской земле, еще впереди, оно не раз будет объектом пристального внимания российских и кыргызстанских ученых и критиков. Ведь как надо любить нашу землю, ее людей, чтобы, волею судьбы расставшись с нами, став членом Союза писателей России, продолжать тесно связывать свое творчество с Кыргызстаном, публиковаться в «ЛК»! И складывается такое впечатление, словно Крячун переехал не за тридевять земель, а из третьего микрорайона Бишкека в четвертый.

Возвращаясь к названию статьи «А. Крячун – хранитель памяти земли родной», хочу отметить, что рождалось оно постепенно, по мере узнавания личности писателя. Автор произведений, в которых отражена суровая правда жизни, – это человек, хорошо знающий землю от Тянь-Шаня и Памира до песков Аралкума, а также людей, которые живут на ней, и сумевший проникновенно и неповторимо рассказать о них. Так рассказать, что это наверняка отложилось в благодарной памяти читателей.

Владимир МИХАЙЛОВ

ПОДВИЖНИКИ КЫРГЫЗСКОГО КИНО

Если говорить о подвижниках кыргызского кино, мне думается, нужно вспоминать всех. Потому что на «Киргизфильме» не было случайных людей. Подвижниками были все. Горели на работе, жили работой и режиссеры, и операторы, и ассистенты, и вообще весь технический персонал. В лучшие свои годы наша киностудия была настоящим творческим цветником, в котором находилось место всем цветам, даже самым экзотическим.

Глава первая Написать историю

У истоков любого фильма стоит, как известно, сценарист со своей оригинальной историей.

Киргизское кино строилось в основном на оригинальной драматургии. Лучшие национальные писатели внесли свою лепту в создание многих фильмов нашей киностудии. Среди кинодраматургов, принимавших участие в этой работе, надо назвать имена Чингиза Айтматова, Мырзы Гапарова, Токтоболота Абдумомунова, Бексултана Жакиева, Кадыра Омуркулова, Мара Байджиева, Талипа Ибраимова...

Мощным даром, способным донести до читателя или зрителя современную противоречивую и порой страшную действительность, «дышащую первобытной силой страдания», обладал и классик советской литературы Чингиз Айтматов, справедливо считающийся одним из краеугольных камней киргизского кинематографа. Все творческие прорывы в кино республики связаны с его лучшими произведениями. Это и

«Перевал», и «Зной», и «Первый учитель», и «Материнское поле», и «Белый пароход», и «Красное яблоко», и «Ранние журавли», и множество других, более поздних работ.

Самый первый сценарий был написан Ч. Айтматовым в 1961 году, в его основе лежала повесть автора «Тополек мой в красной косынке». Фильм под названием «Перевал» поставил по этому сценарию Алексей Сахаров. Первый драматургический опыт молодого писателя был удачным, Ч. Айтматов даже получил диплом за лучший киносценарий на смотре-соревновании кинематографистов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте.

Для того чтобы понимать значение Айтматова для киргизского кино, необходимо тщательно и глубоко «копать» почву, которая его взрастила. Довольно долгое время, особенно в пору «Джамили» и «Лицом к лицу», коллеги-литераторы обвиняли молодого прозаика в отрыве от народа, аттестуя его «некиргизским писателем». Но для того чтобы увидеть творческую фигуру Айтматова во весь рост, недостаточно соотносить его произведения только с прозой социалистического реализма. По словам, например, режиссера Б. Шамшиева, одного из крупнейших экранизаторов айтматовской прозы, в полной мере осознать масштаб этого писателя можно, лишь хорошо зная доколониальное киргизское творчество. До середины 19-го века киргизский мир жил по своим понятиям, изъясняясь на языке древних сказителей Кельдибека, Балыка, Найманбая, Чоюке, а позже – уже на рубеже веков – на языке их ученика и последователя Сагымбая Орозбакова. Это была литература, основанная на традиционной – тысячелетней – народной морали, входившая в противоречие с новой советской литературой. Айтматов в своих прозаических произведениях и киносценариях исторические катаклизмы поверял движениями своей души, состоянием своего внутреннего, глубоко индивидуального мира. В его писательском мировоззрении было что-то мистическое – словно сюжеты его книг диктовались ему откуда-то сверху, из небесных сфер. «Божья дудка», как сказал когда-то известный поэт.

Нет, наверное, иного автора в мировом кинематографе, чьи произведения были бы экранизированы в таких безмерных количествах, причем не только национальными кинематографистами, но и мастерами множества других стран.

У каждого из киргизских кинодраматургов был свой творческий путь, и если, например, М. Гапаров или Т. Абдумому-

нов входили в кинопроцесс достаточно «случайно», то для таких прозаиков, как Ч. Айтматов, М. Байджиев или Т. Ибраимов, работа в кино была сугубо принципиальной. Эти люди болели кинематографом, хорошо понимали его специфику и были к тому же билингвами, что позволяло мыслить на языке русских классиков, выражая одновременно глубоко национальные идеи.

Мар Байджиев, например, занимался в свое время редактурой и одновременно кинодраматургией, пытаясь определенным образом влиять на кинопроцесс, демократизировать его.

Пришел Байджиев на киностудию укладчиком текста в дубляжный цех, а позже поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Его дипломная работа называлась «Чужое счастье» и рассказывала о ритуале разрезания пут. Фильм был символическим, потому что в те годы подобное содержание читалось как метафора – освобождалось от пут мировоззрения людей, менялись идеологические ориентиры, наступала оттепель... Вершинами творчества Байджиева в кино стали снятые Т. Океевым фильмы «Золотая осень» и «Потомок белого барса». Сам кинодраматург говорил, что его главный прием при создании сценария – никогда не брать острых, приключенческо-детективных сюжетов, а наоборот, использовать очень знакомые, порой банальные бытовые ситуации. Но за этими простыми житейскими коллизиями обязательно должно стоять нечто особенное, нечто носящее обобщающий характер. Поэтому на большинстве сценарных работ Байджиева лежит печать добротной притчи или глобальной метафоры, и это очень выделяет его из многообразной среды современных сценаристов.

Похожий (в глубинной своей основе) творческий путь прошел и известный ныне прозаик, лауреат «Русской премии» Талип Ибраимов. Широкому читателю вряд ли известно, что долгие годы он, так же как и Байджиев, работал редактором на «Киргизфильме» и одновременно занимался кинодраматургией. Список его сценарных работ довольно обширен, на их основе созданы фильмы «Среди людей» Б. Шамшиева и А. Суюндукова, «Деревенская мозаика» Д. Садырбаева, «Верить и знать» У. Ибрагимова, «Пейзаж глазами спринтера» Ш. Джапарова, «Женщина у стремени» Т. Ибрагимова, «Свет-аке» Акана Арыма Кубата...

По окончании Высших курсов сценаристов и режиссеров Талипа приняли в редакторский отдел «Киргизфильма», где

в то время уже работали известные литераторы Леонид Дядюченко и Рудольф Чмонин. Поначалу русские тексты ему не доверяли. Но впоследствии Дядюченко оценил его способности. «Это был классный тренинг, - рассказывал Т. Ибраимов. – Дядюченко и Чмонин писали дикторские тексты для хроники и документалки. Они были крепкими профессионалами, писали ясно и лаконично. В кино зачастую необходима предельная экономия слов. Рядом с ними я хорошо прочувствовал специфику сценарной и редакторской работы». Бывало, что Москва, прежде чем утвердить сценарий или дикторский текст, предлагала поправки, которые вносила редакторская группа. Над ними нередко работал и будущий писатель.

На студии иногда обстоятельства складывались таким образом, что для утверждения сценарного плана будущего года не хватало сценарных единиц в текущем году. Запланированы, допустим, три полнометражных игровых фильма, а утверждены и готовы к производству только два сценария. Третью производственную единицу при таком раскладе в будущем году могли запросто срезать. Вот в подобных ситуациях и выручал, бывало, студию Ибраимов, у которого всегда имелся в зачатке резервный сценарий. Так появились фильмы «Я не хочу так больше жить» О. Байджигитова, «Плакальщицы» А. Суюндукова и уже упоминавшаяся картина «Верить и знать» У. Ибрагимова. Сценарии их создавались как бы по необходимости, ну а что касается прозы, то она, конечно, шла из души. Московские критики о его произведениях писали так: «Долгие годы писатель работал редактором на киностудии «Киргизфильм». Это заметно – его повести напоминают небольшие сценарии, насыщенные действием, энергией, быстрыми диалогами, а еще тем, чему не научишься ни на каких высших сценарных курсах и киностудиях, - жизнью, дышащей первобытной силой чистейшего страдания».

Глава вторая

Режиссер – главный на площадке

Киргизские режиссеры игрового кино разнолики и разнообразны. Первая их генерация оказалась настолько мощной, что о нашем кинематографе во всем мире заговорили с огромным уважением. Опираясь на опыт коллег-документалистов, а также на собственный опыт в документальном кино, они создали игровые картины, которые в кинотеатрах разных

стран заставляли зрителей волноваться и страдать, любить и ненавидеть, переживать за героев и сочувствовать им. Мелис Убукеев, Толомуш Океев, Болот Шамшиев, Геннадий Базаров, Альгис Видугирис обладали колоссальной творческой потенцией, и их запредельные дерзания вели киргизское кино к новым горизонтам и открытиям. Рядом с ними работали их талантливые коллеги - Бекеш Абдылдаев, Усенжан Ибрагимов, а также представители следующего кинопоколения - Каридин Акматалиев, Артык Суюндуков, Джали Соданбек, Бакыт Карагулов... Все вместе они создавали уникальную историю киргизского кино, а некоторые даже обрели мировую известность. В первую очередь это относится, конечно, к Толомушу Окееву.

До пятнадцати лет Толомуш жил в селе Боконбаево Тонского района. Родители его были простыми сельскими тружениками, и с детства он не видел ничего, кроме обыкновенного деревенского быта.

В 1950 году Толомуш поступил в элитную фрунзенскую школу № 5, где было гораздо больше, нежели в родном селе, возможностей для погружения в океан мировых литературных и кинематографических богатств. По окончании школы учился в ЛИКИ – Ленинградском институте киноинженеров - на электротехническом факультете. Здесь плодотворной школой для Толомуша явились не только занятия в престижном учебном заведении, но и сам Ленинград с его музеями, театрами, изумительными архитектурными ансамблями и завораживающей атмосферой волшебного историзма. Потом – шесть лет работы на «Киргизфильме» в качестве звукооператора, и ленты «Зной» и «Улица космонавтов» - первыми вехами в послужном списке. Между прочим, практику Океев проходил на знаменитой гайдаевской картине «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

А в 1964 году еще один знаменательный шаг – поступление на Высшие режиссерские курсы в Москве и тесное общение с такими корифеями, как Ромм, Райзман, Юткевич, Трауберг, Шкловский, Габрилович, Зоркая. После успешного завершения учебы – возвращение в родные пенаты и триумфальное восхождение на кинематографический Олимп с такими всем известными фильмами, как «Небо нашего детства», «Поклонись огню», «Красное яблоко», «Потомок белого барса», и с великой - не побоюсь этого слова - картиной «Лютый» по повести классика казахской литературы Мухтара Ауэзова.

Окееву не страшно забронзоветь в памятнике, ведь он

был простым, доступным, демократичным и очень юморным человеком. Вся жизнь его сопровождали истории, вызывающие сегодня улыбку и понимание того, что человек, ставший ныне одним из краеугольных камней отечественного искусства, одним из эстетических эталонов нации, слыл среди друзей и коллег живым и смешливым парнем, которому не чуждо ничто человеческое.

С именем другого мастера - Болота Шамшиева - также связано множество пиковых моментов в истории национального кинематографа. Народный артист республики и СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии и Госпремии СССР – это только главные вехи в его творческой биографии, а сколько еще второстепенных!

В 1964 году он окончил ВГИК. Институт подарил будущему режиссеру творческую свободу, масштабные знания, расширил художественный кругозор. На его глазах защищал свой диплом «Каток и скрипка» Тарковский, Шукшин сдавал «Сообщение из районной газеты», рядом учились будущие звезды советской режиссуры. Сам он ставил на институтской сцене культовую пьесу Джона Осборна «Оглянись во гневе» и играл в «Идиоте» Фердыщенко. На третьем курсе Шамшиев получил приглашение от Ларисы Шепитько – на главную роль в фильме «Знай». Шепитько не ошиблась с выбором - через некоторое время на смотре киноискусства республик Средней Азии и Казахстана Шамшиев получил премию за лучший актерский дебют. Правда, в учебе несколько поотстал, и пришлось потом кое-какие предметы сдавать экстерном.

Дипломный фильм Болота «Манасчи» попал на престижный международный кинофестиваль в Оберхаузене и... получил там Гран-при! Первая лента молодого режиссера, жесточайшая конкуренция фестиваля, где за главные призы сражались зубры документального кино со всего мира, и сразу такой успех! Его Шамшиев закрепил через год: следующая картина «Чабан» также завоевала несколько международных призов.

А потом он задумал сложную постановочную картину «Выстрел на перевале Караш» по казахскому классическому Мухтару Ауэзову, но этот замысел никак не удавалось «пробить» на «Киргизфильме». Как-то во Фрунзе приехал главный редактор Госкино СССР Сурков и в присутствии директора нашей киностудии строго спросил Шамшиева: «Ты что сейчас снимаешь?» На что молодой герой простодушно ответил: «Ниче-

го не снимаю...» Тут Сурков грозно и с затаенным гневом в начальственном взоре взглянул на директора: «Что же это у вас тут происходит? Почему способный и подающий большие надежды режиссер ничего не снимает?» И тут же поинтересовался, что именно хотело бы снять юное дарование. «Караш-Караш», - мгновенноотреагировал Шамшиев. Вопрос с этим проектом был решен тут же, в кабинете директора. За месяц режиссер написал сценарий, студия его приняла, следующая инстанция – Москва, Госкино СССР. И надо ж было такому случиться, что Сурков в тот момент слег в больницу, а занявшая его место Ирина Кокорева при встрече сказала режиссеру: «Ну что же, товарищ Шамшиев, сценарий вы написали хороший, но снимать по нему картину я вам не дам. Хватит нам скандала с «Первым учителем». Впрочем, если замысел одобряют казахи, тогда...» И Шамшиев рванул на «Казахфильм». Там его встретили в штyki: «Кто ты такой? И вообще, снимать нашего автора будет и режиссер тоже наш...» Предполагалось, что «Караш» поставит известный казахский режиссер Мажит Бегалин. Но Шамшиев сделал ход конем – пригласил в соавторы сценария главного редактора «Казахфильма». И все получилось! Правда, все утверждения и согласования во время работы над фильмом и впоследствии при его сдаче пришлось проходить в двух инстанциях – казахской и киргизской. «Караш-Караш» нелегко достался Шамшиеву. Снег, дождь, холодная вода горных рек, почти четырехтысячная высота – все это отразилось и на здоровье режиссера, и на состоянии съемочной группы. Но фильм, хоть и с огромным трудом, был завершен. Он собрал огромное количество зрителей и вошел в золотой фонд национального кино.

Потом Шамшиев снял не менее знаменитый фильм «Алые маки Иссык-Куля». В основе картины лежала довольно слабая приключенческая повесть Сытина «Контрабандисты Тянь-Шаня». Киргизский вестерн был неинтересен режиссеру, поэтому он кардинально переработал первоначальный сценарий и сделал фильм о трагедии человека. Эта тема звучала эпично и мощно на фоне исторических событий.

Вообще, почти все, что снимал Шамшиев, получало осмысление только через двадцать, а то и тридцать лет. К примеру, «Волчья яма», созданная в середине восьмидесятых, - это притча об обмане целого народа, о том, что советские люди жили чужой жизнью. А если говорить о жанре, в котором снята картина, то «народный роман» появился только в на-

чале нового тысячелетия. В прокате, кстати сказать, «Волчья яма» собрала более 100 миллионов долларов.

Самый знаменитый фильм Шамшиева «Белый пароход», как и некоторые другие его работы, снимался в атмосфере позорительности и недопонимания.

Всесильный заместитель председателя Госкино Борис Павленок как-то в кулуарах сказал Шамшиеву: «Если в конце фильма ты привезешь мне мертвого Мальчика, то в Москве лучше не появляйся – мы картину не примем...» Советское кино во все времена предпочитало оптимистические финалы. Но режиссер все-таки сделал по-своему – в конце истории юный герой погибает в холодных иссык-кульских водах. И Павленок ничего не смог сделать, потому что за Шамшиевым стояла мощная фигура Айтматова, которого в те годы боялись трогать. А фильм, кстати, кроме множества других призов, получил в 1977 году Госпремию СССР.

Масштабной фигурой киргизского кино был и режиссер Мелис Убукеев. В его лучших фильмах ясно ощущался историзм мышления, он смело, а порой и дерзко сопоставлял реалии прошлого и настоящего, живо интересуясь давними временами. Это неслучайно – по первому образованию он был историком. Особое творческое влечение испытывал к эпическому наследию киргизского народа, в первую очередь к эпосу «Манас», о котором написал множество интереснейших исследовательских текстов. Естественен поэтому его интерес к этой теме и в кино. Думается, что вообще «Манас» был его главным интересом в жизни. Многие манасчи были его приятелями и друзьями.

Для фиксации эпоса в исполнении Саякбая Каралаева в свое время он тратил километры, а может, и десятки километров пленки. Снимали так долго, что уставший оператор порой задремывал за кинокамерой. И именно благодаря Убукееву мы владеем сегодня этим колоссальным духовным наследием, можем изучать его, интерпретировать и просто слушать.

Фактически Убукеев остался нереализованным художником, несмотря на все им сделанное. После гибели его фильма «Тайна мелодии» он написал сценарий «Кыз-Жибек», который предполагал осуществить на «Казахфильме». Но братья-казахи сказали: «Кыз-Жибек» – наше национальное достояние, сами будем делать!» А когда он работал над «Вселенной Манаса», уже написал сценарий 20-серийной анимационной картины по великому эпосу. Алматинский художник Виктор

Тихоненко сделал многочисленные эскизы к фильму, сам Мелис спроектировал бутафорию, оружие, аксессуары и ювелирные украшения. В Турции нашли инвестора, готового вложить деньги в эту грандиозную работу. Была надежда.

Единственное, чего не могли сделать, – найти лицо главного героя эпоса. Каким был Манас, как показать его на экране? Убукеев решил, что образ должен быть героически обобщенным, и предложил в качестве образца маску «Золотого человека», хранящуюся в одном из музеев Алма-Аты. Это сделанное из чистого золота одеяние сакского воина, найденное в древнем могильнике. А внутри маски, по замыслу Убукеева, должна была зиять таинственная космическая пустота, олицетворяющая бесконечность и неисчерпаемость эпоса.

...Когда Мелис умер, попрощаться с ним пришли друзья, родственники, коллеги. Приехал с Иссык-Куля один из его операторов Тынай Ибрагимов, из Казахстана прибыл Виктор Тихоненко. Тело Убукеева лежало в юрте, и в ее проеме четко вырисовывался чеканный, обострившийся профиль режиссера.

«Да вот же, вот маска Манаса!» – воскликнул вдруг побледневший Тихоненко.

И это был последний трагический привет мастера...

Совсем другим творческим мышлением обладал еще один классик нашего кино – Геннадий Базаров. Этому художнику всегда близка была социальная тема, которую он раскрывал жестко, правдиво, без оглядки на недовольные голоса власть имущих. Некоторые его фильмы не сразу «проходили». То сценарий тормозился в инстанциях, то уже снятый фильм требовали переделать, исправить и якобы улучшить. Тяжело двигался, к примеру, «Приют для совершеннолетних», сценарий не нравился нашему ЦК, который изо всех сил пытался не пустить его в производство. Тогда Базаров опубликовал его как повесть, и факт публикации позволил картине все-таки двинуться. Фильм размышлял о том, о чем в советское время не принято было размышлять, более того, все делали вид, что проблем, затронутых авторами ленты, в стране вообще не существует. До «Приюта» Базаров снимал фильм «Первый», тематически, казалось бы, очень удобный советской власти – о первом секретаре райкома партии. Но и тогда республиканский ЦК смотрел во все глаза – как бы актер Джумадылов не сыграл «неправильного» секретаря. Впрочем, он и сыграл «неправильного» с подачи Базарова. Но Москва тогда под-

держала режиссера, потому что уже чуть-чуть подул ветер перемен... А снятая чуть позже «Аномалия», в которой были показаны совсем уж неприглядные вещи, вообще прошла на удивление гладко. Это была последняя «советская» картина на «Киргизфильме», в которой, кстати, оказалось предугаданным многое из того, что появилось в нашей жизни несколько позже.

Когда же Базаров еще только мечтал о кинематографе, в стране была тишь да гладь, божья благодать. На киностудию он пришел в начале шестидесятых. Сначала был рабочим, потом ассистентом оператора у Кочеткова и Жовтобрюха, затем – ассистентом режиссера на «Зное» и только через несколько лет черновой работы поступил во ВГИК. Там во главу угла ставили опыт, а не теорию, поэтому студентам сразу сказали: «Идите на киностудии, смотрите, как работают мастера». И они шли на киностудии и смотрели, что делают Райзман, Хуциев, Тарковский, как выставляют свет Урусевский и делает эскизы Ромадин. Это была их школа, их практика. Режиссер, по словам Базарова, должен обладать хорошим воображением, пространственным мышлением, умением «прорисовывать» фильм.

Другой наш выдающийся кинорежиссер Альгамантас Видугирис был одним из творцов так называемого «киргизского чуда». Он ворвался в кино стремительно и сразу же заявил о себе как о выдумщике и фантазере, разрушителе канонов традиционного кинематографа. Его киноидеи были порой парадоксальны, порой спорны, но всегда интересны и неожиданны. Первые же работы молодого оператора привлекли внимание коллег и критиков, сразу показав его своеобычность, особый поэтический взгляд на мир.

На «Киргизфильме» Видугирис появился в 1962 году. Его приезду во Фрунзе предшествовала учеба во ВГИКе, а до этого он успел окончить три курса гидротехнического факультета Каунасского политехнического института.

В конце 1950-х - начале 1960-х годов во ВГИКе учились наши будущие операторы Кадыржан Кыдыралиев и Эрик (Эрри) Соронбаев. Их однокурсниками и товарищами были Игорь Моргачев и Альгис Видугирис. Парни были буквально помешаны на операторской работе, но и мимо увлечений юности не проходили – обожали музыку, джаз, студенческие вечеринки, которые устраивали в своих общежитских обиталищах. Кстати, на двери комнаты, где жили Видугирис с Моргачевым,

последний приклеил вырезанный из какой-то газеты заголовок, аттестующий соседа: «Гражданин, художник, мыслитель». Ирония, конечно, но впоследствии эти пафосные определения стали сутью возмужавшего Видугириса.

Альгис с самого начала стремился в режиссуру. Его стремление понятно. Только самостоятельно выстраивая будущую картину, можно выплеснуть в мир собственное понимание, свою оригинальную идею, дать возможность зрителю увидеть окружающую действительность своими глазами. Так появилась созданная бывшими сокурсниками Видугирисом и Моргачевым картина «Обращенные к солнцу», а позже – «ПСП», «Перекрытие», «Вахта». Все это делалось в теплой студийной атмосфере, в ауре тепла и взаимопонимания. Только в такой обстановке могли появиться создаваемые параллельно с фильмами Видугириса «Три ответа горам» Изи Герштейна, «Чабан» и «Манасчи» Шамшиева, «Это - лошади» Океева, фильмы Галантера, Гуревича, Горелика и Убукеева... По окончании рабочего дня молодые режиссеры, операторы, звукооператоры не уходили из студии, смотрели и обсуждали работы друг друга, обменивались мнениями, идеями, просто гоняли чай в промежутках между творческим «трепом». Видугирис здесь был одним из заводил.

Впоследствии он увлекся летописью стройки Нарынского каскада, и все его фильмы о гидростроителях тоже были частью жизненной правды, огромным пластом подлинной, а не придуманной действительности. Он досконально знал работу и быт строителей. У него были друзья среди монтажников высоковольтных линий, водителей, промышленных альпинистов, сварщиков. Его фильмы «Нарынский дневник» и «В год беспокойного солнца» - не просто летопись, не просто сухая констатация фактов, а энциклопедический свод живых людей и подлинных характеров.

Огромное количество лент Видугириса удостоено самых разных наград и призов, все они получили международное признание. Более того, фильмы его по сей день изучаются во многих киношколах мира, где студенты скрупулезно разбирают не только содержание его фильмов, но и их форму, стилистику. А форма во всех лентах режиссера зачастую новаторская, во всяком случае, как изобретателю Видугирису на нашей киностудии не было равных.

Наши лучшие режиссеры появились не на пустом месте. Сначала все они прошли суровую школу «низовых» кинемато-

графических профессий – работали осветителями, ассистентами, администраторами, потом учились в творческих вузах, большое влияние на них оказали творческие кадры из других киностудий, которые привнесли в наше кино широту взгляда, общую культуру и выверенный стиль. Неслучайно поработали на «Киргизфильме» такие мастера, как В. Пронин, Р. Тихомиров, А. Сахаров, Э. Шенгелая, Л. Шепитько, А. Михалков-Кончаловский, Л. Гуревич, Б. Галантер, И. Горелик. Поэтому киргизская режиссура в оттепельные годы была едва ли не лучшей на всем пространстве бывшего СССР...

Глава третья

Фанатики кинокамеры

Оператор – одно из главных действующих лиц на съемочной площадке. Именно он фиксирует на пленку все, что задумали сценарист и режиссер. Причем оператор не просто механически фиксирует сцены будущего фильма, но и принимает самое непосредственное участие в организации кинематографического пространства, то есть вместе с режиссером продумывает мизансцены, ракурсы, движение камеры, схему съемки в целом и т. п. Главные качества хорошего оператора – чувство композиции, ритма, цвета, острый глаз, умение видеть красоту в обычных, казалось бы, явлениях и, конечно же, вкус. А тем операторам, которые, кроме всего перечисленного, обладают еще и решительностью, бесстрашием и молодецкой удалью, вообще нет цены.

В 1940-1950-е годы на Фрунзенской студии кинохроники работал известный оператор Сергей Авлошенко, отличавшийся бесшабашностью и страстью к романтическим приключениям. Он объездил всю республику, в составе команд опытных альпинистов совершил несколько высокогорных восхождений, участвовал в военно-географических экспедициях, летал на ПО-2 в самую глубинку Тянь-Шаня. В 1953 году режиссер Илья Гутман пригласил его снимать цветной документальный фильм о восхождении на пик Победы топографической экспедиции ТуркВО под руководством Владимира Рацека. В этой экспедиции Авлошенко снял множество замечательных, как сказали бы сейчас, эксклюзивных кадров, но самым фантастическим в смонтированном позже фильме оказался эпизод схода лавины, за который отважный оператор чуть не заплатил жизнью. Зная, что на высокогорье ежеминутно может воз-

никнуть необходимость в репортажной съемке, Авлошенко, как опытный оператор, всегда держал под рукой заряженный и взведенный «КС» - портативный съемочный киноаппарат с пружинным приводом.

Однажды группа обедала возле палатки, и вдруг вдалеке послышался гул надвигающейся лавины. Альпинисты по звуку определили, что она пройдет ниже по склону и лагерь не заденет. Но Авлошенко, схватив «КС», бросился, как говорится, в самую гущу событий, и никто из товарищей не успел его задержать. Быстро спустившись, отважный оператор встретил лавину лицом к лицу и снимал ее могучее движение до тех пор, пока снежный вал не накрыл его с головой. Подбежавшие альпинисты успели только заметить место, где исчез в снежной круговерти их отчаянный товарищ, и после схода лавины несколько часов искали его. Когда оператора откопали, он лежал, обняв камеру, словно младенца, - без чувств, в синяках и шишках, но живой. Его отогрели, оттерли спиртом. Не без удовольствия принял он это лекарство и внутрь, а потом Рацек отвел его за палатку и без свидетелей вломил ему по физиономии – для профилактики. А необычайно красивый кадр схода лавины позже вошел в фильм «Вершина Дружбы» и стал одним из его украшений.

Подобный случай операторской самоотверженности произошел и спустя почти тридцать лет после описанного эпизода на съемках документального фильма о козловых кранах. Кинематографическая судьба забросила нашу съемочную группу в поселок Крестцы Новгородской области, где оператору Сергею Чадину понадобилось снять красивого, колоритного крановщика за работой. Чадин полез с камерой в его кабину на высоту более тридцати пяти метров. Внизу рельсы, бревна, кирпичи, словом, стройка. Встав спиной к лобовому стеклу кабины и чуть прислонившись к нему, оператор стал искать наиболее выгодный ракурс для съемки крупного плана работяги. Нацелился, включил камеру, и вдруг... лобовое стекло с легким звоном полетело вниз, а оператор под тяжестью собственного тела уже был готов последовать за ним. Крановщик обомлел. Но Чадин мгновенно среагировал и, упершись локтями в боковые рамы кабины, не только не выпустил из рук довольно тяжелый «Конвас», но и продолжал съемку. «Спокойно, спокойно, - сказал он изумленному крановщику, - я снимаю...»

Операторская работа вообще довольно часто бывает сопряжена с риском. На съемках «Волчьей ямы» оператору

М. Мусаеву нужно было снять крупным планом голову матерого волка. Выкопали большую яму, поместили туда зверя, Мусаев с ассистентом тоже спустились и стали снимать. Рядом стоял дрессировщик с пистолетом. Волк был хоть и не совсем дикий, но все же это опасное животное. Если б ему что-то не понравилось, он вполне мог наброситься на оператора или его помощника. К счастью, все обошлось, кадры были удачно сняты и пистолет дрессировщику не понадобился.

Экстрим – неотъемлемая часть операторской профессии. Одним из самых отчаянных экстремалов киргизского кино всегда считался Альгимантас Видугирис. То он висел с камерой в какой-то самодельной люльке над kloкочущим Нарыном, то облачался в водолазный костюм для проведения подводных съемок на Иссык-Куле, то пристегивался стальной цепью к борту ракетовоза «Ураган» на съемках игрового фильма «Мужчины без женщин». «Ураган» - это огромная монстро-подобная машина, на которой возили турбины из аэропорта. Видугирис с камерой в руках цеплялся к ее кабине и вел съемку, зависая над пропастью. В его операторских экспериментах видно все многообразие съемочных процессов. Каких только ухищрений не было в творческом арсенале изобретательных «съемщиков» – они снимали из кузова грузовика, с брони БТРа, с плоты, с крыши «Волги», сидя в инвалидном кресле или лежа на медицинских носилках. На «Киргизфильме» долгие годы работала шикарная киносъемочная «Чайка». Иногда оператор с камерой скрывался в ее багажнике, но чаще съемка велась с узенькой площадки перед капотом. Так фиксировали на пленку проезды в фильмах «Первый», «Среди людей», «Удержись в седле», во многих других. Маленький эпизод из ленты «Среди людей», снимавшийся на оживленных улицах Алма-Аты, тоже был сделан с помощью «Чайки». Оператор и ассистент, едва втиснувшись на ее тесную площадку, должны были во время съемки проявлять чудеса эквилибристики и балансировки, чтобы не вылететь из машины на резких поворотах. Стабилизационных устройств студия тогда не имела, и главным стабилизатором у операторов считался собственный локтевой рычаг.

Снимали наши операторы допотопными «Конвасами», а современных камер на нашей киностудии тогда не было, но все знали, что ни одна, даже самая замечательная камера никогда не отменяла и не отменит главного – таланта, упорства и выдержки оператора. Ведь порой для того, чтобы снять

трехминутный сюжет, нужно применить максимум усилий и потратить не один день. В 1960 году оператор нашей студии Виталий Барышников и его ассистент, будущий лауреат Государственной премии СССР Манасбек Мусаев, снимали строительство автодороги Фрунзе - Ош. Планировался грандиозный взрыв, который нужно было запечатлеть с верхней точки. Ради мгновений съемки Барышников с Мусаевым несколько часов забиралась на высоченную гору, долго искали выгодную точку, а потом, завершив работу, еще несколько часов спускались с опасной крутизны, таща на себе тяжелую аппаратуру. Так что, хотя результат съемки и зависит в определенной мере от технического обеспечения процесса, все же главное в этой непростой работе – сами люди, их труд, воля, бесстрашие.

Таких людей на нашей студии всегда было в избытке. Столпы операторского цеха «Киргизфильма» навсегда останутся в истории национального кино республики. Среди крупнейших фигур киргизской операторской школы необходимо назвать Кадыржана Кыдыралиева, Манасбека Мусаева, Алыгимантаса Видугириса, Марлеса Туратбекова, Нуртая Борбиева, Валерия Виленского, Константина Орозалиева, Мурата Алиева... Они перенимали бесценный опыт предшественников – Бориса Бурта, Сергея Авлошенко, Александра Кочеткова... Большое влияние оказали на киргизских операторов мастера-«варяги», те, кто приезжал к нам из других студий на относительно небольшой период времени – Илья Миньковецкий, Георгий Рерберг, Юрий Сокол, Игорь Моргачев... Все они были фанатами своего дела, изощренными мастерами и фантазерами.

Глава четвертая

Лицедеи

«Фасад» любого игрового фильма – это актеры, их лица, эмоции, души... Сценарист, режиссер, оператор и другие члены съемочной группы всегда находятся за кадром, а в кадре – тот, кто ведет действие, за кем напряженно следит зритель, кто зачастую становится кумиром и властителем душ миллионов зрителей. Напрямую с экрана с нами общаются актеры, которые дарят нам свои переживания и свои сердца. Старая школа киргизских актеров была уникальной, ни на что не похожей; некоторые из них даже не учились в театральных вузах, но масштабы их дарований от этого не становились меньше.

Природное актерское чутье, нечто исконное, изначальное, то, чего не получишь ни в каком университете, делало их неповторимыми, особенными, не похожими на актеров других национальных школ. Муратбек Рыскулов, Советбек Джумадылов, Суйменкул Чокморов, Арсен Умуралиев, Болот Бейшеналиев, Сабира Кумушалиева, Даркуль Куюкова, Бакен Кыдыкеева, Таттыбюбү Турсунбаева, Жамал Сейдакматова – эти замечательные артисты были (и остаются!) цветом киргизского кинематографа, его бесценным кладом и тем фундаментом, на котором еще предстоит строить новые актерские школы.

Непревзойденным мастером сцены и экрана был и остается, без сомнения, Муратбек Рыскулов. На его спектаклях плакали, фильмы его пересматривали по много раз. В Англии на торжествах по случаю четырехсотлетия со дня рождения Шекспира он прочел монолог Короля Лира на киргизском языке, и аристократический лондонский театр «Юнити» - мужчины в смокингах и дамы в вечерних туалетах, украшенных бриллиантами, - рукоплескали ему стоя.

В то же время простота его была просто уникальна – он на равных общался с рабочими, колхозниками, дворниками... О демократизме Рыскулова говорит и его «простонародная» страсть к картишкам, про которую знала вся киностудия. Частенько по дороге на съемки, в автобусе или на рабочей площадке во время перерыва он с коллегами рубился в «триньку», и это занятие порой так захватывало его, что он забывал о течении времени. Однажды Рыскулов в компании с драматургами Джантошевым и Аксаковым, оператором Абдыкуловым и актером Умуралиевым так разошлись, начав играть по полтинничку, что через некоторое время в банке было около пятисот рублей. Все были страшно возбуждены, и когда Рыскулов крикнул: «Банк!», игроки начали, как подростки, хватать деньги со стола! А казалось бы, солидные люди...

Забавный штришок: когда Рыскулов открывал карты, он говорил «суф-суф». А если у него был туз, сладострастно шептал «соль-соль», потому что «туз» по-кыргызски как раз и означает «соль».

Когда он проигрывал - с показной яростью рвал карты, а когда выигрывал – громко и радостно смеялся...

Ничто человеческое не было чуждо нашему великому актеру. На съемки он обычно возил с собой маленький термосок и в перерывах наливал из него в свою пиалку темную жидкость, называя ее лечебным кок-чаем. Все знали, что у

него неправильное давление, и воспринимали знаменитый термосок как емкость с лекарственным настоем. Как-то раз, пока Рыскулов репетировал на съемочной площадке, один молодой ассистент, наученный старшими товарищами, потихоньку вытащил из юрты, где располагался скраб группы, волшебный термосок и шутя пустил его по кругу. Оказалось, там был коньяк. Емкость быстро опустошили и, чтобы скрыть следы преступления, налили туда обыкновенный зеленый чай. В перерыве Рыскулов достал пиалку и... Это был настоящий импровизированный мини-спектакль! С возгласами, возмущенными криками и картинно выпученными глазами... В любой жизненной мелочи он был актером!

Поэтому и в театре, и в кино (в кино особенно!) все его роли очень органичны. Неслучайно его снимали не только крупнейшие национальные режиссеры, но и Марк Донской, Григорий Чухрай, Александр Птушко. А фильмы нашей студии практически не обходились без его участия – зрители видели его и в картине «Салтанат», и в «Легенде о ледяном сердце», и в «Девушке Тянь-Шаня», и в «Джуре», и в «Небе нашего детства», и в «Выстреле на перевале Караш», и в «Поклонись огню»...

Жил он очень просто и скромно, а ушел – величественно, как и подобает королю сцены и экрана. Накануне последнего спектакля врачи запретили ему выходить на сцену – давление прыгало, необходим был постельный режим. Но он не мог обмануть ожиданий зрителей. Сказал врачам: «Играть буду, если даже придется умереть на сцене...» Как в воду глядел... В последнем акте «Короля Лира», в один из самых драматичных моментов спектакля, Рыскулов вдруг рухнул на дощатый пол сцены. Зрители побежали к нему по проходам, кто-то вызвал скорую...

В последний свой день он подозвал к постели сына и сказал ему: «Помни, сынок, в искусстве можно работать только с чистой душой. Передай от меня салам киргизскому народу...» Он понимал, что его великий дар – это частица народного сердца, мелодия народной песни.

В этом смысле он был очень схож со своей супругой - актрисой театра и кино Сабирой Кумушалиевой. Зрители очень любили ее, и она отвечала им взаимностью. Как-то раз на гастролях в аильной глубинке она простудилась и чувствовала себя плохо, но раз за разом выходила на сцену и с полной отдачей отрабатывала спектакль. После одного из представ-

лений на финальных аплодисментах к ней подошла молодая женщина и преподнесла алое в простом глиняном горшке. «Не болейте, - говорит, - эжеке, очень вас просим». Кумушалиева расплакалась и растроганно ответила: «До самой смерти буду работать для вас, чтобы солнечно было в ваших сердцах...»

Наши артисты сами зачастую не подозревали о своем величии. Джумадылов, к примеру, был абсолютно уникальным самородком с актерством на грани обнаженного нерва. В роль он входил самозабвенно и, бывало, вел её почти в трансе. На одном из спектаклей в Киргизском драматическом по ходу пьесы он должен был рассмеяться. Сначала все было штатно, он в меру похохотывал, а потом так разошелся, что не мог остановиться, и это было почти на грани нервного припадка - он хохотал, как в истерике, сквозь смех начал плакать и в отчаянии приказал дать занавес. За несколько минут Джумадылов пришел в себя, занавес открыли, и актер как ни в чем не бывало продолжил роль с того самого места, где остановился. «Проживание» чувств на сцене или в кино было у него порой настолько сильным и реалистичным, что он зачастую выходил за рамки реальности.

Случай с предельно реалистичным исполнением режиссерской задумки произошел однажды и с Жамал Сейдакматовой на съемках «Плача волчицы». Вместе с ней снимался малоизвестный актер из Оша, и режиссер Садырбаев попросил его в сцене ссоры героев хорошенько пихнуть партнершу. Наступает кульминационный момент, актер подходит к героине Жамал и... не решается ее тронуть. И так несколько раз - с каждым «подходом» он робеет все больше и больше. Режиссер в гневе, пленка расходуется впустую. После очередного разноса актер признается, что не может поднять руку на народную артистку республики. Тогда Сейдакматова устраивает ему настоящий скандал с безумным ором и изощренными ругательствами, а он в ответ, проникшись духом подлинной ссоры, хватает ее за волосы и кидает на несколько метров! Да так, что артистка теряет по дороге свой красивый парик!

Предельной самоотдачей на съемках славился всенародный любимец Суйменкул Чокморов. Уже серьезно страдая почечной болезнью, он отважно скакал на коне, падал на горных кручах и плавал в ледяной воде. Как-то на съемках фильма «Мужчины без женщин» он поскользнулся на крутом берегу и упал большой почкой на острый гранитный камень. Боль была невыносимой, его сразу же забрали медики, и последние

кадры снимались уже без него, но он так рвался с больничной койки на съемочную площадку!

Сам Чокморов, кстати, не мнил себя актером в полном смысле этого слова. В первую очередь он считал себя художником и, безусловно, был им.

Первый раз судьба приметила его в Ленинграде, где он учился в Академии художеств. Режиссер А. Бергункер, который готовился тогда к съемкам фильма «Джура», поначалу хотел пригласить его на одну из ролей. Но... не сложилось. И только спустя пять лет случайное знакомство с Болотом Шамшиевым привело его на съемочную площадку «Выстрела на перевале Караш». После этого фильма он настолько прочно вписался в первый ряд национальных актеров, что его наперебой стали приглашать именитые режиссеры со всех студий бывшего СССР. А в 1976 году он снимался у самого Акиры Кurosавы в картине «Дерсу Узала». Но все-таки при отсутствии художнического видения Чокморов вряд ли стал бы великим артистом, именно поэтому он никогда не бросал живопись. Режиссер Али Хамраев, снявший его в «Чрезвычайном комиссаре» и культовой ленте «Седьмая пуля», рассказывал как-то, что в экспедиции, поднимаясь рано-рано утром и начиная готовиться к съемочному дню, он видел Чокморова, спускавшегося с гор с этюдником через плечо. Группа только-только просыпалась, а он уже нес на суд товарищей несколько свежих этюдов...

Чокморова очень уважали и ценили коллеги. После того как на съемках фильма «Волчья яма» ему вдруг стало плохо и его увезли в больницу, остались неснятыми несколько небольших эпизодов. Режиссер Шамшиев полностью остановил работу и решил дожидаться выздоровления Чокморова, несмотря на то, что роль у него была в фильме небольшая и в неснятых сценах, в принципе, можно было задействовать дублера.

Чокморов работал до последнего. Его очень сложно было гримировать, потому что из-за болезни тонкие капилляры на лице рвались и кровоточили. Но он стойко терпел манипуляции гримеров. Память его также подводила, в последнее время ему трудно было запоминать тексты ролей. Коллеги помогали ему, как могли: если он мучился со своими монологами, они писали текст роли на больших листах ватмана и держали их на вытянутых руках за камерой. Он не хотел бросать любимую работу, слишком сильно прикипел к кино. Но силы постепенно оставляли его...

Так наши подвижники создавали киргизское кино. Так рождалась национальная классика. И теперь мы можем гордиться людьми, сотворившими «киргизское чудо», и из года в год пересматривать любимые фильмы.

Кратко об авторах

АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав

Родился в Беларуси в 1947 году в семье офицера Советской армии. Живет в Кыргызстане с 1954-го. Окончил Киргизский государственный университет по специальности «Экспериментальная физика». Командовал два года мотострелковой ротой в Советской армии. Затем строил датчики для космических спутников. Потом резкий поворот в судьбе. Как при слаломном спуске с горы на лыжах. Работа на телевидении в качестве снимающего корреспондента, сценариста, телеведущего, режиссера. Затем – кинооператора документальных фильмов «Испытание», «Пятый угол», «Конечная остановка». И снова резкий поворот. На этот раз – на стезю бизнеса в области туризма. С бизнесом столкнулся впервые, а с туризмом, альпинизмом и горными лыжами был давний роман, который продолжается до сих пор. Автор книг «Азиатские белые горы», «Алеет Восток» и др.

АМАНГУЛОВ Анвар

Канадский автор киргизского происхождения.

Родился и вырос в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил механико-математический факультет Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия) и отделение информатики CDI College of Business and Technology (Барнаби, Канада).

Публиковался в российских литературных журналах «Дарьял», DARKER (журнал ужасов и мистики), «Союз писателей» и в киргизском литературном журнале «Ала-Тоо».

Ныне живёт в городе Ванкувере (Британская Колумбия, Канада), где работает разработчиком программного обеспечения. Увлекается бегом на длинные дистанции и литературным творчеством.

АСТРАЛЬНЫЙ (ИВАНОВ) Олег

Писатель, поэт, композитор, певец. Родился в Екатеринбурге в 1966 году. Автор трех книг в жанре песенная поэзия (рок-группа «Сорселерия») и одного романа рок-мюзикла

в жанре прозы. На данный момент пишет 4-й сборник стихотворений.

БУРЖУБАЕВА Дария

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу окончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М. Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Ала-Тоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе, занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития кыргызской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

ЗАРИФЬЯН АНЭС

Анэс Зарифьян родился в городе Фрунзе в 1946 году.

Окончил Киргизский госмединститут. Ученый-физиолог, профессор. Работал преподавателем, научным сотрудником в КГМИ, проректором – в КГИФК, МУК, КРСУ. В настоящее время – декан медицинского факультета КРСУ.

Поэт, бард. Автор 19 поэтических книг, песенника, двух пластинок песен, выпущенных еще в советские времена всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия», и компакт-диска «Выше голову!».

Лауреат, член жюри, ведущий творческих мастерских на многих региональных и всесоюзных фестивалях авторской песни. В 1980-х годах вел в журнале «Литературный Кыргызстан» рубрику о творчестве бардов «Стихи, что с музыкой слились...».

В 1989 году был принят в Союз писателей СССР, в настоящее время – член Союза писателей Кыргызстана.

Кавалер медали «Данк», ордена «Данакер», Золотой медали имени Григора Нарекаци Министерства культуры Республики Армения, заслуженный деятель культуры Кыргызстана.

Почетный гражданин Бишкека.

Песенно-поэтическое творчество представлено, помимо изданий, на сайтах: www.stihi.ru, www.bards.ru, www.glavmedinfo.ru, www.literature.kg и др.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Казахстан, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, в России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Национального союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира», Государственной наградой Кыргызской Республики, медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

ИБРАИМОВ Талип

Родился в 1940 году в с. Сары-Булак. Окончил Киргосуниверситет, а затем Московские высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работал редактором на киностудии «Киргизфильм», преподавал в Кыргызско-Турецком университете «Манас». Автор трех сборников повестей и рассказов. Лауреат «Русской премии» за 2007 год. Замечательный писатель и человек Талип Ибраимов покинул этот мир в 2016 году.

КАРАХАНИДИ Константин

Доцент, кандидат филологических наук, завкафедрой «Организация работы с молодежью и развитие русского язы-

ка». Окончил КГНУ им. 50-летия СССР. Педагогический стаж – более 35 лет. Ведет практический курс русского языка для студентов технических специальностей в КГУСТА им. Н. Исанова. Читает курсы лекций «Теория литературы», «История русской критики», «История русской литературы». Автор более 40 научных публикаций, рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане».

КОЛЕСНИКОВ Евгений

Родился в 1935 году в алтайской глубинке. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Работал редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом прозы журнала «Литературный Кыргызстан», консультантом Союза писателей Кыргызстана, а затем – Международного сообщества писательских союзов в Москве. Автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, изданных как в Кыргызстане, так и за рубежом.

КУЛЕШОВА Юлия

Родилась 24 января 1985 года в тогда ещё городе Фрунзе. Окончила Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности «Международная журналистика». Работает новостным корреспондентом на телевидении.

Заниматься творчеством начала с 13 лет. Тогда же один из первых рассказов был опубликован в детской газете Ай-Данек». Позже были публикации в газете «Блиц-ИНФО», литературном журнале «Жаңы Ала-Тоо», литературном альманахе «Много языков – один мир», журналах «Бишкекчанка» и #ONEMAGAZINE. Постоянный автор «ЛК».

Является победителем нескольких литературных конкурсов, в разное время проводившихся на интернет-площадках Кыргызстана. В частности, на Дизель-форуме и tvorchestvo.kg. Большая часть произведений написана в жанре мистики.

Но достаточно много и социальной прозы, и сюрреализма.

МИХАЙЛОВ (ЛИДСКИЙ) Владимир

Родился в Москве в 1957 году. Окончил ВГИК. Поэт, прозаик, драматург, историк кино. Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», «Сказки нашей крови», повестей, рассказов, сборников стихов, нескольких киноведче-

ских книг. Лауреат «Русской премии» (2014 и 2016 г.), а также премий «Вольный стрелок: Серебряная пуля» (США), премии им. Алданова (2014 и 2015 гг., США), «Арча» (Киргизия), премии им. Хемингуэя (Канада), драматургических конкурсов «Баденвайлер» (Германия) и «Действующие лица», финалист «Национального бестселлера», премии Андрея Белого, Бунинской премии, Волошинского конкурса, лонг-листер «Русского Букера», премии «НОС» и др.

Член Союза кинематографистов Кыргызской Республики.

НИШАНОВ Виталий

Родился в 1946 году в Пржевальске, окончил Новосибирский государственный университет, работал в Академии наук Киргизской ССР, преподавал в КГУ, был директором консультационной фирмы «Профессионал-Менеджер», ассоциированным профессором в АУЦА. С 2006 года по настоящее время преподает в бизнес-школе Университета штата Вашингтон.

РАЕВ Султан

Народный писатель Кыргызской Республики, лауреат Государственной премии им. Токтогула, международной премии «Дэниэл» (Республика Корея), международной премии им. М. Ломоносова (Россия), международной премии СНГ «Звезды Содружества», международной премии «Ата-Тюрк» и многих других. Прозаик, драматург.

Родился в 1958 году на земле Манаса. Работал в редакциях республиканской печати, на протяжении многих лет был министром культуры КР.

Произведения Султана Раева изданы, кроме родного, на английском, русском, украинском, китайском, турецком и персидском языках. С его драматическим творчеством знакомы театральные подмостки стран СНГ, Турции, Германии, Великобритании, Ирана и других стран мира.

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 года живет в Кыргызстане. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер ордена

Дружбы и ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Народный поэт Кыргызстана. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

ТРУХАНОВ Николай

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дают ощущение окрыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звездопадов». Постоянный автор «Литературного Кыргызстана».

УБАЙДУЛЛАЕВА Кристина

Родилась 27 ноября 1988 года в Оше. В 2011-м окончила Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности «Филология». В настоящее время – редактор в бюро переводов TRANSLATOR.KG. Стихи публиковались в «ЛК» и поэтических сборниках, в том числе в сборнике «Новые писатели», изданном в Москве в 2014 году, а также были представлены на различных конкурсах и фестивалях. С декабря 2019-го – член Национального союза писателей Кыргызской Республики.

*Корректурa Ольги Николаевой
Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой
Дизайн обложек Дмитрия Андреева*

*Подписано в печать 15.08.2020 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 55*